

ПАУТИНА МОЙРЫ

СЕРГЕЙ АНТИПОВ

СЕРГЕЙ АНТИПОВ

ПАУТИНА МОЙРЫ

Сергей Антипов

ПАУТИНА МОИРЫ

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Коломна
Серебро Слов
2023

УДК
ББК

A72

Сергей Антипов

A72 Паутина Мойры. *Мистический детектив* /
Сергей Антипов. — Коломна: Серебро Слов,
2023. — 260 с.

Мистический детектив Сергея Антипова «Паутина Мойры» рассказывает о событиях на рубеже XX–XXI веков, в которых главный герой оказывается в непростой ситуации перехода на новый уровень Судьбы. Жизнь сталкивает его с «сильными мира сего» и огромными возможностями, словно затягивая в паутину. И только осознав свой путь и предназначение, ему удаётся с честью выпутаться из неё и начать самому писать книгу своей Судьбы.

Все герои вымышлены, совпадения случайны.

ISBN

© Антипов С.С., 2023

© Антипов С.С., обложка, 2023

© ООО «Издательство «Серебро Слов», 2023

1

Наверное, в жизни у каждого бывают резкие повороты судьбы, когда непонятная и влекущая сила настойчиво тянет за собой в неизведанные дали и приключения. Точно такая же ситуация обрушилась на Валеру Поляковского тёплым московским июлем 1999 года, практически в день его рождения.

Ему, высокому, спортивному, голубоглазому брюнету с симпатичным лицом и застенчивой улыбкой, кандидату химических наук и просто приятному человеку, завтра исполнялся тридцать один год.

И вот ночью накануне этого «эпохального события», как, иронизируя сам над собой, Валерий называл свой день рождения, ему приснился странный сон. Высокий худой старик благородной внешности, в длинной чёрной рясе, напоминавшей одеяния священников, чем-то показавшийся Валере смутно знакомым, сказал ему всего два слова: «время пришло». В этот момент Валера проснулся: он ощутил, что эти слова Старик сказал ему прямо в уши, и они до сих пор отдавались в них эхом.

Поляковский открыл глаза и вздрогнул: образ Старика, внезапно появившегося из череды ничего не значащих картинок сна, уже наяву «висел» у него

в спальне прямо напротив кровати — незнакомец внимательно смотрел на Валерия, а через пару мгновений исчез так же внезапно, как и появился.

Что это могло означать, Валера не понял, да и размышлять на эту тему он не собирался.

«Приснится же такое...» — подумал он, сладко зевнул, повернулся на другой бок и безмятежно заснул. Теперь уже без снов.

А наутро, быстро приведя себя в порядок, наскоро позавтракав и подмигнув себе в зеркало — с днюхой тебя, Валера! — ровно в одиннадцать часов он вышел из дома и направился в ближайший магазин сделать дополнительные предпраздничные приобретения. Само празднование было запланировано на вечер, основные покупки Валерий сделал заблаговременно, но он подумал, что докупить ещё чего-нибудь вкусенького будет не лишним. Сокращая свой путь, Поляковский решил срезать и по диагонали пересечь хоть и небольшой, но красивый и густо разросшийся парк.

Настроение у Валеры было хорошее, день — солнечным. Неторопливо, прогулочным шагом он двигался по парковой тропинке, протоптанной такими же «торопыгами» между аккуратно высаженных деревьев и клумб, наслаждался погожим деньком, ароматами цветов, пением птиц и общим состоянием покоя, думая о каких-то милых пустяках и строя приятные планы на ближайшие дни.

Неожиданно, вырвав его из этих размышлений, хрипатый мужской голос затормозил его неспешное движение.

— Старик! — обратился к Валере человек неопределённо-среднего возраста и неясно-южной национальности, может быть, цыган, а может, и представитель Кавказских гор. — Привет! Что, не узнаёшь меня? Да мы же вместе учились! — и, крепко обняв его, оторвал Валеру от земли и, чуть потряхивая, повторил:

— Вот это встреча, вот это неожиданность!

— Вы меня с кем-то путаете, — пытался вырваться из крепких объятий кандидат химических наук Поляковский. — Да отпустите меня, наконец! — ему было неприятно такое обращение, тем более что человек ему был незнаком, да и его неряшливая внешность и необоснованно фамильярные манеры вкупе с сильным перегаром, фонившим от мужчины, не вызывали у Валеры симпатии.

Незнакомец поставил его на землю и растерянно проговорил:

— Гриша, неужели это не ты? Да не может быть, чтобы я обознался, — казалось, он убеждал сам себя. Его младший товарищ, такой же неопрятный тип, стоявший рядом всё это время, монотонно внушал ему:

— Пить на ночь надо меньше, а утром не опохмеляться!

Старший уныло извинился:

— Прости, друг! Ну как похож! Прямо вылитый Гришка! Прости! — и, пожав Валерию руку, поспешил в противоположном направлении, за ним поплёлся и его товарищ.

Поляковский некоторое время постоял, приходя в себя от этого неожиданного и неприятного происшествия, а затем быстрым шагом отправился напрямиком в магазин. Была уже половина двенадцатого, и люди старались отовариться до двух часов — в это время в универсаме была скидка пять процентов.

В растрёпанных чувствах Валерий дошёл до магазина, гаденький осадок от этой встречи всё ещё оставался — ему хотелось повернуться и пойти домой, чтобы поскорее принять душ, а вещи кинуть в стирку, — к тому же его не оставляло сосущее чувство, что на этом неприятности сегодня не закончатся. Набрав по списку всё необходимое, он встал в очередь к кассиру. Девушка — оператор кассы подсчитала чек и объявила сумму. Валерий потянулся за кошельком и не нашёл его на привычном месте. Стоя перед кассиршей, он, как дурак, по третьему разу шарил по всем карманам, слушая нарастающий недовольный ропот очереди, быстро образовавшейся за ним. Но хоть в чём-то ему сегодня повезло: у него в этом магазине был кредит, так как он являлся постоянным покупателем и его хорошо знали. Кассир позвала руководителя, и подошедшая замдиректора магазина, поняв, в чём

дело, разрешила взять продукты в кредит, а банковскую карточку Валеры тут же заблокировали.

— Вот беда! Спасу от них нет, от этих воришек! — в два голоса запрочитали замдиректора и кассир, когда Валерий озвучил возможно-единственную причину пропажи кошелька. — Вы уж больше старайтесь не попадать в такие ситуации. И не беспокойтесь, мы знаем, что вы человек порядочный, празднуйте спокойно, а деньги потом занесёте.

— Спасибо вам, прекрасные милые дамы, — поблагодарил Поляковский зардевшись от комплимента замдиректора и кассира. — С вашего позволения, пойду готовиться.

— Конечно-конечно, — синхронно закивали головами обе «прекрасные милые дамы». — С днём рождения!

— Благодарю! — Валерий коротко им поклонился и пошёл домой.

Солнечное настроение, с которым Поляковский вышел сегодня из дома, было испорчено.

Дело даже не в деньгах — их в бумажнике было не очень много, но жулики также спёрли и дорогой телефон, в котором хранились все важные для Валерия номера.

Досадно было — не то слово. Валерий разом как-то устал и с тяжёлыми пакетами в руках медленно поплёлся домой, теперь уже стараясь идти по людным местам. Хватит — уже «нарезался» сегодня...

2

Но поскорее забыть об утреннем инциденте Валере не удалось — эта тема стала почти главной новостью вечера. В кругу приглашённых на празднование друзей — а в основном это были коллеги по работе и ещё Галина, его нынешняя девушка, — Валерий в очередной раз в красках рассказывал, как его, взрослого мужчину, «легко обчистили, как конфетку у ребёнка отобрали»: кто-то из ребят выпустил из себя эту реплику, и она закрутилась по его трёхкомнатной квартире почти как бумеранг — улетая от гостя, облетая всех присутствующих — и возвращаясь к началу.

«Да что вы к ней прицепились, к этой фразе, к этой истории? Друзья, называется... У меня сегодня день рождения, вообще-то...» — с досадой думал Валерий, которого уже подзадолбало снова и снова рассказывать хохочущей компании о неприятном для него происшествии.

Он даже как-то с облегчением выдохнул, когда в разгар посиделок раздался короткий, робкий звонок во входную дверь.

— Заходите! Не заперто! — закричали несколько голосов.

«Вот... свинтусы. Гости, а ведут себя как дома», — с неудовольствием подумал «новорождённый» и пошёл открывать дверь: она всё же была заперта, да и предоставлять возможность неизвестно кому входить в свою квартиру он не хотел.

Когда Валерий открыл дверь, он ещё раз с облегчением выдохнул и сделал приглашающий жест рукой: он знал этого «незваного» гостя.

Гость не стал чиниться, кивнул хозяину, уверенно прошёл через коридор к комнате и остановился на её пороге.

Компания с интересом рассматривала «пришельца». Мужчина был в годах, возможно, ему было около шестидесяти лет — об этом говорили многочисленные морщины, прячущиеся в уголках пронзительных голубых глаз и благородная седина в когда-то чёрных волосах и ухоженных бороде и усах.

Но был он высок, строен, хорошо держал спину («настоящий полковник», — пронеслось в мыслях у девушек), с правильными, немного хищными чертами смуглого лица, говорившего о большой доле южная крови. Мужчина был явно одет по-домашнему, с лёгкой небрежностью, но элегантно: расстёгнутая на пару пуговиц шёлковая рубашка кремового цвета, классические брюки цвета кофе с молоком и удобные коричневые туфли из мягкой кожи в сочетании с лихой, где-то даже проказливой улыбкой придавали ему более молодой вид. В руках гость держал вместительный

красочный пакет, из которого доносились многозначительные побулькивания и дребезжания.

Гость выдержал красноречивую паузу и задал вопрос:

— Могу ли я перешагнуть сей порог? — его голос оказался низким и звучным.

— А зачем спрашиваете — вы вампир? Можете, можете! Входите! Входите! — понеслось со смехом со всех сторон.

— Спасибо! Нет, не вампир, поверьте на слово, — лукаво усмехнулся мужчина. — И спешу представиться: сосед по лестничной площадке и друг Валерика генерал в отставке Аристарх Лаврентьевич Магулия — это моя настоящая фамилия. — Мужчина коротко поклонился и полушутливо щёлкнул каблуками.

— А были и не настоящие? — уточнил с претензией на шутку кто-то из девушек.

— Не менее двух десятков, сударыня, — ответил он на любопытство дамы, подмигнул ей и лихо, гусарским жестом, расправил седые усы.

Разгорячённая компания в ответ на его жест взорвалась смехом.

— Сколько вам стукнуло сегодня, многоуважаемый господин учёный? — обратился гость уже к Валерию, успевшему за это время закрыть входную дверь и теперь уже некоторое время с улыбкой наблюдавшему за происходящим также с порога комнаты.

— Да какой я учёный... — откликнулся Валерий. — Раззява, а не многоуважаемый... Да и возраст мой ни тудэма и ни сюдэма, а ровно тридцать один год.

— Хороший возраст! — не согласился Аристарх, доставая из пакета грузинский коньяк десятилетней выдержки, бутылочку абхазского розового вина «Псоу» и пару огромных, ещё тёплых грузинских лепёшек.

Компания, к этому времени уже принявшая горячительного в значительном количестве, ответила на это действие громким свистом и улюлюканьем, но Аристарха это не смутило и он, разлив всем спиртное «по вкусу», подняв рюмку коньяка, провозгласил тост с пожеланием имениннику здоровья, удачи и как можно больше весёлых дней. Гости тост поддержали и выпили, и тут кто-то из них с подначкой добавил к тосту Аристарха:

— Он уже утром крепко «повеселился».

И вся развесёлая компания стала наперебой рассказывать об утреннем приключении именинника. Внимательно выслушав всё, что они имели сказать, и когда друзья Валерия наконец-то устали рассказывать о том, какой же он простофиля, выдохлись и замолчали, отставной генерал Магулия спросил:

— Есть кто-то из вас, дамы и господа, кто не пил сегодня никакого спиртного?

— Есть! Это Николай Пузунов, он за рулём сегодня, — тыча пальцами в спокойного парня, молча

сидевшего с края стола и налегавшего на мясную нарезку, нестройным хором ответили гости.

— Хорошо. Кто ещё есть непьющий? — продолжил спрашивать генерал.

Одна из девушек, с недоумением глядя на Аристарха, молча подняла руку.

— Это Марина Кукушкина, у неё аллергия на спиртное, вот беда какая с ней приключилась, — теперь уже тыча пальцами в девушку, провозгласили гости.

— Ну это с какой стороны посмотреть, — резюмировал Аристарх. — Вам, дорогие Николай и Марина, я даю весьма ответственное задание. Поезжайте сейчас на Рижский рынок и среди цветочниц найдите Розу Кипанидзе, это не сложно — у неё в причёску всегда вплетена красная роза. Передайте ей эту записку — я напишу её на грузинском языке. Валера, дай листок бумаги и ручку, — и, приняв у именинника просимое, быстро набросал на листочке несколько строк и отдал девушке.

Не совсем поняв — зачем и какой результат ожидается, но молча согласившись с поручением генерала, Николай и Марина уехали по назначению.

— Ну, скажите же, что вы там написали? Что должно произойти? — сразу, как только за «порученцами» закрылась дверь, заканючили девушки.

Аристарх хранил таинственное молчание и только громко восхищался накрытым столом и хвалил каждое блюдо.

Мужской половине присутствующих тоже было интересно, что затеял Аристарх, но парни держались и вопросов не задавали. Валерий же спокойно дожидался развязки этого действия.

Изнывавшим от любопытства гостям ждать пришлось недолго: через час с небольшим Николай и Марина вернулись с огромным букетом цветов, небольшой картонной коробочкой и передали их «новоорождённому».

Когда Валерий открыл коробочку и гости ринулись смотреть — а что же там такое? — в комнате раздался общий громкий «ах!»: в ней находились «потерянные» вещи и вложена сумма, с лихвой компенсирующая украденные у него деньги и моральный вред. А шикарный букет можно было рассматривать как знак извинения и поздравления с днём рождения.

Компания разразилась громким хохотом и аплодисментами. Аристарх встал и шутливо раскланялся.

— Как вы это сумели сделать, дядя Ариста-а-а-арх? Ну расскажи-и-и-и-те! Ну пожа-а-а-алуйста-а-а-а! — девушки с обеих сторон облепили генерала и начали приставать к нему с вопросами.

— Ничего сложного, — ответил Аристарх приосанившись: внимание юных дев было ему приятно. — Украденные телефоны, как правило, оседают в этом же районе или на Рижском рынке. Они не выставляются, как все дорогие аппараты, но предлагаются

из-под полы, и даже если их здесь нет, то местный продавец знает, где их найти. Если, конечно, они ещё не проданы, — уточнил он. — То, о чём я просил Розу в своём послании, было тут же выполнено, ибо я нахожусь на дне рождения, так сказать, потерпевшего... Но в следующий раз нужно быть бдительными или обращаться в милицию, — наставительно закончил генерал. — Тем более что от подобных неприятностей никто не застрахован. Никто! — веско добавил он и поднял вверх указательный палец, и Валерию почему-то показалось, что в конце своего короткого монолога его сосед имел в виду уже не Поляковско-го, не присутствующих здесь гостей, а — себя самого.

— Да! Какого там! — громко загалдели девушки, развеивая своим гомоном настроение момента. — Вся милиция это знает, но ничего не делает, только и могут, что деньги брать.

— К сожалению, это так, — грустно сказал Аристарх.

На несколько минут компания, задумавшись, затихла. Но потом кто-то включил музыкальный центр, загремела музыка, компания разбилась на пары, начались танцы, и всё произошедшее быстро было забыто.

3

Генерал ещё какое-то время побыл с «молодёжью», а потом тихонько засобирился к себе. Да, в общем-то, на него уже никто и не обращал внимания — гости увлеклись танцами, а Галина освежала стол. Поэтому попрощаться и проводить его вышел только Поляковский. Уже открывая входную дверь, Валера не удержался и спросил:

— Как это у вас всё так просто получилось, Аристарх Лаврентьевич?

— Это только так кажется, что просто, на самом деле — далеко не просто, — отозвался генерал в отставке. — Тридцать лет службы в ГРУ, да ещё десять лет постпенсионного преподавания по контракту в КГБ, сейчас вот пишу мемуары — это тебе не баран чихнул. Ты зайди ко мне после сабантуя, когда освободишься... Посидим, кофе по-турецки выпьем... Хотя я думаю, что кофе пришёл к туркам от греков, а к нам от армян.

— Но вы ведь грузин? Извините, если... — робко уточнил Валера.

— Да! — улыбкой давая понять, что вопрос его не задел, ответил Аристарх. — Но предки мои мегрелы, а мама, покойная, была из Армении. Они с отцом

познакомились на высших военных курсах, — сосед на мгновение задумался о чём-то своём. — Ну ладно, заходи. — Он встрепенулся и пожал Валере руку. — Ещё раз с днём рождения, Валерий!

— Спасибо, Аристарх Лаврентьевич! Конечно, я зайду, но... если только завтра? Нужно будет хоть дух перевести после этого... — Валерий мотнул головой в сторону комнаты, откуда играла громкая музыка, доносился смех и топот — гости резвились.

— Понимаю, — улыбнулся генерал. — Заходи завтра, да хоть в любое время. Ну пока, не буду тебя задерживать. Гости ждут... наверное... — он улыбнулся, подмигнул Валерию и ушёл к себе.

Поляковский запер дверь и нехотя вернулся к друзьям: он бы с большим удовольствием продолжил общение с соседом, но долг хозяина обязывал. Гости, несколько запыхавшиеся от танцев, ринулись подышать свежим воздухом на балкон и, закуривая сигареты, вдруг вспомнили об Аристархе.

— Ну и молодец твой сосед — генерал, здорово он этих жуликов нашёл! Да как быстро! Чем он теперь занимается? — донимали они Валерия.

— Занимается тем, чем обычно занимаются порядочные отставники, — мемуары пишет, — полусушутя ответил Валерий.

— Хорошо бы их потом найти и почитать, — высказал кто-то «глубокую» мысль. — Ты это, Валера, наверняка ведь узнаешь, когда книжка выйдет?

Стрельни у соседа экземплярчик для друзей, пусть он нам подпишет свою книженцию на вечную память! — и компания захохотала.

Поляковского вдруг покоробили эти слова, которым он раньше, возможно, и не придавал бы значения. Но сейчас разница между Магулией и гостями, которых Валерию уже не хотелось называть друзьями, была настолько явно видна, и она была настолько в пользу генерала, что Поляковский оскорбился за соседа. Он ничего не стал говорить вслух: ему не хотелось окончательно испортить свой и так нервный день рождения лишними выяснениями отношений, так что он просто ждал, когда эти посиделки наконец закончатся.

Посидев ещё с часок, гости стали расходиться, и только его подруга Галина осталась наводить порядок и гремела на кухне вымытыми тарелками.

— Давай я тебе помогу, Галя, а то ты всё одна ворочаешь, — предложил Валерий.

— Иди уже, помощник, отдыхай, а я тут сама справлюсь, — махнула она на него рукой в мыльной пене и деловито продолжила заниматься уборкой.

«Лишь бы она не затеяла завтра стирку, — с тоской подумал Поляковский, глядя на женщину, с хозяйским видом снующую по его кухне. — А то весь день свободный погубит. Надо решать этот вопрос...»

Ему хотелось завтра побыть одному в тишине, проверить все предыдущие наработки, кое-что поправить...

Да и к Аристарху не помешает зайти на часок пообщаться, посоветоваться о своих делах, в частности о том, что вроде бы намечается доцентская должность на кафедре — вопрос это серьёзный, совет мудрого человека может пригодиться.

Налив себе полрюмки подаренного коньяка, Поляковский произнёс тост:

— С днём рождения тебя, Валера! — и чокнулся со своим отражением в зеркале. — Будь здоров! Счастья и удачи тебе! — он лихо опрокинул в себя коньяк и завалился спать на одноместном диване: уже через пять минут можно было слышать его музыкальный храп.

Услышав это «представление», Галина закончила заниматься уборкой, вытерла руки и пошла в комнату.

«Умаялся, бедненький, — умиленно глядя на храпящего Поляковского, подумала она. — А поговорить о нашей свадьбе мне с ним сегодня так и не удалось — то гости эти придурочные, то сосед... А время-то идёт... Ладно, как-нибудь случай ещё подвернётся».

Галина вздохнула, взяла так и оставшиеся на столе блокнот и ручку, написала записку и тихонько вышла в коридор, то ли улыбаясь, то ли гримасничая от обиды.

«Одно хорошо, — думала она, — что живём рядом через дорогу».

На следующее утро Валерий проснулся несколько помятым, с лёгким шумом в голове, и ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Он не был большим любителем крепких напитков, но и не отказывал им. Повалявшись ещё какое-то время на диване, он встал, решительно прошёл в ванную, быстро привёл себя в порядок, принял душ и, на ходу вытирая полотенцем влажные волосы, прошлёпал босыми ногами на кухню, подошёл к холодильнику, открыл его и хмыкнул, рассматривая содержимое.

«Хорошо вчера погуляли... Гости дорогие стрескали почти всё...»

Валериному взору предстала разносортница недопитых вин, вазочка с мандаринами и остатки закусок — «былой роскоши» вчерашнего праздничного ужина. Особенно его умилил кусочек сыра, сиротливо лежавший посреди большой тарелки и заботливо накрытый пищевой плёнкой. Валера вздохнул, но надежды на лучшее не потерял. И ему повезло: он нашёл бутылку неоткрытого нарзана.

Поляковский с наслаждением, не размениваясь на мелочи типа стаканов, прямо из горла практически в один длинный глоток выдул холодный нарзан до доньшка и оставил пустую бутылку.

«Эх, хорошо!» — крикнул Валерий, наслаждаясь тем, как пузырьки щекочут ему нос, цапнул из холодильника мандарин, быстро очистил, отправил его в рот целиком и начал активно жевать. «Кайф!»

И тут его взгляд зацепился за стоявшую прямо рядом с холодильником на кухонном столе бутылку «соседского» коньяка, в которой ещё плескалось грамм двести благородного напитка.

Поляковский колебался пару секунд, а потом решительно достал из холодильника блюдо с кусочком сыра, снял с него плёнку и добавил к нему пару мандаринов.

Как только он протянул руку, чтобы взять коньяк, в дверь позвонили. Поляковский чертыхнулся и пошёл открывать.

На пороге стоял раздражающе свежий Аристарх, державший в руках блюдо, на котором разместились фарфоровая тарелочка с тонко нарезанным лимоном, небольшая, изящная турка, а также сосуд, содержимое которого сразу же страстно возжелал организм Валеры, — полбутылки густого, как дёготь, восьмилетней выдержки армянского коньяка.

— Ну вот, решил скрасить твоё одиночество, — осматривая Валеру блестящими глазами, в которых проскальзывал огонёк необидной, понимающей смешинки, пояснил сосед. — Кофе сварил в турке из чистой бронзы, так что давай принимай утреннего гостя.

— Милости прошу, товарищ генерал, — чуть растерянно пригласил старика в дом Валерий и посторонился, давая ему пройти и закрывая дверь.

— Ты не комплексуй перед моей персоной, звания ничего не значат, — входя, прокомментировал Аристарх. — А вот возраст надо уважать, это да...

Разместив всё принесённое на журнальном столике, генерал разлил коньяк по рюмкам.

— Аристарх Лаврентьевич, я ещё не завтракал, — предупредил хозяин.

— Вот и замечательно. Когда древний напиток проходит через организм по чистому пути, в этом-то и

вся прелесть. Ну, с первым днём твоего рождения! — скаламбурил сосед, поднимая рюмку. — Счастья и удачи тебе! — повторил он те же слова, которые вчера вечером сам себе сказал Валерий.

— Спасибо! — с лёгким удивлением отметив этот факт, отозвался Поляковский.

Коньяк действительно лёг с мягкой нежностью на душу, а глоток чёрного кофе запечатал выход обратно своей вязкой ароматной горечью.

— Ну как? — поинтересовался Аристарх.

— Здорово! — только и сумел сказать Валерий и заинтересованно посмотрел на бутылку. — Коньяк просто обалденный и, безусловно, дорогой. Давайте я компенсирую...

— Не-е-е-ет, не нужно. Ты не думай, что я нищий, — перебив его, засмеялся дружески сосед. — Мои студенты чего мне только не тащат! Домой я забираю только самое лучшее, остальное оставляю на кафедре доцентам, кандидатам, и так по нисходящей.

Он снова разлил коньяк по рюмкам и предложил:

— А теперь давай добавим под лимончик, чтобы разговор бежал быстрее и интересней.

Валерий уже не сопротивлялся, втайне надеясь, что Галина не додумается сегодня к нему прийти.

— Ты знаешь такую секту — «Свидетели Иеговы»? — жуя дольку лимона и чуть щурясь от её кислоты, внезапно сменил тему разговора генерал.

— Да так, понаслышке, ничего определённого. Что-то вроде корейской то ли ёнрике, то ли чёрнике — бес их знает, не интересовался я этой темой, — ответил хозяин и уже сам разлил по рюмкам коньяк.

— Примерно так, — улыбнулся Аристарх. — Вот я и преподаю молодым сотрудникам весь этот западный маразм и восточную ахинею. В России всё это переплелось в один омерзительный клубок. Кстати, сегодня будет произведён ритуал «индийской» секты монахов, переплетённой с полудюжиной других сект.

— А в чём это заключается? — поддержал разговор Валерий. Его и правда эта тема не интересовала, но раз этим направлением занимался Аристарх, Поляковский решил проявить уважение.

— Если есть желание, то через час мы отправимся в «молельный дом», где пятилетнюю девочку должны посвятить сатанинской ереси, в ритуал которой входит лишение её девственности, — старик внимательно смотрел на Валерия.

Этот факт Поляковского ужаснул. Девочку? Пятилетнюю девочку?!

— И мы это должны допустить? — возмутился тот.

— Конечно, нет, — ровно ответил генерал. — Всё уже подготовлено, чтобы арестовать приёмных родителей ребёнка, новоявленного гуру — не так давно вышедшего по амнистии извращенца, за которого хлопотали западные гуманисты. Ну и приход весь

допросить и записать на плёнку и бумагу. Так что, едешь или нет? — взгляд соседа становился всё более пристальным.

— Еду! — без колебаний ответил Валерий.

— Ну так вставай и собирайся! Двадцать минут тебе на сборы! — приказал генерал.

Валерий заметался по квартире, стараясь подобрать подходящую амуницию, в результате остановившись на безлико-удобных вещах: джинсах, футболке, ветровке и кроссовках. Аристарх отправился за машиной в гараж, но уже через четверть часа он отзвонился Валерию:

— Наша поездка отменяется, — сообщил он.

— Почему?! Как же так?! — возмущённо-растерянно отозвался Поляковский. — Там же маленький ребёнок!

— Как, как... Вот так! — в тон ему ответил Аристарх. — Контора вызвала журналистов с ТВ. Прикрывают этих гадов... А нам с тобой ехать на новый адрес, по тяжёлой наркоте. Согласен?

— Да, — согласился Поляковский.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо проговорил Аристарх. — Да ты не расстраивайся: пользу Родине принесём, унывать и скучать будет некогда. И вообще, где ты застрял? Выходи, я тебя уже жду.

Скорым шагом выйдя из подъезда, Валерий заметил белую, с некоторой ржавчиной, но чистую пятидверную «Ниву» с нижегородскими номерами, за рулём которой сидел Аристарх. Поляковский подошёл

и остановился рядом, с некоторой долей скепсиса рассматривая автомобиль.

— Ну, чего любишься? — ухмыльнулся генерал. — Не бойся, не развалится по дороге, давай садись, и тронем в путь. Захват будет на улице, на чистом воздухе под тёплым солнышком. Ну чем не утренняя прогулка двух ленивых бывших спортсменов? — почти весело крикнул Валере Аристарх в открытое окно.

— А куда мы направимся? — поинтересовался Валерий, устраиваясь рядом с генералом и аккуратно закрывая дверь.

— Куда — не самое главное, главное — зачем. Мы должны сыграть маленькую театральную роль у одной небольшой складской помойки... — ответил Аристарх, заводя «Ниву» и на удивление мягко трогаясь с места.

— Мы подъедем к складу испорченной продукции, до того как он будет открыт. Товар уже там, лежит больше месяца, но покупатели лишь три дня назад договорились забрать всё оптом, — просветил Аристарх Валерия по дороге. — Поблизости никого из опергруппы нет, всё наблюдается издалека. Каждая подъехавшая к складу машина впоследствии «провожается» двумя-тремя автомобилями до конечной остановки, где их и принимают особисты. Так как до открытия склада целый час, мы позволим себе проехать мимо, может, что и увидим. Вопросы?

Несмотря на опасения Валерия, старенькая «Нива», явно знававшая лучшие времена, вела себя безупречно на дороге.

— Это ваша машина? — спросил Валерий. Вообще-то он хотел спросить о другом: какова их задача и что конкретно они будут делать. Очень хотел, но постеснялся: Аристарху он доверял как старшему товарищу и мудрому профессионалу, и задавать какие-то дополнительные вопросы ему казалось неприличным, что ли. Вот и спросил о машине — первом, что в голову взбрело.

— Нет, из спецгаража. Такие машины почти не-приметны. К сожалению, их становится всё меньше, и через какое-то время их заменят иномарками, но тоже древнего состояния, — пояснил Аристарх.

Склад находился недалеко, и на месте они были уже через час. Поляковский молча наблюдал за тем, что делал бывший генерал.

Проезжая мимо склада, Аристарх притормозил рядом с крыльцом, на котором курил высокий, крепкий, широкоплечий мужчина, похожий на грузчика или охранника.

Не глуша машину, Аристарх опустил стекло и через окно спросил, как лучше выехать на окружную автодорогу.

«Вот почему номера не московские, а другого региона», — отметил про себя Поляковский.

Мужчина затушил сигарету, бросил её в стоявшую рядом урну, подошёл ближе к машине и, указывая в нужном направлении длинной, накачанной рукой, стал торопливо разъяснять, как удобнее и быстрее добраться до скоростного кольца.

«Прямо как стрелочник», — хмыкнул Поляковский.

В это время подъехала уборочно-санитарная машина, в народе называемая попросту «помойка». Из грузовика вышли двое таких же крепких парней и остановились рядом, наблюдая за «случайными лохами». Поблагодарив мужчину, указавшего путь,

Аристарх со своим попутчиком тронулись дальше, заметив при этом, как «стрелочник» руководил погрузкой переполненных металлических контейнеров.

— Ну вот и всё, кажется, остальное дело техники, — завершил Аристарх. — Товар уже в грузовике с «мусором», похоже, принимать товар будут на свалке. А дипломат, полный долларов, остался в конторе, в сейфе хозяина наркобизнеса.

Действительно, всё так и произошло: через три часа наркоторговцы уже давали первые показания. Валерий же шёл как свидетель, чем он был сильно недоволен: ему не хотелось хоть как-то фигурировать в подобных делах. Один вопрос — помочь ребёнку или посидеть в машине для антуража. Но совсем другой вопрос — проходить по документам как официальный свидетель, да ещё в таком серьёзном деле. Однако озвучивать своё недовольство он не стал — всё же внутри у него жило ощущение, что Аристарх лучше знает, как поступить, и не причинит Валерию вреда.

Но, несмотря на молчание Поляковского, а может — благодаря ему, Аристарх понял состояние «напарника» и пояснил:

— Видишь ли, Валерий, если бы я тебе рассказал всё изначально, то, возможно, ты с непривычки бы начал волноваться, и это могло нанести урон всей операции. А так всё прошло абсолютно идеально, без единого выстрела! Да-да, не удивляйся — и такое бы-

вает, — пояснил генерал, увидев, как ошеломлённый этими словами Валерий повернулся к нему. — И ты подходишь как натуральный свидетель! Вот тебе и первый урок, — на секунду Аристарх оторвал правую руку от руля и поднял вверх указательный палец. — И запомни: может, благодаря и тебе сотни пацанов и девчат остались живы, не приняв эти китайские синтетические смеси, закупленные Украиной и без таможи прошедшие через Беларусь до помойной свалки, где им, в принципе, и было место.

— Что будет дальше с этой гадостью? — тихо спросил Валерий, медленно «переваривая» и переосмысливая для себя всю эту ситуацию.

— Сожгут, — сухо ответил генерал, и они продолжили путь в молчании.

Поляковский лежал дома на любимом диване и смотрел в окно. В голове было расслабленно-пусто, хотя сегодняшней день он надеялся посвятить исключительно себе любимому — он чувствовал, что время странным образом ускорилося и ему как можно быстрее нужно принять важное, определяющее для себя, решение.

Он вспомнил события последних дней: то, как его обчистили на улице; как прошёл его день рождения и как вели себя по отношению к нему гости, которых раньше он считал друзьями; то, как по-собачьи просительно ему в глаза заглядывала Галина, словно пытаясь натолкнуть его на какую-то мысль.

И, конечно же, самым сильным впечатлением стало для Валеры их совместное с Аристархом дело и последующие за ним события, новые, иногда неприятные ощущения. Но — нужные и важные, пусть и не для него самого.

В деталях вспомнив тот день, Поляковский снова разволновался, но сейчас это волнение было уже другого качества.

«Как тогда сказал Аристарх? — подумалось Валере. — ...может, благодаря и тебе сотни пацанов и девчат остались живы...»

Он задумался над этой фразой, пытаясь её разложить, разобрать на все возможные смыслы. Главное — насколько такая важная миссия — спасение человеческих жизней — может быть отнесена к нему, скромному сотруднику погибающего института, человеку без особых перспектив и возможностей развития.

Незадолго до своего дня рождения у Поляковского состоялся неприятный разговор с ректором как раз по поводу развития и перспектив: Валерий шёл в ректорат подписывать заявление на отпуск, и секретарь, сидевшая в приёмной, с извиняющейся улыбкой, оглядываясь на закрытую дверь ректорского кабинета, сообщила ему пренеприятнейшую новость.

Как оказалось, должность доцента, которую Поляковскому давным-давно обещал ректор, вдруг отдали сотруднику предпенсионного возраста, причём Поляковский даже не сразу вспомнил, кто этот скромный труженик, настолько незаметным был вклад в науку этого человека.

— Валера, я понимаю, что ты рассчитывал на должность доцента и всё, что для этой должности нужно, у тебя есть. Ты умница, трудоголик, прекрасный специалист и человек, кандидат химических наук, мы все тебя уважаем, — отчески-фальшиво увещевал его ректор, подписывая его заявление. — Твои разработки этих... как их... э-э-э-э...

— «Изучение новейших полимерных соединений как материалов для электронной техники и создания компьютеров нового поколения», — подсказал замывшемуся ректору Поляковский.

— Да-да, я именно это хотел сказать, — легко продолжил тот. — И все твои другие разработки...

— А также мои изобретения, в том числе — внедрённые в производство, за которые волшебным образом не я, а вы получаете авторские отчисления — ведь там первой почему-то стоит ваша фамилия; и мои научные статьи, которые тоже как по волшебству подписаны вашим именем, — продолжил «подсказывать» ректору Поляковский.

— Ну зачем ты так, Валера, — тучный ректор побагровел, вытащил из кармана носовой платок и протёр им разом вспотевший лоб. — Ты ведь сам знаешь, что молодёжи в науке пробиться нелегко и на первых порах нужен старший товарищ, который поможет войти в научное сообщество. А отчисления — так я всё трачу на нужды института! — почти выкрикнул он последнюю фразу.

— Это институту понадобилась трёхэтажная дача в Малаховке? — вопросительно поднял бровь Поляковский. — Или институту нужны ваши регулярные поездки за границу со всеми вашими домочадцами? Причём — на ничего не значащие мероприятия, но зато в тёплые морские страны? Нет, я понимаю, что вы возвращаетесь из этих поездок посвежев-

шим и загоревшим... И ваша семья тоже... Но институту что с этого? Ведь никто кроме вас вот так полезно время не проводит. Да и на этих мероприятиях вы тоже выступаете с моими статьями. С моими. — Поляковский на пару секунд замолчал, глядя на уже свекольно-багрового ректора, сидевшего с приоткрытым ртом. — А про должность доцента я понял. И про перспективы для себя я тоже понял. Иллюзий не осталось. Прощайте, — Поляковский поднялся, взял со стола ректора своё заявление и быстро вышел из кабинета.

И вот теперь, спустя несколько дней, лёжа в тишине родной квартиры на любимом диване, Валерий размышлял о том, что ему делать дальше.

Поляковскому и самому давно хотелось найти себе новое достойное место по службе. С одной стороны, должность доцента, на которую он мог по справедливости рассчитывать, получил другой специалист, которому оставался год до пенсии. Конечно, это было, с одной стороны, по-человечески — в отношении того человека, но не в отношении Поляковского. К тому же Валерий понимал, что после разговора с ректором он тем более уже не сможет рассчитывать на какое-то продвижение в этом конкретно взятом институте.

В общем, сейчас Поляковский находился в душевном раздрае.

«Мама, как мне тебя не хватает, — с тоской подумал он, глядя на фотографию красивой женщины, висевшую на стене в золотистой рамке напротив дивана. — Только ты всегда меня понимала, поддерживала и могла одним словом решить любой мучивший меня вопрос. Mamочка моя любимая».

Он встал с дивана, подошёл к фотографии, нежно провёл пальцами по лицу женщины и поправил чёрную ленточку, перетягивающую рамку по диагонали. Некоторое время он постоял перед фотографией, с тоской вглядываясь в лицо своей умершей мамы, даже не замечая, что по его лицу текут слёзы. Из этого состояния его вывел резкий звук телефона.

Поляковский очнулся, резко с рыданием вздохнул, судорожно вытер слёзы, подошёл к телефону и ответил на звонок.

Звонили его «друзья».

— Привет, Валерка! — проорал в трубку Николай Пузунов. — Мы слышали, что тебя с должностью доцента прокатали? — после этой фразы из трубки до Поляковского донеслись разноголосые хихиканья, прозвучавшие на заднем плане.

«Вся толпа собралась, решили насладиться моментом общения», — понял Поляковский.

— Да, ты прав, прокатали. А что? — спокойно ответил он на подначку.

Судя по наступившей в трубке тишине, веселящаяся компания, находящаяся на другом конце про-

вода, затихла, не ожидая от него такого спокойного ответа.

— Так, может, ты хочешь развеяться? — уже аккуратно подбирая слова, продолжил Пузунов. — Мы едем в Карелию, спускаться на байдарках по рекам. Давай с нами? Кстати, Галина тоже едет.

«Точно не поеду... — поморщился Валерий. — Терпеть её всю дорогу без возможности уехать, да потом ещё и под конец идти до ближайшей железнодорожной станции и, искусанными комарами, возвращаться с песнями под гитару в Москву. Нет. Это всё уже мне настофигело».

Ему хотелось свободы, покоя и тишины, что он себе и обеспечил:

— Спасибо за предложение, друзья, — он произнёс последнее слово с сарказмом, понятным только ему. — Сейчас я выехать с вами не могу, но догоню. И повеселимся.

— Ну покада тогда, догоняй нас, — сказал собеседник, чуть поодаль прозвучала фраза, кажется, сказанная голосом Галины: «Не очень-то и хотелось», — и в трубке зазвучали короткие гудки.

Поляковский с облегчением выдохнул, положил трубку, сходил на кухню, сварил себе кофе, вернулся с чашкой в комнату, сел на диван и включил телевизор.

Сидя перед экраном, он лениво переключал каналы и думал на политические темы, потягивая чешское пиво.

«Ну вот, опять очередная американская мартышка на экране и её «чистый» мартышкин труд, а не политика. В какие турпоходы ехать, когда через неделю по Питеру «случайно» влупят из Литвы малой ядерной ракетой, и что дальше? Телевидение взорвётся от золотого дождя своих дебильных передач, вот кому война лучше, чем мать родна...»

И он снова с тоской поглядел на портрет матери — красивой, обаятельной женщины, нежно смотрящей на сына с фотографии.

— Как мне тебя не хватает, мама. Я остался совсем один, — вздохнул Валерий.

Внезапный телефонный звонок вывел его из состояния задумчивой прострации.

— Валерий, здравствуй, как твои дела? — раздался в трубке голос Аристарха.

— Ничего дела, кофе пью у телика, я ведь в отпуске сейчас. А что? — без особого энтузиазма ответил Валерий. Впрочем, когда он услышал в трубке голос Аристарха, на душе у него вдруг стало легче.

— Вот это правильно, вот это ты сынтуичил, — похвалил Аристарх. — Бегом меняй джинсы на костюмную пару, бери военный билет и мчись на бывшую площадь Дзержинского, пропуск заказан.

— Зачем? — поинтересовался Поляковский, тем не менее выключая телевизор.

— Не переживай, на этот раз повод хороший, — намекая на недавние свидетельские показания, кото-

рые Поляковский был вынужден давать в отношении наркоторговцев, ответил генерал. — Тебя ждут вручение «Благодарности» и прочие важные «сувениры», захвати офицерский билет запаса, явка обязательна, плюс ко всему всеобщий фуршет!.. Бегом! — и в трубке уже второй раз за этот день зазвучали короткие гудки.

«Не обижать же старика-генерала, тем более — соседа, будет потом дуться три года, если, конечно, их проживёт», — подумал Валерий.

Не размышляя долго, Валерий торопливо переоделся, вышел из дома, быстро поймал частника и за полчаса доехал до центрального входа.

Майор-особист вежливо направил его на проходную, где дожидался его пропуск. На проходной Поляковский увидел Магулию.

— Ну что, сынку, не выдохся твой «батько», есть ещё порох в пороховницах, — тепло улыбнувшись, обратился к нему отставной генерал. — А теперь — слушай приказ. Сдай свой военный билет старшего лейтенанта запаса — видишь, на пропуске что написано? — «Капитан запаса Валерий Максимович Поляковский». Кстати, если согласишься перейти в мой отдел, через месяц получишь майора и погоны по контракту. Вот так. Что скажешь? — Аристарх ждал ответа.

«Надо же... Неожиданная новость... И возможность появилась — прямо в кассу... Но в какой отдел? Разве

генерал не в отставке?» — пронеслось в голове у Поляковского.

— А что это за отдел такой? — спросил он генерала.

— Аналитический отдел тринадцатого управления — подробности, как говорится, в афишах, твой отпуск кончается в конце июля, а с августа ты пройдёшь аттестацию и будешь зачислен в «святая святых», — ответил довольный Аристарх.

Вся эта затея казалась Поляковскому каким-то розыгрышем серьёзного заведения, но сразу отказываться или высказывать сомнения он не стал.

Мероприятие, на которое он попал по протекции Магулии, прошло довольно приятно, и офицеры, отличившиеся в операции с наркоторговцами, по-своему обращались к нему, как будто бы видя его уже с погонами майора на плечах, хотя в основном все пришли в штатском прикиде, почти в одинаковых костюмах.

Незаклеенные конверты с именем и фамилией дожидались каждого со значительной суммой премиальных внутри в знак удачного завершения дела. Выбрав удобный момент, Аристарх подвёл Валерия к начальнику отдела.

— Ну как ваш подопечный, не против влиться в наши ряды? — спросил тот.

— У меня сейчас отпуск, и я дам согласие по его окончании, — нагло ответил Валерий. — Если только вы не передумаете, — добавил он шутливо, смягчая свой ответ, и улыбнулся.

Оба генерала весело рассмеялись.

— И не таких брали на поруки, — скаламбурил начальник отдела, протягивая руку.

Мероприятие подошло к завершению, и приглашённые потихоньку разошлись.

«Как всё быстро произошло-завертелось! Здорово подсуропил мне Аристарх, — думал Поляковский о том, какой неожиданный зигзаг сделала его судьба, вечером сидя дома на любимом диване с чашкой кофе. — Видимо, давно приглядывался, вот и нашёл замену себе!.. Ладно! Будь что будет, авось всё веселее жизнь побежит, а там, глядишь, и понравится...»

Он ещё попытался обдумать ситуацию, но усталость его всё же сморила, и он уплыл в сон на мысли о том, что уж больно ответственный это переход из одного социального качества — интеллигента — в другое, серьёзное, где вход рубль, а выход сто...

7

На следующий день к Валерию зашёл Аристарх и предупредил, что шеф пригласил их в командировку с понедельника до пятницы с группой специалистов в Ленинградскую область, в Выборг, в специальную секретную военную часть.

— Что там будет? — уточнил Поляковский. — Или это страшная военная тайна? — добавил он, дурачась, «замогильным» шёпотом.

— Вот балбес, — по-доброму усмехнулся генерал. — Там меняют и настраивают новейшую экспериментальную аппаратуру. У меня там свои дела, а ты, мой дорогой, будешь участвовать в этом процессе с другими офицерами как стажёр.

— Это важно для меня? — уже серьёзно спросил Валерий.

— Да, эти офицеры в конце месяца напишут рапорты о твоём соответствии, — Аристарх пристально посмотрел Поляковскому в глаза. — Ты ведь понимаешь, что будет зависеть от их рапорта? Да?

— Да, — отозвался Поляковский. — Я постараюсь.

Валерий сдержал слово: он старался сделать всё от него зависящее, чтобы окружающие начали его

воспринимать как знающего специалиста, надёжного человека и хорошего товарища — чтобы его временные коллеги стали постоянными.

Всё шло прекрасно, и в короткие сроки (во многом благодаря Поляковскому), уже в четверг утром, аппаратура подключилась к аналитическим центрам целого «куста» разведывательных служб государств — «заклятых друзей» страны и работала идеально. Это стало огромным достижением нашей контрразведки. И Магулия, и Поляковский были довольны этим результатом: это оказалось хорошей «заявкой на победу» — на зачисление Валерия в штат могущественной организации.

— Молодец, Валера, — похвалил его генерал, когда они вышли «подышать кислородом» из кабинета, где в последние дни работал Поляковский.

— Аристарх Лаврентьевич, вы сомневались во мне? — спросил Поляковский и в «изумлении» приподнял правую бровь.

— Нет, не сомневался. Всё же ты мой... протеже. В общем, ты молодец, — и генерал шутливо потрепал Поляковского по волосам. — Но я знаю, что в жизни бывают разные повороты, иногда возникающие там, где их никто не ждёт, просто на ровном месте. И хлебай потом полной ложкой... Ладно, я еду обратно в Москву. Как сам вернёшься — заходи, поговорим о наших дальнейших планах.

На том и порешили.

План был выполнен, командировка подходила к концу — остался один день, оказавшийся свободным, — завершающая пятница.

Принимающая сторона посоветовалась с гостями, и было принято коллегиальное решение — после сборов сообразить «сабантуй». Пока местная власть готовила «прощальную гастроль», те, кому полагалось писать отчёты, — писали отчёты. В общем, все были при деле.

Банкет в лучшем ресторане города оплачивала воинская часть из своих запасов. Однако у этого мероприятия была ещё одна цель: два местных «специалиста»-чекиста должны были охранять московский коллектив из шести человек, а также брать на заметку всякий негатив во хмелю — и позже описать всё подробно в своих отчётах «Купеческой Москве», как они называли москвичей.

Веселье началось по классике: столы ломились от закусок и всевозможных обещающих разгул горячительных напитков. Кроме того, до сведения москвичей было доведено, что недостающие напитки можно брать в баре совершенно бесплатно...

«Это же питерцы нам благоволят... Не то что в футболе на стадионе», — промурлыкал от удовольствия старший группы, и после первых встречных тостов все накинулись на деликатесы, чередуя водку с грибами, с селёдкой под шубой, капустой с брусникой и всевозможными приправами. Москви-

чи отрывались по полной программе, ни в чём себе не отказывая. Глядя на них, можно было подумать, что московские специалисты сидели на сухом пайке неделю...

После принесли горячее рагу из трёх сортов мяса и шикарный общий плов из баранины. Пятёрка москвичей затравленно и жадно глядела на всё это изобилие, не зная, как это всё поместится в их желудки. А им ещё сообщили о ждущем впереди запечённом огромном жульене с грибами. «Ладно, переживём и это!» — решили специалисты.

Коньяк, водка, крепкие горькие настойки щедро поднимались с новыми тостами, звеня чешским стеклом. Несколько бутылок шампанского потели в вёдрах со льдом.

Поляковский же насытился быстро и начал скучать: он уже пожалел, что не уехал в Москву вместе с Магулией.

«Так, может, мне уйти сейчас и поехать домой? Что я тут сижу?» — подумал Валерий, но тут грохнул первым аккордом оркестр и Поляковский рефлексивно обернулся в его сторону.

Недалеко от сцены он увидел столик, за которым сидели три очаровательные девушки — брюнетка, блондинка и рыжая.

«Наверняка студентки, сдали экзамены и празднуют», — подумал он и, захватив шампанское и шоколад, пошёл к ним знакомиться.

Казалось, девушек не смутил молодой мужчина, без приглашения и разрешения усевшийся к ним за столик на единственный свободный стул, — они никак не прокомментировали его появление, только с любопытством рассматривали.

— Прекрасные милые дамы, добрый вечер, — проговорил Валерий, кладя на столик большую плитку шоколада и открывая шампанское. — Хорошо проводите время?

— Уже лучше, чем раньше, — ответила рыженькая, видимо, самая бойкая.

— Я рад, что моя скромная персона скрасила ваше... э-э-э-э... Ну вы меня поняли, — Поляковский с удивлением обнаружил, что опьянел больше, чем предполагал.

— Скрасила, скрасила, — рассмеялись хором «три грации».

Поляковский благодарно улыбнулся за их снисходительность и подозвал официанта.

— Принесите фужеры для шампанского и что-нибудь вкусненькое с нашего стола, — распорядился он.

— О! Для ваших красивых спутниц я принесу с кухни любой заказ бесплатно, — ответил официант.

— Несите всё самое вкусное! И побольше, побольше! — захлопали в ладони девушки, а Поляковский согласно кивнул.

После того как официант отошёл, девушки переключили внимание на Поляковского.

— Назови своё имя, о рыцарь... без белого коня, — со смехом обратилась брюнетка, сидевшая рядом с ним.

— Моё имя Валерий, о прекрасная принцесса, — в тон ей отозвался Поляковский. — А как тебя зовут, о прелестная? Как имена твоих подруг? — в свою очередь спросил он.

— Меня зовут Кристина, и я разрешаю тебе пригласить меня на танец, — не дожидаясь того, что представятся её подруги, сказала девушка и потянула Поляковского танцевать. Однако этот неловкий момент был быстро исправлен — девушек пригласили танцевать офицеры-«специалисты» из московской команды.

А Поляковский вообще на это не обратил внимания. Кристина чем-то манила, притягивала его — он и сам не понимал, чем она его так привлекла. Может, его заворожил блеск её карих глаз... Или лёгкий шёлк длинных волос... Или необыкновенный запах, которым он был готов дышать вечно.

Поляковский не отходил от неё ни на шаг, забирая все танцы себе. На их столике уже стояла пустая бутылка из-под шампанского, и постепенно опустошалась бутылка наливки «Рябиновой на коньяке». Стол уже

почти пустовал: у студенток был хороший аппетит, к тому же качественное спиртное и активные танцы только раззадоривали его.

Девушки, чьи имена Поляковский наконец узнал — Елена и Лия, стеснялись заказывать что-то ещё кроме того, что они заказали прежде, и по этому поводу обращались к Валерию, хихикая от удовольствия и с завистью поглядывая на московского «специалиста», которого Кристина демонстративно «присвоила»: она с хозяйским видом положила руку ему на плечо и так старательно ему улыбалась, что её улыбка давала фору всем осветительным приборам зала.

И «крепость» без сопротивления с радостью пала в нежные руки победителя: после выпитого горячительного и жара медленных танцев с поцелуями Валерий и Кристина решились на побег из ресторана. Они прихватили с собой бутылку бренди и шампанского «Брют» и поспешили в гостиницу.

Гостиница была рядом, уютный и дорогой номер в отеле окончательно расположил Кристину к Валерию, и им осталось только, смеясь и целуясь, покориться друг другу. Рассвета они не заметили, сжигая друг друга в жарких объятиях, пока не отключили свои сознания, уходя в нирвану...

Их утро пришлось на день, и они его провели так же приятно, как и ночь, из постели перекочевав в душ.

— Нам хорошо вместе, — задумчиво глядя на Кристину, сказал ей Валерий. Они сидели на балконе

и пили кофе — после вчерашнего ни в него, ни в девушку больше ничего не лезло.

— Да? — игриво ответила она, отпивая кофе и глядя на него поверх чашки. Её волосы развевал ветерок, полы гостиничного халата, который она надела после душа, разошлись, а запах снова стал кружить ему голову, и Валерий чувствовал, что ему не хочется её отпускать.

— Поедешь со мной в Москву? — он даже не понял, как задал этот вопрос.

— А ты этого хочешь? — её взгляд вдруг стал серьёзным и пристальным.

— Да, — честно ответил Валерий. — Я этого хочу.

— Что ж. Я согласна, — через несколько секунд молчания ответила девушка. — Я сама куплю билет на поезд, которым ты едешь, и встретимся внутри, после отъезда. — Кристина быстро допила кофе, собралась и ушла, на прощание поцеловав Поляковского в губы длинным, нежным поцелуем.

Валерий был счастлив. Он предвкушал их поездку и предстоящий досуг в Москве: как они будут гулять по улицам, взявшись за руки, как будут ходить в кино и театры, как... В общем, у них всё будет хорошо. В этих приятных мыслях время до отъезда пролетело незаметно.

Вечером на перроне, стоя у вагона, Валерий во все стороны крутил головой, высматривая Кристину, но увидеть её в толпе провожающих-отъезжаю-

щих не смог. А когда поезд тронулся, Кристины в нём не оказалось: Поляковский некоторое время постоял в коридоре вагона, а потом прошёл взад и вперёд по всему составу, с извинениями заглядывая в купе и внимательно осматривая пассажиров плацкартных вагонов, но найти её не смог.

«Видимо, я понравился ей не настолько, чтобы продолжить знакомство», — с грустью подумал он.

Поезд уносил его в ночь вместе с полухмельной бригадой коллег. У Поляковского было муторно на душе, и он пошёл в вагон-ресторан — купить пару упаковок холодного пива для всей команды.

На обратном пути, не доходя до их купе, он встретил одного из «специалистов», прапорщика-старовера, идущего навстречу — явно похмелиться.

— Я купил холодного пивка, — показал Валерий на упаковки. — Пошли обратно.

— Спасибо, но пива мне не хочется, — широко улыбнулся одними губами прапорщик. — Пойду дерябну ещё грамм триста чего покрепче под соляночку, — и без лишних слов двинулся дальше.

Валерию показалось, что прапорщик напряжён и чем-то озабочен.

«Может, у него что-то случилось?» — подумал Поляковский. Но окликать неприветливого мужчину, который уже подходил к выходу из вагона, Поляковскому не хотелось, и он пошёл к купе. Прапорщика он больше не видел и быстро забыл об этой встрече.

Коллеги встретили Валерия с пивом одобрительными возгласами.

— Ну что, уважаемые, может, сыграем в преферанс — в «ленинградку», раз уж мы оттуда едем, — предложил Валерий.

Спутники его поддержали, и остаток пути мужская компания провела вполне приятно.

Всё сложилось так, как и предполагали Аристарх и Валерий.

Через пару дней капитан Поляковский был зачислен в аналитический отдел одной из мощнейших служб мира.

«Контракт на пять лет заключён, и звание майора за это время наверняка до конца службы будет получено, так что никто никого не объегорил», — думал капитан Поляковский. Работа аналитика была ему хорошо знакома, а новейшая сверхсекретная аппаратура вызывала неподдельное уважение. Настроение у Валерия было приподнятое: он не только предвкушал начало работы в такой серьёзной организации, испытывая готовность выкладываться на все 100%, но и радовался освобождению от рутины своей прежней службы.

Вот только в последнее время ему стал сниться один и тот же сон: уже знакомый ему Старик, Аристарх и Валерий сидели за столом. Перед Магулией и Поляковским стояли прозрачные — наверное, стеклянные — чаши, а Старик из прозрачного же кувшина наливал в них воду.

В чаше генерала вода поменяла цвет — стала красной, похожей или на красное вино, или на кровь.

Магулия увидел это и усмехнулся, неприязненно посмотрел на Старика и перевёл взгляд на чашу Поляковского: в ней вода осталась такой же прозрачной, как и в кувшине.

Магулия резко поднялся, с шумом отодвинув свой стул, порываясь уйти, но Старик одним взглядом заставил генерала сесть обратно. Магулия нехотя опустился на стул и некоторое время сидел неподвижно, глядя на свои лежащие на столе сцепленные в замок руки, затем поднял голову и, посмотрев Старика в глаза, кивнул.

В этот момент Валерий просыпался. Но осмыслить происходящее во сне он не мог — и кроме неприятного осадка от этого странного сна ничего не оставалось.

В первое утро новой службы Поляковский встал пораньше, чтобы спокойно собраться и без проблем добраться до нового офиса. И он совсем не был готов к двум звонкам, прозвучавшим почти одновременно: звонили по телефону и во входную дверь.

Валерий сначала метнулся к телефону — тот был ближе — и с удивлением услышал, что ему звонят с нового места работы, сообщая, что в 8:00 его и всю группу командировочных вызывают к высокому начальству. Поляковский подтвердил получение «телефонограммы», положил трубку и кинулся открывать раннему гостю, продолжавшему трезвонить в дверь.

— А я вот к тебе, Валера, решил в первый день проводить своего протеже, — весело проговорил Аристарх и сунул Валере листок бумаги, на котором было написано: «Молчи, нас всех прослушивают». — Поедем на метро, чтобы случайно ты не опоздал, — продолжил он всё тем же лёгким тоном, пристально глядя Валере в глаза. — Спускайся скорей, жду тебя у подъезда.

Поляковский собрался мгновенно и, прыгая через ступеньку, быстро спустился вниз со своего третьего этажа. Магулия, как и сказал, ждал его у подъезда.

— А теперь быстро и чётко расскажи, что происходило, начиная с вашего грёбаного сабантуя, — жёстко приказал он Валерию, хватая того за грудки и оттаскивая в сторону.

— Да что случилось-то?! — только и мог просипеть Поляковский, пребывая в полном ауте от поведения генерала и новости о прослушке.

— Прапорщик, который старовер... Помнишь его? — ответил вопросом на вопрос Магулия, когда они медленным шагом направились к метро.

— Да, и...

— Он убит, — глухо ответил генерал. — Ещё вопросы или уже начнёшь рассказывать? — рявкнул он на Поляковского.

И Валерий начал рассказывать, сжато, чётко, без лишних эмоций, обо всём, что с происходило с ним

и в Выборге, после отъезда генерала, и на обратном пути. Он не пропустил ничего.

Внимательно, не перебивая, выслушав Поляковского, генерал задал первый вопрос:

— Эта студентка Кристина так и не объявилась?

— Нет.

— Значит, в поезде нет... Что интересно — она и билет на поезд не покупала, — пробормотал генерал.

«И когда он успел это проверить?» — мелькнула мысль у Поляковского. Может, он бы продолжил над этим размышлять, но его отвлѣк очередной приказ генерала:

— Так, доложи ещё раз!

— Я сначала её подождал, стоя в коридоре вагона, потом искал — прошѣл по составу, не нашѣл и направился в вагон-ресторан, купил пива, — покорно начал повтор Валерий.

— Дальше!

— Пошѣл обратно к себе в купе.

— Дальше!

— Встретил поддатого старовера...

— О чём говорили?

— Пошутили о выпивке. Я нѣс две упаковки пива, он сказал, что пива не хочет, а добавит грамм 300 под соляночку...

— Соляночка, соляночка, кругом одна подляночка... — пробормотал Магулия. — Дальше.

— Я вернулся в купе, мы пили пиво и играли в преферанс, в «ленинградку».

— Как я рада, как я рада, что вы все из Ленинграда... — саркастически заметил Аристарх. — Дальше-то что было?

— Я в гору пошёл.

— Пошёл ты не в гору, мил человек, а к прокурору. Дёрнул меня чёрт рекомендовать тебя в эту грёбаную командировку. Всё! Чую, не допишу свои мемуары... — прошипел Магулия.

Они зашли в метро, и Валерий замолчал. Ни на эскалаторе, ни в вагоне разговор продолжать было нельзя. Выйдя на улицу, Аристарх ещё некоторое время молчал, а потом резюмировал:

— Так, слушай, как было. Ты эту Кристину видел в ресторане, знакомство было короткое.

— А как же в гостинице? — удивлённо спросил Поляковский.

— Переспал по пьяни, утром дал денег и выпроводил за дверь.

— А как же?.. — Валера удивился ещё больше.

— А никак же, — передразнил его генерал. — Нажрался, облевался, имя и то хреново запомнил. А то, что студентка, так это в кабаке было озвучено при свидетелях.

Подходя к проходной, Аристарх почти шёпотом бросил:

— Уже молчи, как рыба об лёд, не спеши отвечать на вопросы.

«Разбор полётов» начался со старшего и спускался по нисходящей. Допрашивал лично начальник отдела — скрупулёзно, буквально поминутно. Валерий поразился, что они всё проговорили с Аристархом, и это стало для него хорошей подготовкой.

А дело оказалось непростым, раз допрашивал сам шеф, и уже была проведена серьёзная подготовка: с минуты на минуту должны были принести результаты судебной экспертизы.

Судмедэксперт с докладом появился в кабинете генерал-майора как раз в тот момент, когда дело дошло до Поляковского, и Валера тихо выдохнул, радуясь этой короткой отсрочке: все напряглись, внимательно слушая читаемую экспертизу. Сделав небольшую паузу, судмедэксперт торжественно объявил, что в выброшенной сперме старшего прапорщика обнаружена женская слюна, а на жертве остались следы ярко-красной помады.

На одну секунду Аристарх и Валера взглянули друг на друга, приоткрыв от неожиданности рты.

— Объявляется десятиминутный перерыв, всем выйти, кроме судмедэксперта и товарища Магулии — вас я попрошу остаться. Всем остальным перекур, — разрешил шеф.

Ровно через десять минут все вернулись на свои места.

— Итак, — с позволения начальника взял слово Аристарх, — сегодня рано утром Валерий Максимович

Поляковский по дороге в нашу «святая святых» всё подробно рассказал о возвращении из командировки. Пожалуйста, товарищ генерал, можете задавать вопросы последнему члену командировочной группы.

— Ну начнём, — сказал начальник. — Во-первых, наш последний член командировочной группы «отдыхает» в море; исходя из этого, выходит, что капитан Поляковский предпоследний... На сегодня ясно одно: что, возможно, некая женщина не поделила сортир со Старовером — будем его так называть, — где его и нашли без порток и с дыркой в голове. Как со слов Поляковского рассказал мне сейчас уважаемый Аристарх Лаврентьевич, возможно, это подружка Валерия Максимовича.

На этих словах начальника Поляковский дёрнулся и открыл рот, готовясь возразить.

— Повторяю — только возможно! — генерал-майор не дал ему этого сделать. — Ведь именно эта девушка «засветилась» в ресторане, где была вся компания. Но тогда куда девался табельный «макаров» Старовера? Вот отсюда-то мы и будем танцевать, как от печки.

Раздав поручения, генерал-майор всех отпустил и оставил у себя в кабинете на этот раз Магулию и Поляковского.

— Ну что, капитан, растерялся малость? Мне Аристарх всё рассказал, все секреты твои выдал: как ты перед отъездом бурно ночь провёл, что даже имя под-

руги вспомнил с трудом... — подшучивал над Валерием начальник. — За это, конечно, похвалить не могу... Хотя... Эх, молодость, молодость... Но вот распутывать это дело придётся тебе. Аристарха в помощь тебе даю, как куратора, ты не против?

— Даже рад буду, — дрожащим голосом выдавил из себя Поляковский. Он был как на иголках всё это время, не представляя, куда может повернуться ситуация.

— Ну, вот и решили, — сказал генерал-майор, — забирай его, Аристарх, чтоб он мне тут глаза не мозолил.

— Ну что вы, господин начальник, — с иронией поддакнул Магулия, — вы только приглядитесь: благонамеренный и преданный делу новобранец.

— Ну да, это у нас ценится. Даю неделю сроку на всё про всё, — шеф завершающе стукнул ладонью по столу.

— За пять дней управимся, товарищ генерал-майор, а выходные не в счёт! — отрапортовал Аристарх.

— Вот и ладно. Но помните: не выполняйте — порву, как старые газеты. Ибо меня «хозяин» порвёт, как тузик грелку на Первомай. Надо мной ведь тоже есть начальство, — с кислой миной проговорил шеф.

Из кабинета начальника Валерий и Аристарх вышли взмокшие, с гипсовыми лицами. Они шли на деревянных ногах, медленно и были настолько бледными, что со стороны можно было подумать, будто они

возвращаются от проктолога, который посоветовал им принять новые импортные слабительные свечи.

— Ну что думаешь, сынку, а не перемудрил ли ты самого батьку, а? — поинтересовался Аристарх, от усталости и нервяка с трудом ворочая языком.

— Вам виднее, — в тон ему отозвался Валерий.

— Ладно, тогда предложи что-нибудь. Если это будет глупее моей идеи, значит, примем твою, — подначил Аристарх. — Даю пять секунд, говори!

— Вон пивнушка, идём туда! — указав на бликующую солнечными зайчиками витрину «стекляшки», предложил Валерий. Ему хотелось расслабиться: напряжение не отпускало.

— Молодец, уложился в пять секунд, — хмыкнул генерал.

— А ваш вариант? — поинтересовался Валерий.

— Я хотел вернуться в альма-матер, оставить заявление об увольнении и почапать до дома, до хаты и под хороший коньяк сесть дописывать свои мемуары, а иначе вы все меня погубите раньше времени. Вот так.

— У вас, Аристарх, в пять секунд не получилось, — педантично отметил Поляковский.

— Вот поэтому я бреду с тобой в эту забегаловку, одно хорошо: что пиво здесь не разбавляют.

— Даже святой водой? — Валерий попытался пошутить.

— Даже святой! А откуда эта свежая чепуха?

— От одного раввина, который перешёл в католики, — сообщил Поляковский. — А при чём здесь чепуха?

— Да это хохма. «Чепуха» переводится с идиш как «глупость». Ну вот, век живи, а толку — чуть. Я вот на старости думаю: может, мне обрезать у раввина?

— Вам поздно уже, а мне рано, — вяло поддержал шутку Аристарха Валерий: ну не шутилось им после «бани» у шефа.

— Это точно! — констатировал Аристарх.

Из пивной Магулия и Поляковский вышли скоро и более чем навеселе. Настроение у них улучшилось: в непритязательной обстановке пивной — да, я «стекляшка» и этим горжусь, — разноголосого гомона её посетителей, обсуждавших футбол, женщин, начальство и, собственно, подаваемое пиво, Поляковский и Магулия смогли наконец расслабиться. Они сидели за столиком около окна, наблюдали за прохожими, болтали о всякой чепухе, пили пиво и перешучивались с остальными «пивунами». За этим расслабляющим занятием незаметно пролетело несколько часов, и засобирались домой.

Они вышли из пивной, на ходу прощаясь с её всегдашними, за прошедшее время ставшими им чуть ли не закадычными друзьями, и твёрдо обещая «улететь, но вернуться», вдохнули вечернего, свежего воздуха. Наудачу синхронно махнув руками, остановили первую же проезжавшую мимо машину: белую «копейку», за рулём которой сидел нерусский водитель.

Поляковский наклонился к приоткрытому окну и назвал адрес.

— Ай, дарагой, не знаю, где такая улица, — отозвался водитель. — Покажешь, э?

Валера обернулся и вопросительно посмотрел на Аристарха: ему самому не хотелось ехать «на водителе», не вызывавшем доверия, но пусть решает генерал, — тот согласно кивнул.

— Ты, Валера, садись на заднее сиденье, а я побуду сегодня, пожалуй, штурманом, — усаживаясь рядом с водилой, прокряхтел Аристарх. — Давай, дарагой, поехали, э! — не обидно передразнил он водителя и махнул рукой вперёд.

Водитель белозубо улыбнулся, и с риском для жизни, нарушая правила, но зато с ветерком, они пустились в обратный путь.

— Вы знаете, Аристарх, — сказал прилично подвыпивший Валера, — мне кажется, что я знаю вас почти тысячу лет, радость какая-то внутри.

— А почему «почти»? — уточнил Аристарх.

— Потому что мы ещё не доехали и есть хороший шанс, что не доедем с этим замечательным каскадёром, — и Поляковский беззастенчиво ткнул пальцем в водителя, потом смутился этого невежливого жеста, замолчал и подумал: «я пьян, я сильно пьян». Дальше он только прилагал усилия к тому, чтобы его не стошнило, когда их «рулевой» закладывал виражи на поворотах.

— Похоже, ты прав, — с умным видом, который автоматически появляется на лице хорошо наклюкавшегося человека, согласился Аристарх.

Их испытания почти кончились, когда жигулёнок несколько раз надрывно чихнул, захрипел и намертво заглох в сотне метров от их дома.

— Ну вот, всё сбылось, как я и предполагал, — даже с каким-то облегчением в голосе сказал Аристарх. — В двигателе не осталось машинного масла, его заправлять как-то надо и периодически необходимо, — дал он совет водиле и поднял вверх указательный палец. — Ну что же, остаток пути полезен как лёгкая разминка.

Они оставили деньги за проезд на торпеде, вышли и, беззлобно посмеиваясь над водителем, который, охая, бегал вокруг своего заглохшего «коня», двинулись к дому.

Поднимаясь на лифте, Аристарх спросил Валерия:

— Ну, что будешь делать дальше, новобранец?

— Ума не приложу... Может, зайдёте ко мне и посоветуемся? — проямлил Валерий — он вообще не представлял, с чего начать поиск предполагаемой убийцы прапорщика-старовера.

— Никаких «может»... Слушай приказ: посетить туалет, принять душ, выпить чашку крепкого чая и спать до тех пор, пока сам не проснёшься. Как только это произойдёт, зайди ко мне, а я за это время переговорю с бывшими «друзьями»... Может, что-то и высветится.

— Как вы думаете... — начал было Валерий.

— Я никак не думаю и через полчаса так же, как и ты, окунуться в nirvanу сновидений, мне по-стариковски будет достаточно двух или трёх часов. А тебе, голубчик, необходимо выспаться и протрезветь.

Они вышли из лифта, одновременно открыли двери своих квартир, стоя спина к спине, молча шагнули каждый через свой порог и услышали, как у обоих звонят домашние телефоны.

«Ни хрена тут не выспишься», — раздражённо определил Валерий. Подняв трубку, он услышал знакомый голос Галины:

— Я сейчас к тебе зайду.

— Ни в коем случае, я с девушкой, — сухо ответил он и повесил трубку.

Ему не хотелось видеть никого из своей «прошлой» жизни, тем более — Галину. И в этот момент он не понимал, перед кем ему более неловко — перед Галиной из-за Кристины, или перед Кристиной из-за Галины. Проверять свои чувства у него сейчас не было сил, и он постарался выполнить приказ генерала: туалет, душ, чай, диван.

Но выполнить приказ генерала полностью Валерию не удалось, а именно — в части «спать до тех пор, пока сам не проснёшься». И помешал ему сам же Магулия — в полночь он неожиданно позвонил в дверь Поляковского:

— Ты что, всё ещё дрыхнешь? Пятнадцать минут тебе про всё на всё! Жду в машине, кроме документов ничего не бери! — гаркнул он с порога.

Валерий без вопросов быстро собрался и через четверть часа уже садился в небольшую, но шустрюю машину «Элантра Хёндай».

— А вы говорили, что у вас нет машины?.. — заинтересовался он, поудобнее устраиваясь на переднем сиденье.

— Нет и не будет, — буркнул в ответ хмурый Аристарх, заводя автомобиль. — Мы сейчас невычислимые и неуловимые: ни в поездах, ни в автобусах межгорода, и также Аэрофлота, — мы нигде не числимся. Но этого недостаточно: свои телефоны я уже отключил, и ты свои тоже отключи — это важно.

— Я домашний отключил, чтоб Галина не звонила. Ну и вообще... — ответил Валерий и поёжился, вспомнив о том, что они на прослушке.

— Ну вот, хоть сегодня ты умненький мальчик, — как-то обидно похвалил его Аристарх. — Сотовый отключи прямо сейчас, и — поедем.

— А кто хозяин этой машины и куда мы направляемся? — всё же решил уточнить Поляковский, когда машина тронулась с места и Аристарх мягко вывел её из двора.

— Если ты ещё не проснулся — у меня есть с собой бразильский растворимый кофе с лимоном в термосе, — генерал мотнул головой в сторону заднего сиденья. — Сам пей, сколько хочешь, хотя я не советую, медвежья болезнь может настигнуть где угодно, а кусты по дороге будут попадаться не всегда. Возьми-ка лучше фляжку коньяка армянского — он крепкий, сделай пару-тройку глотков, а затем запей коньяк кофе, тогда будет определённая гарантия, что мы без остановок домчим до Бологого.

Машина вела себя безупречно. Пустая автодорога звала добавить газ, что они и сделали, миновав Химки.

— Так вы мне расскажете, что произошло за это время и почему эта гонка? Или оставите меня теряться в догадках? — не дождавшись объяснений, спросил Валерий.

— Ну, слушай, — Аристарх на пару секунд замолчал и начал рассказ: — За то время, что ты дрых, я имел два звонка по межгороду, на которые ответил, что люди попали не сюда. Один звонок был из

Питера на мой стационарный, второй, на сотовый, был через пару часов из Выборга. Это как раз время доехать из точки «А» в точку «Б». Третьего звонка не было, а это очень важно! — генерал повернулся и посмотрел на Поляковского, словно призывая обратить особое внимание на этот факт. — Третий звонок обязан был быть, и если в течение часа никто не позвонил, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Достаточно нескольких звонков, число которых — это определённый текст. Три звонка — это отбой, всё в порядке. Два звонка — сменили номер, на прежний не звони. Один звонок — опасность. Ну и так далее. Пока ты собирался, а я ждал тебя у подъезда, на моём сотовом прозвучал одиночный звонок... Вот поэтому мы не просто уехали, а мчимся и спешим.

— А что мы будем делать в Бологом? Кстати, не та ли это станция, на которой, предположительно, был убит Старовер? — охнул Валерий.

— Заглянем на вокзал к дежурному, там что-то для нас есть, что именно — узнаем скоро, — и генерал дожал педаль газа до 100 км в час, благо что на дороге никого не было.

Проезжая у постов ГАИ, Магулия скорость снижал до 80 километров. Подъехав к городскому железнодорожному вокзалу, он велел Валерию остаться в машине и в случае каких-то неприятностей дать три-четыре коротких гудка клаксоном, машину глу-

шить он не стал. Но всё обошлось без неожиданностей, и уже через десять минут Аристарх спешил к автомобилю.

— Кажется, клюёт, — довольно объявил он, усаживаясь в машину. — В полукилометре от станции найден пистолет Макарова с недостающим патроном, с конкретным номером убитого прапорщика и стёртыми отпечатками пальцев.

Поляковский молча смотрел на Аристарха, ожидая продолжения.

— Понимаешь, какая петрушка здесь! — Аристарх не стал его томить, в возбуждении выхватил из рук Валеры термос, налил себе горячего кофе и выпил его одним глотком, даже не обратив внимания на его температуру, вернул Поляковскому термос и тронул машину, выезжая с территории вокзала. — Нет логики, хотя просвечивается определённое направление и интерес... Но интерес не к Староверу, он на хрен никому не нужен был, может, поэтому и убрали? Но это сверх всяких правил, нужен был только один человек из всей вашей командировочной когорты.

— Ну и кто? — спросил Валерий.

— Кто-кто... Конь в пальто! Ты! Больше повторять не буду, именно ты! — чуть ли не прокричал ему в лицо Магулия.

Поляковский хотел что-то сказать и подавился то ли своей слюной, то ли воздухом от неожиданного заявления генерала. Прокашлявшись, он сиплым голосом прохрипел:

— Прекратите ваши подлые шуточки.

Аристарх как-то странно усмехнулся, а через некоторое время остановил машину на обочине и опустил передние боковые стёкла.

— Пусть проветрится, а то уже провоняла потом. Тут кусты вроде густые, пойдём, отольём.

Два человека подальше отошли от дороги и с наслаждением поливали высокие кусты. И тут внезапно прогремел мощный взрыв...

Магулия быстро присел на корточки, а Поляковский, сделав то же самое, внезапно дико заорал:

— А-а-а-а-а-а-а!!! — разнёсся по окрестностям его крик.

— Ты что, ранен? — испуганно спросил его Аристарх.

— Хуже! — простонал Поляковский, держась обеими руками за низ живота.

— Неужели осколок долетел через кусты? — спросил Аристарх, быстро натягивая штаны и подбегая к Поляковскому.

— Уздечка... — постанывал Валерий.

— Какая ещё уздечка? — в недоумении переспросил генерал.

— Джинсовым zipperом застегнул...

Когда Аристарх наконец понял, в чём дело, вместо того чтобы успокоить, он стал кричать на Валерия:

— А на хера ты эти джинсы надел, надел бы дурацкий спортивный костюм и кроссовки!

— Чего орать-то теперь? — огрызнулся Валерий. — Мне что теперь делать?

— Что-что, ведь говорил когда-то твоей матери, после годика, чтобы снесла тебя на обрезание

в синагогу на Солянке, ан нет, всё по-своему надо было делать, вот и результат... Ну ладно, покажи, что там у тебя, — Аристарх присмотрелся к месту травмы. — Ага, на три зубчика застегнул с перепуга, сейчас всё исправлю, но ты, Валерка, должен дать мне слово, что в Питере пройдёшь обрезание, согласен?

— Да! Да! Да! — Поляковскому было так больно, страшно и стыдно, что он был уже согласен на всё.

Аристарх резко дёрнул zipper вниз — и Валера даже не успел заорать.

— Ну, вот и всё, — констатировал Аристарх, — к вечеру заживёт, через неделю забудешь.

— Чего забуду, ты же сказал?..

— К рабаю зайдём, — подтверждаяще кивнул Аристарх.

— А он процедуру эту замораживает? — поинтересовался Валерий — страх потихоньку его отпускал, и он начал интересоваться практической стороной вопроса.

— Зубы замораживают, а твой «капюшон» за полторы секунды оттяпают, — Аристарх быстро вернулся в своё обычное состояние и начал подтрунивать над «раненым».

— Ладно, я подумаю... — мрачно заявил Валерий и перешёл от частного к общему. — А дальше-то что нам делать, милицию ждать?

— Милицию мы ждать не будем, видишь — чернеет дым? — Аристарх указал на столб дыма, под-

нимавшего на месте, где был припаркован их автомобиль.

— Ну вижу.

— Это наше с тобой авто догорает, так что пошли-ка отсюда побыстрее да подальше, пешком через лесок, авось куда-нибудь и выведет тропинка.

Аристарх ощупал карманы и ткнул Валерия в бок:

— Документы с собой? Или догорают вместе с машиной?

— Документы у меня всегда с собой, — на всякий случай Валерий ощупал карманы. — Да, всё на месте.

— Ну пошли тогда.

И Аристарх, не оглядываясь, бодрым шагом двинулся по тропинке, Поляковский, время от времени морщась от дискомфорта в паху, поспешил за ним. Они шли молча. Аристарх заметил:

— Быстро они орудуют, дармоеды. Мина магнитная была, на бензобаке на вокзале присобачить вряд ли бы успели, да и ты ведь в машине сидел — не стали бы лишний раз рисковать. Значит, всю дорогу у нас под задницей была дистанционная смерть. Вот ведь суки какие, на природе решили гуманисты нас угробить...

«Что-то тут не стыкуется...» — подумалось Валерию, но продумать эту мысль ему дальше не удалось: в паху снова отдалось болью, и он сосредоточился только на том, чтобы поменьше беспокоить травмированное место.

13

Тропинка влилась в лесную дорожку, по которой громыхала телегой кобыла, а рядом с ней бежал жеребчик. «Водитель кобылы» — мужичок неопределённого возраста — увидел путников, оживился и спросил покурить.

— Вот тебе две сотни на чекушку и сигареты, — порадовал его Аристарх. — Мы ведь не курим...

— А что так? — вяло удивился мужичок.

— Да ведь староверы мы, из Сибири, вот и выбираем себе место, куда переехать, — вдохновенно брехал Аристарх. — А мы лес смотрели да заблудились малость.

— Бывает, — удовлетворённо согласился с ним мужичок. — Да вы садитесь, — кивнул он на телегу, — подвезу.

— Спасибо, добрый человек, — чуть ли не со стоном облегчения сказал Валерий и не присел, а вытянулся во весь рост на телеге — место позволяло. Аристарх притулился рядом.

— Так ты куда путь держишь? — поинтересовался он у мужичка.

— Да тут недалеко посёлок небольшой есть, вот туда и еду, — ответил «води́ла».

— Совсем маленький? Аптека-то есть? Или медпункт какой? — продолжил расспросы генерал.

— Есть, только закрыто ещё всё.

— А магазин? — поинтересовался Поляковский.

— Так ведь ещё закрыто, — радостно сообщил ему возникший.

— Если всё закрыто, как же ты тогда чекушку купишь? — парировал Аристарх.

— Да к у меня сноха там работает, — открыл тайну мужичок.

— Выходит, нам с тобой повезло?

— Однако, так и есть, — подъезжая к крыльцу деревянного дома, стоявшего на въезде в посёлок, радостно сообщил возникший. — Эй, Алёна, неси нам, пожалуйста, две чекушки и огурцов, — громко позвал он.

— Нет, огурцов не надо! — хором сказали ему неожиданные попутчики.

— Да как же без них, на сдачу ведь... — удивился возникшая.

Из дома вышла молодайка с бутылкой водки.

— Чекушки все в магазине с 9 часов утра, у нас это строго, а из дома бери не ленись — это бизнес, — пояснила она.

— Ну тогда отлейте вашему полбутылки водки в кружку, а остальную мы с собой возьмём, — попросил женщину Аристарх. — У вас до Питера никто не едет часом?

— Да муж мой собрался на «газели» по делам.

— Скажите ему — мы его бензином заправим туда и обратно, пусть нас с собой возьмёт.

— Так он залил ещё вчера бак полный, — пожала плечами женщина.

— А мы вам «сухим пайком», то есть деньгами, — предложил генерал. — Держите вот тысячу в два конца, как думаете, не откажет?

— А куда он денется... — и Алёна заспешила в хату.

— Ты вот что, Валерка, — повернулся Аристарх к Поляковскому, — дуй мигом за сарай и хорошенько обмой свою крайнюю плоть. Ничего, потерпишь, пощиплет да пройдёт. Она, быть может, наши жизни спасла, так что дуй не стой — продезинфицировать нужно.

Валерий, раскорячась, аккуратно направился за сарай, и вскоре оттуда послышался то ли собачий радостный визг, то ли человеческое подвывание. Обратно Валерий шёл повеселей, правда, из его глаз капали слёзы, которые он время от времени вытирал ладонью. Но это уже были мелочи.

До Питера доехали на заполненной какими-то мешками «газели», в тесноте, да не в обиде, дорога прошла без приключений, и рано утром они уже были на месте. Магулия и Поляковский вышли на въезде в город и попрощались с водителем.

Они распределили «обязанности», купили пару дешёвых телефонов, взяли к ним сразу по несколько сим-карт с местными номерами и договорились встретиться в Выборге в том же ресторане, в котором командировочным устроили банкет и где Валера познакомился с Кристиной не позднее девяти часов вечера.

Задача Поляковского заключалась в том, чтобы окончательно проверить «студенчество» Кристины на факультете журналистики, да и в общежитии заодно. Сам же Аристарх сказал, что встретится с «бывшими друзьями» из прошлой жизни. Они ещё раз проговорили план действий, договорились звонить с сотовых крайне редко по коду и не более двух-трёх раз, после чего менять симки, на этом и разошлись.

Валерий прошерстил за два часа весь журфак, среди которого были две Кристины, но нужной не оказалось. На всякий случай он решил заехать в студенческий

городок. В общежитии тоже подобной девушки не числилось. Заведующая общежитием посоветовала ему заглянуть в старый корпус, где, как правило, останавливаются заочники, приехавшие на сессию или пересдачу задолженностей.

Взяв такси, Валерий отправился на другой конец города, и, изрядно покрутившись, они отыскивали старое общежитие. Дежурная на проходной, бабушка — божий одуванчик, взялась помогать Валерию: культурный «молодой человек» произвёл на неё благоприятное впечатление.

Кристина не нашлась, и тут Поляковский внезапно вспомнил, что одну из её подруг звали Лия. Он тогда переспросил: «Лилия?» — «Нет, Лия, — был её ответ, — я своё имя не меняю!»

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к бабушке-вахтёрше, — а девушка Лия у вас проживает?

— Да, Лия Шепилова, временно, пересдачу сдаёт вместе с подругами, проживает в 22-й комнате.

— А кто из подруг проживает с ней? — Поляковский от волнения аж дыхание затаил.

— Лена Коновалова, Настя Руденко и ещё какая-то новенькая вчера приехала.

— Спасибо, — поблагодарил Валерий вахтёршу, которая даже не спросила его, кто он, и двинулся к указанной комнате. — Да бог с ней, с новенькой, с этими-то разобраться бы... — пробурчал он себе под нос.

Постучавшись, он услышал: «Открыто, можете войти».

Толкнув дверь, он увидел девушку — килограмм на девяносто румяную пышку — и счастливо выдохнул: нет, это была не Кристина, но на тумбочке лежало фото, запечатлевшее всех трёх знакомых ему подруг.

— Скажите, пожалуйста, — тоном учителя обратился он к «пышке», как оказалось, первокурснице, приехавшей из-под Пскова, — а где же остальные девушки?

— Они сегодня сдали все свои зачёты, которые были должны, и вот сегодня же поехали отмечать это дело в Выборг. Сказали, что завтра после полудня приедут сюда и, скорее всего, разъедутся по домам.

— Вы знаете эту девушку? — спросил он, показывая на «Крестину».

— А это Настя Руденко — самая красивая из них, — чуть с завистью ответила первокурсница.

— Ну что же, скажите ей, что заходил Георгий Павлович, просил сдать учебники в библиотеку до отъезда — иначе будем отчислять... — строго проговорил Поляковский, вышел из комнаты и плотно притворил за собой дверь: он еле сдержался, чтобы не подпрыгнуть от радости.

Попрощавшись с «божьим одуванчиком», Валерий вышел из старого общежития с чувством выполненного долга.

Мягкая тёплая волна уходящего лета и солнца напомнила о ресторане в Выборге, или, как упрямо называют его финны, «Выбори», и о том, что Поляковскому было хорошо с Кристиной. Он не верил, что эта девушка, от одного запаха которой у него сладко кружилась голова, могла стать хладнокровной убийцей. Радостная удача торопила и звала на автовокзал в мягкий междугородный автобус рейсом до Выборга. Кресло у окна и мелькающий пейзаж давали ощущение туристической прогулки по времени.

В центр города он должен был приехать в 19:45.

По дороге Валерий успел вздремнуть, а его подсознание продолжало работать: казалось, у него в голове крутилась какая-то мысль и он никак не мог её ухватить, — а потом ему приснилась мама и его сон стал спокойным и глубоким. Очнулся он уже в Выборге на конечной станции автовокзала. Автобус опоздал лишь на пять минут. Выйдя из него, Валерий ощутил прохладу летнего вечера, пропитанную лесом и недалёким морем. Десяти минут хватило, чтобы зайти в знакомый ресторан и приземлиться за тот же самый столик лицом к выходу. Не успел ещё Валерий ознакомиться с «картой гостя», как в зале нарисовался неспешно идущий Аристарх.

— Ну что же, молодой человек, точность — признак королей. Как добрался? Надеюсь, не на перекладных? — поинтересовался генерал, опускаясь на стул напротив Поляковского.

— Автобусом, — коротко ответил Валерий.

— Мудро, никаких паспортов и «стольпинских» вагонов. Ну что же, поведай старику, откуда у тебя такая радостная гримаса, уж не случилось ли чего? — спросил Аристарх и тоже стал изучать меню.

— Случилось, случилось! — Валерий был готов всё детально рассказать прямо сейчас, но Аристарх сделал знак официанту.

Подошедший официант спросил, что бы им принести из холоденького.

— Графинчик «Столичной», форели, хлеба Бородинского и грибочков солёненьких из ассорти. Остальное позже, — ответствовал Аристарх. — Впрочем, соляночку держите наготове тоже и парочку жульенчиков. Капусты не надо, она порой пучит, и, хотя я и не танцор... рисковать не буду! — пошутил в своей обычной манере Аристарх. — А теперь ответствуй, — обратился он к Валерию.

— Нашёл, ей-богу, нашёл! — похвалился Поляковский.

— Молодец, продолжай.

— Не Кристина она, а Настя!

— Та-а-ак, — протянул бывший генерал в отставке. — И где же она?

— Должна быть или здесь, или недалеко, в соседнем ресторане.

— Но ведь ты познакомился с ней здесь?

— Да!

— Ну, вряд ли она пойдёт сюда. Скорее — пойдёт в другой ресторан, — предположил Магулия. — На её месте я вообще бы про этот город забыл. Зачем ей снова здесь светиться...

— Она точно в Выборге, — упрямо сказал Поляковский. — А что касается ресторана — он в городе лучший. А вон и они, голубушки, — радостно сообщил Валерий и незаметно указал Аристарху на входивших девушек: — Смотри!

— Ты очень-то не гарцуй, у тебя всё-таки производственная травма... — ехидно напомнил Аристарх.

«Ну вот, накаркал», — про себя ругнулся капитан Поляковский, тут же ощутив боль в паху. Но, глядя на Кристину-Настю, он моментально забыл свои огорчения.

Подозвав официанта, он попросил отнести девушкам бутылку шампанского и пару шоколадок чёрного и белого молочного содержания. Официант тут же всё устроил. Обратив на Валерия внимание, девушки разулыбались и весело замахали ему руками.

— Я, пожалуй, подойду к ним на пару минут, — решил Валерий.

— Давай, давай, отрабатывай свои прошлые промахи, — поддел его Магулия.

Валерий не стал обращать внимания на эту подначку, быстро пошёл к «девичьему» столу и присел рядом с Кристиной-Настей.

Первое, что сделала девушка, — извинилась перед ним.

— Прости, Валер, всё так глупо получилось, — девушка, как и в прошлый раз, положила ему руку

на плечо. — Я когда от тебя вышла, мне портье передал записку, что мои девчонки сняли здесь номер — не стали без меня уезжать. Я поднялась к ним. Перед отъездом мы решили немного поспать — и проспали всё на свете. В общем, не попала я на тот поезд, а как найти тебя — не знала, — и она открыто посмотрела ему в глаза.

— А я тебя искал, но Кристины с твоей внешностью на журфаке не нашёл, — Валерий не стал ей рассказывать, что уже знает её настоящее имя. Он просто сидел и с наслаждением вдыхал её запах.

— Прости и за это. Меня зовут Анастасия, Настя. А имя «Кристина» я взяла по двум причинам: оно звучит помодней, и чтобы случайные знакомые меня найти не могли.

— Так я для тебя случайный знакомый... — насупился Поляковский.

— Нет, ну что ты... — она продолжала открыто смотреть ему в глаза. — Просто так всё быстро закрутилось. Прости.

И Поляковский простил — сразу и за всё. И ещё у него отлегло от сердца.

«Девчонки просто проспали! И, выходит, у всех было алиби! Ларчик просто открывался! Она меня не продинамила! Я ей не безразличен! Это всё просто недоразумение. И она не убийца! Счастье-то какое!» — думал Поляковский, с улыбкой глядя на девушку.

Аристарх дал время Валерию прояснить ситуацию и подошёл познакомиться.

— Ну что же ты, Валера, бросил меня, старика... — проговорил он с мнимой обидой, остановившись рядом с их столиком. — Хоть представь меня своим прелестным подругам. А то уселся в этом цветнике и пропал... Делиться не хочешь? Понимаю. Такие красавицы! — и он подмигнул зардевшимся девушкам.

— Присаживайтесь к нам скорее! — закричали наперебой красавицы и усадили генерала между Лией и Еленой.

— Это, сударыни, мой сосед и лучший друг, Аристарх Лаврентьевич, — представил его Валерий. — Прошу любить и жаловать!

— Будем! Будем! И любить, и жаловать! — засмеялись девушки.

— А мы сейчас этому поспособствуем, — пошутил Аристарх и подозвал официанта. — Перенесите наши блюда и напитки сюда, а барышням принесите всё, что они захотят. Я всё оплачу.

— О! — вырвался вздох восторга у подружек. — Валера, ты снова принёс нам удачу!

И Магулия разошёлся: стол ломился от деликатесов и спиртного. Разговор сам собой потёк легко и весело.

Девушки сдали задолженности и праздновали это «освобождение от хвостов». А Магулия объявил, что

выдвинут на Нобелевскую премию, правда, не уверен, что именно он её получит, но праздновать заранее — всё же порой хорошая примета.

Что здесь делают Поляковский и Магулия, собеседницы не спросили, а «напарники» и рады были об этом промолчать. За шутками и тостами в честь прекрасных дам время пролетело незаметно.

В Выборг девчата приехали на электричке, а отгуляв, все возвращались в Петербург на такси, кроме Аристарха — он пообещал вернуться утром на следующий день. Поляковского это удивило, но прямо сейчас спросить у Магулии, почему он решил задержаться, Валера не мог.

Но зато у него был собственный повод для радости: если юные создания, приехав сегодня в Выборг, хотели здесь с кем-то познакомиться, то это у них сорвалось.

Был, однако, и повод для огорчения: из-за сложившейся ситуации он не мог забрать Настю с собой в Москву прямо сейчас, и история с зиппером была не главной причиной. Поляковский не хотел впутывать в дело об убийстве невинную, безразличную ему девушку.

И ещё ему не давало покоя поведение генерала: Аристарх, похоже, знает больше, чем рассказывает, пытается защитить его, но от кого? От конторы? Так зачем его отправили в командировку? Да, он очень хороший специалист и внёс большой вклад в дело.

Но разве тогда конторе выгодно его устранение? Ведь это не последний проект по «внедрению», он может ещё быть полезен.

Если это не контора — тогда кто? Кроме Аристарха вряд ли кто-то подскажет... Так рассуждал тогда капитан Поляковский.

И он даже не предполагал, что в жизни могут быть такие Силы, для которых игры спецслужб — просто детские забавы.

16

Путь в Петербург вся весёлая компания благополучно проспала. По совету Аристарха Валерий напросился переночевать у девушек в общежитии, сказав, что паспорт оставил дома, а билет на поезд без паспорта не дают... Ему это милостиво разрешили, а бабушка-одуванчик спокойно спала на посту, так что пройти в общежитие удалось без проблем. Поляковскому повезло ещё раз: соседка девушек «пышка»-первокурсница ушла готовиться к следующему экзамену к своим одноклассницам, так что комната была свободна от постороннего человека.

Девчата колобродили аж до трёх часов ночи. Валерий вынужден был поддерживать компанию, но к этому времени он тоже отключился.

Утро застало всех дождём, погода начала меняться — казалось, лето понемногу задумывается о том, чтобы передать свой пост осени, но окончательного решения ещё не приняло, и к обеду солнце выглянуло из-за туч.

Валерий смотрел на Анастасию и мучился: да, ещё вчера он принял решение, что, пока не закончится весь этот смертельный «карамболь» и не минет опасность, он не будет пытаться привязать де-

вушку к себе, чтобы не подвергать её опасности. Но тут луч солнца упал на её лицо, и Настя мгновенно стала похожа на нереальную, неземную принцессу, а ветерок, проникший в комнату из приоткрытого окна, донёс до мужчины её запах — и Поляковский не выдержал.

Он схватил за руку проходившую мимо него девушку, нежно повернул к себе и тихо спросил:

— Ты поедешь со мной в Москву? — И когда она в недоумении промолчала, продолжил: — Квартира у меня большая, жить тебе будет удобно, ты ни в чём не будешь нуждаться. А когда я разберусь с делами — махнём на юг, в Гагры или Ялту. Куда захочешь...

Анастасия продолжала молчать, и Валерий уже успел и проклясть себя за невыдержанность, и потерять всякую надежду.

— Вот вернётся Аристарх Лаврентьевич, тогда я дам тебе ответ, не раньше, — наконец ответила Настя.

— Хорошо, — хрипло выдохнув воздух, согласился Поляковский. Он не понимал, при чём тут Магулия, но решил не давить на девушку, чтобы не спугнуть.

А пока девчонки собирали вещи, Валерий путался под ногами, за что все над ним подтрунивали.

Аристарх вернулся только во второй половине дня. Выглядел он уставшим, но очень чем-то довольным. Он тут же собрал всю «компашку» и повёл обедать

в кафе, к счастью, находившееся недалеко от общежития.

Когда первый голод был утолён, Поляковский задал генералу вопрос, мучивший его всё это время:

— Вот, товарищ генерал, я позвал Настю с собой в Москву... — произнеся эти слова, Валерий осёкся: ему показалось, что в этот момент Магулия странно напрягся и кинул быстрый взгляд на девушку, а та резко опустила глаза. — Но она хочет заручиться вашей поддержкой, — всё же продолжил Поляковский через паузу. — Вы как? Не против?

— Я только «за»! — весело отозвался Магулия. — Но почему же ты позвал только Настю? Ай, нехорошо, генацвале! Обо мне ты, как всегда, забыл! — начал по привычке шутить он. — Остальных пачему не пазвал, э?

— Ну вот, зову, — смутился Валерий. — Девчата, поедете? Разместиться есть где, культурную программу организуем.

— Спасибо, но я не могу, — со вздохом отказалась Елена. — У моих родителей юбилей — серебряная свадьба, так что...

— А я смогу! — радостно оповестила Лия. — И обременять своим присутствием я вас не буду, у меня в Мытищах родственники... — и она многозначительно посмотрела на Настю.

Поляковскому было начхать — поедут ли с ними Лия и Елена. Он с нетерпением ждал ответ Анастасии.

— Ну что ж... Раз Аристарх Лаврентьевич не против... — и она посмотрела генералу в глаза. — И готов нас... охранять... — тут она наконец улыbnулась и, повернувшись к Поляковскому, добавила: — и развлекать...

Валерий только открыл рот, чтобы ответить, но тут вклинился Магулия:

— И охраним, и развлечём, не сомневайтесь, красавицы. А первым делом обещаю вам достать шикарные билеты на троих в Большой театр. И, конечно, вся поездка за наш счёт, ни о чём не беспокойтесь, мы сами всё сделаем, и билеты на поезд купим. Только ехать нам нужно прямо сегодня, — проговорил он с умильным выражением лица, прямо как кот, смотрящий на сметану.

— Вот и хорошо, вот и договорились, — ответила Настя.

— Ой, а как же вы купите билеты? У Валеры ведь паспорта нет! — вдруг спохватилась Лия.

— Ну для чего же ещё нужны соседи? Валера мне доверил ключ от своей квартиры, а я позвонил своему другу в Москву, у которого, в свою очередь, я храню запасной ключ от своей холостяцкой берлоги, — подмигнул генерал девушкам. — Он заехал ко мне, взял Валеркин ключ, нашёл его паспорт и прислал мне нужные страницы факсом в Выборг, в отель. А тут, в Питере, у меня есть друзья — помогут купить билет по факсу.

— Да-а-а-а... — протянула Настя. — Как говорится, не имей сто рублей... Ловкость рук и никакого мошенства...

— Сто рублей не наш случай, — улыбнулся ей в ответ Аристарх. — А в отношении ловкости рук ещё и фору дадим...

Поляковский молча слушал весь этот разговор. Ему показалось странным, что генерал вот так просто согласился взять девчонок с собой. Но Валера был так счастлив согласию Насти поехать с ним в Москву, что решил потом спросить у Аристарха, в чём подвох.

А пока они договорились, что девушки вернутся в общежитие, чтобы закончить сборы, а мужчины займутся необходимыми делами. Поляковский записал номер сотового Насти и, когда билеты были куплены, позвонил ей и назвал номер поезда, номер вагона и время отправления.

— Только не проспите на этот раз! — смеясь, крикнул он в трубку.

— Постарайтесь! — также смеясь ответила Настя и дала отбой.

Через пару часов Поляковский пережил дежавю: он стоял на перроне — правда, уже в Петербурге, у поезда, на котором уезжал в прошлый раз из Выборга, и так же крутил головой, надеясь увидеть Настю. Но в этот раз ему повезло: девчата прибыли на вокзал вовремя и быстро погрузились в вагон. Ехали все вместе, в одном купе.

Когда в вагон вошёл Поляковский, он вдруг осознал, что это был тот самый вагон, в котором произошло ЧП.

Он вопросительно посмотрел на Аристарха.

— А ты думал, что мы на прогулке? Нет, мой дорогой, проблема-то осталась. Ты не забыл, что мы на службе? — шёпотом высказал ему генерал, пока спутницы обустроивались. — Сегодня в рейсе та же проводница, что и в тот день. Понял теперь?

— Так мы поэтому именно сегодня едем? — чуть не охнул Валера. — Вы хотите её расспросить?

— Да. Или тебе достаточно той информации, которую раскопали дорожные милиционеры, что проводили первыми следствие? Ты голову включи, а головку отключи, хоть на время, — и генерал настолько неприятно усмехнулся в лицо Валере, что капитан чуть не вспылал.

«Внимание, будьте осторожны! Внимание, будьте осторожны!» — в купе вдруг прозвучал глубокий, приятный мужской голос. Валера дёрнулся от неожиданности и резко остыл. Он отпрянул от Магулии и обернулся, но рядом больше никого не было, ему только показалось, что он краем глаза ухватил фигуру высокого мужчины в длинной тёмной одежде, напоминавшей рясу священника. Но когда Поляковский специально посмотрел в его сторону — коридор и вагон были пусты.

«Померещилось... Радио это было, что ли?» — подумал он. Но, похоже, кроме него никто на этот голос

внимания не обратил: девушки разложили вещи и усе-
лись у окна за купейный столик, а Магулия присоеди-
нился к ним и начал травить свои байки.

Поезд тронулся минута в минуту, в купе прине-
сли чай и сладкое. Девчата расслабились и задрема-
ли. Поляковский сидел рядом с Настей: её длинные
волосы рассыпались по плечам, он увидел, что один
локон «отбился от стаи», аккуратно его подхватил
и тихонько гладил. Да, он прекрасно понимал, что
проблема никуда не рассосалась, что они на задании
и что всё очень серьёзно. Но он не мог сейчас ото-
рваться от этой девушки и оправдывал себя тем, что
генерал в отставке, с его колоссальным опытом, сде-
лает всё лучше, чем он.

Аристарх после чаепития помог проводнице от-
нести к ней посуду и задержался у неё в купе не ме-
нее чем на полчаса — всё, что можно было выяснить,
он выяснил за это время.

Когда Аристарх вернулся, он вызвал Валерия из купе в коридор, аккуратно прикрыл дверь и зна́ком велел Поляковскому идти за собой. Так они прошли через свой вагон, тамбур и вышли в следующий вагон. Там Магулия открыл одно из купе, впустил в него Валерия, зашёл сам и закрыл дверь на замок.

— Я полностью выкупил это купе, здесь нам никто не помешает спокойно поговорить, — пояснил он слегка опешившему Поляковскому. — Слушай внимательно, Валера. Проводница поведала мне, что в ту смену ночью убиенный приставал к девушке, которую за неимением денег она пожалела и взяла до станции Бологое. «Наш офицер» показал проводнице своё удостоверение и пообещал: если та будет ему мешать, он отправит её за решётку за нелегальный провоз пассажиров и товаров, в которых наверняка она провозит наркотики. Проводница не на шутку испугалась и спряталась в своём «предбаннике». Затравку уяснил?

— Да, уяснил, — кивнул Поляковский. — Продолжайте.

— В это время девушка заскочила в туалет и закрыла дверь, и больше часа не выходила из него, надеясь,

что пьяный прапорщик — мы с тобой знаем, что это был именно Старовер, — уйдёт в своё купе спать. Но он, как кот, ждал свою мышку, и когда она открыла дверь в надежде перейти в другие вагоны, Старовер всей своей тушей вломился в туалет, захлопнул дверь, приставил пистолет к виску девушки и заставил её делать, что он прикажет. Сам он сидел на толчке, а её заставил встать на колени, сам понимаешь, для чего. Во время оргазма он отложил пистолет на металлический умывальный столик, а сам обеими руками вцепился девушке в волосы и заставил её не останавливаться. Ферштейн?

— Ферштейн, — глухо отозвался Поляковский. — Дальше.

— Бедная заложница стала давиться и захлёбываться и попыталась вырваться из его рук. На это он, отпустив одну руку, размашисто ладонью ударил её по лицу, пообещав, что застрелит её, если та не будет выполнять, что он прикажет.

— И?

— Он потянулся к пистолету, но девушка оказалась быстрее — она схватила оружие и тут же выстрелила Староверу в голову. Как она потом сказала проводнице, она боялась не столько пистолета, а его угрозы — что он её задушит и выбросит в окно. Ты помнишь Старовера — тот ещё был бугай, и с её миниатюрным ростом — чуть больше полутора метров — ему ничего не стоило это сделать, и всё бы

сошло за несчастный случай. Но пистолет выстрелил внезапно, девушка сама в это не поверила. Видимо, во время борьбы был нечаянно снят предохранитель. Она вытерла носовым платком с пистолета отпечатки пальцев и выбросила его в открытое окно, и платок тоже выбросила. Как ты понимаешь, проводница это всё рассказала со слов девушки. Но от себя добавила, что та всё время плакала, была очень напугана.

— Ещё бы, — пробормотал Поляковский.

— Проводница тоже сильно испугалась, — продолжил Магулия. — Но им нужно было что-то делать. Туалет, где всё произошло, относился к соседнему вагону, и оттуда в любую секунду могли заглянуть люди. Девушка попросила общий ключ, который подходил и к нему тоже, быстро сбегала, закрыла туалет снаружи и вернула проводнице ключ. Вскоре сообщили, что поезд приближается к станции Бологое. Девушка одна из первых соскочила на перрон и заспешила на вокзал. В её распоряжении был рейсовый автобус и частные такси...

— Дела-а-а-а, — протянул Валерий. Он был ошеломлён.

— Таким образом, твои подруги здесь ни при чём, — сказал Аристарх и откинулся назад, к стенке купе.

Поляковский только сейчас заметил, что, оказывается, всё это время они сидели напротив друг друга, близко склонившись головами, и говорили шёпотом.

— Да, — с облегчением выдохнул он, хотя какое-то неясное чувство незавершённости его не оставляло. Но — раз генерал так считает...

— Я с удовольствием подарю вам три билета в Большой театр на ближайшую оперу или балет, чтобы они особенно не задерживались в Москве — уже незачем. Если бы я не хотел их держать поближе на всякий случай — мало ли что бы выяснилось, я бы нашёл повод их с собой не брать, — пояснил свои действия генерал. — С этим делом мы справились с тобой, осталось самое трудное, — попытожил Аристарх.

— Это по поводу взорвавшейся машины? — уточнил Поляковский.

— Не взорвавшейся, а взорванной, — медленно сказал Магулия. — Это я её взорвал, пока мы отливали в кустах. Не правда ли, всё получилось довольно правдоподобно? — усмехнулся он, глядя на Валеру,

у которого просто отвисла челюсть. — И пока наши топтуны разбирались, что да как, мы успели закрыть питерское направление. А машина, кстати, была моя, только зарегистрирована на сторожа частных гаражей: он на ней периодически выезжал на рынок за покупками, и никто не знал, что в любую минуту я могу сорваться на ней куда угодно. В дороге мне показалась подозрительной одна навязчивая «Хонда», мы её специально пропустили и замели следы взрывом, далее ты всё знаешь, а наше начальство нет... — генерал удовлетворённо потёр руки.

— А почему ты опасаясь нашего начальства? — Валерий был настолько ошеломлён этим рассказом, что даже не заметил, как перешёл на «ты».

— Да жизнь у нас с тобой, Валерка, неопределённая, в любую минуту могут прихлопнуть, как Старовера.

— Да почему?! — не мог понять Поляковский.

— Да потому, — передразнил его Магулия. — Потому что много знал... Понимаешь, в чём дело... Всё, что я тебе рассказал, — это пересказ проводницы слов девушки, плюс её страх, у которого глаза велики... Лично я считаю, что на 90 процентов всё было наоборот... — Магулия снова склонился к Поляковскому и заговорил шёпотом.

— Как наоборот? — не понял Валерий и автоматически повторил действия генерала — склонился к нему и понизил голос.

— Я думаю, что малышка, будем её так называть, сама затащила Старовера в сортир с просьбой заработать оральным сексом тысячу или даже больше рублей за дорогу до дома... Всё остальное — это дело техники... Развести проводницу, напугав таким ЧП, было проще пареной репы. Сработала малышка великолепно, и, возможно, в скором времени мы с ней встретимся. Если уже не встретились, — и Магулия со значением посмотрел на Поляковского.

— Для чего?! И кого ты имеешь ввиду — ты снова говоришь о Насте?! — Поляковский был не готов к таким поворотам. — Ты только что сказал, что девушки ни при чём!

— При чём или нет — мы ещё проверим и перепроверим, — усмехнулся Аристарх. — Только по-любому твоя Настя штука непростая: вот скажи, ты на чём на неё запал?

— Ну, она красивая, милая... Но главное — запах такой, что у меня от одного вдоха голову сносит... — подумав, ответил Поляковский.

— Это, мой дорогой, называется — феромоны. А от неё, конкретно, пахнет амброй, чтобы ты знал. Многие мужчины от этого запаха голову теряют, ты не один такой. Хищница девочка твоя... — чуть ли не с жалостью Магулия смотрел на застывшего с открытым ртом Поляковского. — А теперь — ответ на другую часть твоего вопроса: для чего? Да для того: кого назначат убрать, тебя или меня?

— А мы-то при чём?! — в голове у Поляковского царил полный сумбур.

Магулия внимательно посмотрел на находившегося в шоке Поляковского, жестом фокусника откуда-то достал бутылку коньяка, открыл и протянул Валере.

— На, глотни, тебе нужно хоть немного прийти в себя.

Поляковский молча подчинился, вернул бутылку генералу, сильно потёр лицо руками и вопросительно на него посмотрел. Генерал тоже хлебнул коньяка, закрыл бутылку и оставил её на столе.

— Значит, так — не падай в обморок, сынок... Вообще-то убрать им надо было меня, но, к сожалению, ты не так талантлив, как я. Значит, они или прикажут мне, или закажут кому-нибудь из тех же командированных убрать тебя...

— А меня-то за что?! — Валере казалось, что степень его потрясения дошла до высшей точки, но это было не так.

— Слушай меня внимательно! — шёпотом рявкнул Магулия. — Сейчас самое главное то, что они пока не знают! Дело в том, что ты мой родной сын от твоей мамы, которой уже пять лет нет в живых. И такое, в принципе, бывает довольно часто, но... Моё секретное имя «Солист», твоей покойной мамы Нины Максимовны Поляковской — «Сапфир», а вот твоё — это я предложил — «Кузнечик»... И на тебе,

Кузнечик, висит полтора миллиарда долларов, которые твоя мама оставила тебе. Теперь тебе всё понятно?

— Нет... — Поляковский отрицательно помотал головой.

— Нет... — повторил эхом генерал. — Вот поэтому, сын мой, ты и есть Кузнечик... Уверен, что сам Старовер или, скорее, кто-то из его начальства об этом как-то узнал. Вот послали тебя с группой в командировку, чтобы он к тебе присмотрелся, а может, поручили ему тебя ухайдакать в пути...

Сознание «Кузнечика» просто смело лавиной шокирующей информации, и он в ней утонул, как в чёрной, непроглядной, бесконечной бездне. Он падал в неё и падал, и это падение всё длилось и длилось; он падал в темноте, в сумраке замешательства от ситуации, которую не мог вот так сразу принять. У Валеры дух захватило — чем дальше, тем быстрее становилась скорость низвержения, у него поднялись на голове волосы — он почувствовал, что ещё несколько мгновений — и он разобьётся, и его сознание померкнет навсегда, и он останется в вечной тьме.

«Помогите!» — прокричал... нет — простонал он внутри себя, на большее просто не хватило сил. И в этот момент из темноты на него с пониманием глянули внимательные синие глаза, а крепкие, надёжные руки подхватили падающее тело-сознание у самого дна пропасти, о которое вот-вот был готов разбиться Поляковский.

Человек, подхвативший его, аккуратно поставил Валеру на ноги и протянул ему руку в приветственном жесте. Поляковский его узнал: это был тот самый Старик, который привиделся ему во сне, и, возможно, тот, которого он краем глаза-сознания заметил

в поезде. Пусть и сейчас ситуация была сюрреалистичная, Поляковский ощущал к этому человеку (или кем он был?) горячую благодарность: он чувствовал непреложную уверенность в том, что, если бы не помощь этого высокого, могучего старца в чёрной рясе, Поляковский мог бы уже и не выгрести, не выбраться из затянувшей его бездны. И с благодарностью пожал протянутую руку.

В момент рукопожатия перед глазами Поляковского замелькали картинки, эпизоды его жизни, которые он, может быть, и помнил, но не обращал на них внимания, не осознавал, насколько они важны.

Как Магулия может быть его отцом? Мама рассказывала, что его отец — полярный лётчик, герой, погибший при выполнении важного задания... Когда в детстве Валера стал её спрашивать — кто его отец, мама ответила именно так. Несмотря на юный возраст, Валера понял, что ей неприятен этот вопрос, — и перестал спрашивать. Став старше, он отметил, что в их квартире нет ни одной фотографии, на которой был бы запечатлён его отец. Тогда он подумал, что маме слишком больно видеть человека, которого она любила и потеряла. И оставил эту тему навсегда.

Но вот сейчас Поляковский вспомнил несколько эпизодов, которые стали склонять его к уверенности, что Магулия действительно его отец: взгляды, оброненные фразы, воспоминания...

...Мама плачет, а высокий темноволосый мужчина стоит рядом с ней, гладит её по голове со словами: «Ну ты ведь знаешь нашу работу... Ну не могу я жениться на тебе... Это для тебя опасно. Разведчики семей не имеют». Мама зло усмехается: «Конечно, зачем тебе обязательства? В каждом порту по девушке. Ты им ту же сказку рассказываешь?.. А что, и сын тебе тоже не нужен?» Мужчина долго молчал, потом процедил сквозь зубы: «Ты меня не спросила», — резко повернулся и ушёл, тихо закрыв за собой дверь.

...Магулия появился в соседней квартире примерно за пару месяцев до смерти мамы. Один раз Валерий застал его у них на кухне за чаем. Ему показалось, что мама передала соседу какой-то конверт, но по укоренившейся привычке расспрашивать её не стал.

...Когда мама умерла, Магулия почернел. Это было видно невооружённым взглядом: как сосед, он пришёл на похороны, и Поляковский его еле узнал — тот разом постарел и осунулся. Прошла пара месяцев, прежде чем Магулия стал снова похож на себя — подтянутого, активного старика, любящего пошлые шутки.

...В один из своих приходов к Поляковскому Магулия остановился у портрета мамы и нежно погладил её по щеке.

...Когда Магулия пришёл с поздравлением на его день рождения, они на секунду остановились

в коридоре напротив зеркала, и Валерий тогда удивился тому, насколько сильно они похожи, только у Магулии нос был с горбинкой, придавая ему несколько хищное выражение.

Конечно, это только его смутные догадки, но... Они стали последними штрихами к начинавшему складываться пазлу.

«Мама, мама... Как мне тебя не хватает... Твоей улыбки, заботы, нежного голоса... наших вечеров, наших разговоров...» — с тоской подумалось Поляковскому, и он вздрогнул от резкого вопроса:

— Да ты меня слушаешь? — Магулия потряс его за плечо.

— Да-да, Аристарх Лаврентьевич, слушаю, — через силу проговорил Поляковский, он не был готов называть его отцом.

Ему вообще сейчас не хотелось ни с кем разговаривать — он бы лучше перенёлся в свою квартиру, сел у мамино портрета и поговорил с ней. Хоть так. Ведь за всю его жизнь она была единственным человеком, которому он безоговорочно доверял, который любил его безусловной любовью и которого так же искренне любил он.

— Ну так слушай! — продолжил Аристарх. — Даже если ты всё выполнишь и по всем параметрам и инструкциям отдашь всё то, что скопилось на твоём счёте за много лет, то 50/50 тебя уберут как особо опасного свидетеля. В лучшем случае тебя ожида-

ет жизнь в клетке безвыездного диссидента. Ты это понимаешь?

— Да... Пожалуй, что так и будет, — Поляковский постепенно начал анализировать ситуацию.

— Но в связи с нынешней политической ситуацией, когда триллионы вывезены и перечислены в страны заведомого врага, который никогда их не отдаст, как потерянное царское золото гражданской войны, частные лица, являющиеся заложниками своих капиталов за границей, ценой жизни — своей и близких родственников — вынуждены будут «банкротить» самих себя всеми правдами и неправдами, перечисляя капиталы на новых подставных лиц, — продолжил Магулия.

— Чем это мне... нам... грозит? Как выйти из этой ситуации? Может быть... — фраза генерала была длинная, но Поляковский его понял, осознал сказанное и сейчас старался найти какой-то выход, но у него не получалось хотя бы нащупать верный путь.

Ему казалось, что он попал в густую, липкую паутину — в паутину Мойры — и барахтается в ней, неспособный своими силами выбраться, задыхаясь, чувствуя, что его тело немеет и застывает в смертельной неподвижности. Образ Мойры — одной из трёх прядильщиц Судьбы — вдруг чётко всплыл у него перед глазами: в детстве Валерий зачитывался мифами Древней Греции и картинка из книги тогда произвела на него сильное впечатление — и вот оно

вернулось. Валерий даже схватился за горло, судорожно пытаясь вдохнуть спёртый воздух купе, изо всех сил сопротивляясь страху: нужно было дышать, нужно было жить.

Не дав своему единственному сыну додумать и озвучить свои логические размышления, Аристарх с весёлой улыбкой заявил:

— Есть одна возможность быть тебе в безопасности, денег вполне достаточно, чтобы потратить их на космическую станцию и вместе с парой подружек улететь на ней навсегда с этой грешной Земли! Как ты на это смотришь? — спросил он. — А через 20 лет ты будешь героем и вернёшься вместе с твоей огромной семьёй, если, конечно, они пожелают. Ха-ха-ха...

— Ну очень смешно, — вяло парировал неожиданно всплывшему из Неизвестности отцу Кузнечик.

— Не унывай напрасно, — отвечивал тот. — Первым делом тебе необходимо сразу же по приезде сводить девушек в Большой. Билеты уже заказаны, так что я своё слово держу, девчата будут рады.

— А что же за спешка? — недовольно пробурчал Кузнечик: ему всё тяжелее давалось нахождение в замкнутом пространстве с этим нежданно-негаданно объявившимся кровным родственником.

— На всякий случай. А то вдруг больше не будет возможности не только побывать в Великом театре, но, может быть, и вообще где-нибудь... — криво улыбнулся тот. — А я в это время нанесу визит

начальнику и отчитаюсь обо всём. Не бойся, во время оперы тебя не арестуют — ты не самый главный козырь в этой краплёной колоде.

— Ладно, понял, — согласно кивнул Валерий. — Дирижируйте, Аристарх Лаврентьевич.

Они вышли из купе и двинулись в соседний вагон, где находились их попутчицы.

«А зачем он мне столько врёт? — думал Валерий, глядя в затылок уверенно шагавшего впереди генерала. — То спецслужбы машину взорвали, то, оказывается, это сделал он... То Настя не убивала Старовера, то — возможно, это сделала она. Но этого не может быть, ведь тогда проводница бы её узнала, и Настя бы тоже узнала проводницу... Зачем он меня путает? Зачем врёт? О Господи — а может, и не было той пятилетней девочки? Может, он выдумал такую кошмарную историю, чтобы меня точно на крючок подсадить? — внутренне охнул Поляковский. — Почему он ждал столько времени, чтобы сказать, что он мой отец? А теперь сделал это вот так, между прочим, на ходу... Что он ещё скрывает?»

Когда, дойдя до своего вагона, открыв дверь, они тихо вошли внутрь, девушки спали всё в тех же позах, в которых Поляковский и Магулия их оставили.

— Пойду проветрюсь, — сказал Магулия и вышел из купе.

Поляковский наклонился над Анастасией и попытался разбудить: она застыла в неудобной позе, сидя

на голой, незастеленной полке, привалившись головой к стенке купе. Валерий хотел ей постелить и уложить. Но она не проснулась. Так же крепко спала и Лия.

«И это тоже странно. Может, Аристарх им что-нибудь подсыпал? — неприятно удивился Поляковский. — С него станется... Но — мне придётся лечь на него. Сейчас мне не к кому обратиться за помощью...»

«Надежда — мой компас земной, а удача — награда за смелость», — Валере показалось, что в купе громко заиграло радио, и он резко повернул переключатель звука. Но радио оказалось выключено и так.

Аристарх появился в кабинете шефа минута в минуту с началом оперы в Большом театре, куда он отправил Поляковского и девушек. В его руках была пухлая папка для документов и пёстрый пакет, в котором время от времени что-то булькало.

— А чего же ты один? — фальшиво-радушно встретил его генерал-майор.

— Да что ты, не знаешь эту молодёжь? Две девахи — ноги от ушей — вместе с Кузнечиком просто заставили меня достать им билеты в Большой театр, пришлось вот заплатить за «козырные места». Они у Валерки по-быстрому привели себя в порядок и сразу двинули в театр, — беззаботно-лживо ответил Магулия.

— Вот дожили до чего без социализму... — проворчал начальник. — Ну это ладно, пусть потешатся, а отчёт написать надо! Кстати, так это подружка Кузнечика укокошила Старовера?

— Да Боже мой! Совсем ведь забыл — склеротик, вот же он! — и Аристарх протянул генералу папку. — Нет, Старовера отправила в мир иной не она. В отчёте всё подробно, детально описано, ничего не пропущено вплоть до зиппера.

— Это кто, новый фигурант? — вопросительно вскинул брови шеф.

— Почти! — улыбнулся отставной Магулия.

— Да ты молодец, как всегда, уложился во время, — подытожил генерал-майор. — Как Кузнечик показал себя?

— Ответственно, без всяких жалоб и недочётов, — без малейшей паузы ответил Аристарх.

— Это хорошо, значит, не ошиблись мы в нём. Как думаешь, тебе пора открыться ему или ещё подождать?

— Что же, сейчас дам полный исчерпывающий ответ, — объявил Аристарх. Он достал пятирублёвую монету и заявил:

— Орёл — пора, решка — позже, — и закрутил в штопор, подбросив пятирублёвик над столом. Монетка закружилась на дубовом столе и легла орлом кверху.

— Ну вот, судьба, видимо, такая, — объявил Аристарх.

— Что же, похоже, ты прав, с отчётом я разберусь попозже, а пока давай отметим успешное завершение этого дела, — предложил шеф и достал бутылку армянского коньяка.

— Да что вы, я же держу специально для вас сюрприз из Питера — Samus, 12 годков выдержки, и 10 в стекле! — запротестовал Магулия и достал из пакета презент.

— Ну что же, — усмехнулся генерал, — тогда Армянский вам в подарок, выпьете позже, за успех будущего дела. Забирай! — и генерал проследил, как Магулия с благодарностью прячет бутылку в пакет. — А теперь за встречу!

— Будем здоровы, — ответил Аристарх и первым махнул полстакана коньяка.

— Ну здоров же ты в свои годы, — улыбнулся генерал, опрокинул столько же и довольно крякнул. — Что ж... — он помолчал и пристально глянул Магулии в глаза. — Что дальше делать — ты знаешь. Будь на связи, докладывай как обычно — дважды в день, если что-то произойдет неординарное — звони в любое время суток.

Они пожали друг другу руки, и Магулия вышел из кабинета своего давнишнего друга-начальника.

Девчонки впервые были в Большом, и он произвёл на них колоссальное впечатление. И пусть они и половины не поняли из того, что происходило на сцене, но оно произвело на них такое сильное воздействие, что они обе разом притихли и чуть ли не с открытым ртом сначала любовались окружающим великолепием Великого Театра, а потом так же просидели всего «Фауста».

Когда Валерий со спутницами вышел из театра, он предложил зайти куда-нибудь в кафе. Честно говоря, ему этого не хотелось, как не хотелось дальше продолжать знакомство с Настей. После слов Аристарха о том, что она пользуется амброй для привлечения мужского внимания, бóльшая часть её очарования для него растворилась, как утренний туман.

Сейчас он смотрел на девушку, которая совсем недавно производила на него ошеломляющее впечатление, и понимал, что уже ничего к ней не чувствует. Даже её запах, который то усиливался, то почти исчезал — видимо, в зависимости от того, как часто Настя его обновляла, — уже на него не только не действовал возбуждающе, но даже начал его раздражать.

К счастью для него, приятельницы, хоть и с сожалением, но отказались.

— Мы очень благодарны тебе и Аристарху за такой чудесный подарок, — сказала Лия. — Но я договорилась встретиться с родственниками и хочу их познакомиться с Настей. Вот, — она указала на пожилого мужчину, стоявшего недалеко от них, — это мой дядя, он нас довезёт. Спасибо вам обоим ещё раз, пока!

Всё это время Анастасия стояла молча. Только когда Лия чмокнула Валерия в щёку и побежала к родственнику, она тихо спросила:

— Мне возвращаться? — девушка чувствовала, что у Поляковского резко изменилось к ней отношение, но понять причину не могла.

— У меня в квартире, кажется, остались какие-то ваши вещи? — ровно спросил её Валерий.

— Нет, Лия всё собрала, мы ведь планировали на пару дней к её родным поехать. Ты настолько был занят какими-то мыслями, что не обратил на это внимания, — отозвалась она, с какой-то тоской глядя на него.

— Тогда — прощай, — не раздумывая ответил Валерий.

— Прощай, — она легко прикоснулась поцелуем к его щеке и пошла к подруге, которая уже активно махала ей рукой, призывая поторопиться.

Поляковский пару мгновений смотрел им вслед. Он прислушался к себе: какие чувства вызвало у него

расставание с девушкой, которую, как ему казалось, он полюбил? Сожаление? Нет. Боль? Нет, этого он тоже не чувствовал. Пустоту? Возможно.

«Наверное... нет, это точно была не любовь», — решил для себя Валерий и быстрым шагом направился к стоянке такси. Дома его ждал Аристарх — его новоявленный биологический отец и... кем он ещё был для Валерия? Поляковский и сам этого пока не решил для себя.

— Ну, как сходили? — спросил его Магулия, когда ему открыл дверь посвежевший после душа Валерий.

— Хорошо, — коротко ответил тот.

— С девушкой расстался? — догадался Аристарх.

— Да, — так же коротко отозвался Поляковский.

— Не жалеешь?

— Нет.

— Ну ладно, — Аристарх решил не развивать эту явно неприятную для Валеры тему. — Вот коньяк, начальник подарил, — пояснил он, протягивая бутылку Кузнечнику. — Убери его куда-нибудь подальше. Пить будем вино. Я уже всё приготовил, сейчас вернусь с подносом, дверь не закрывай — у меня будут руки заняты.

— Хорошо, — равнодушно ответил Поляковский и направился в комнату.

Аристарх вернулся к себе, прошёл на кухню, взял в руки приготовленный поднос с лёгкой закуской и бутылкой абхазского вина и направился к выходу.

На пороге он задержался, ему вдруг показалось, что холодная, тяжёлая рука легла ему на плечо, не давая двинуться дальше. Он резко обернулся: конечно же, в квартире кроме него никого не было. И тут его взгляд упал на небольшой саквояж, который он всегда держал в коридоре на верхней полке.

— О, Господи! — догадка обрушилась на него кирпичной стеной. Он отбросил поднос, не обращая внимания на то, что закуски разлетелись по всему коридору, а бутылка разбилась и вино растеклось кровавой лужей.

Он схватил этот саквояж и кинулся в квартиру Валерия, радуясь тому, что она была не закрыта.

Когда Аристарх вбежал в гостиную, он застал жуткую картину.

На полу лежал Кузнечик с серым лицом и пеной у рта. Бутылка армянского дарённого генерал-майором коньяка стояла на журнальном столике с маленькой наполовину заполненной коньяком рюмочкой.

— Ах, Боже ты мой, как я мог это допустить! — причитал Аристарх — и тут же достал из саквояжа и воткнул в шею Кузнечика небольшой одноразовый шприц, уже наполненный необходимым лекарством.

Через несколько страшных секунд Аристарх выдохнул: к Валерию стала приходить розовыми пятнами на лице надежда на благополучный исход.

— Алло, скорая! Я генерал спецслужб! Быстрее! Отравлен капитан спецслужб! Адрес... — прокричал он в трубку, вызывая помощь.

Пока скорая с сиреной мчалась по улицам Москвы, Аристарх, вооружившись тазом и чайником, заливал воду в желудок Валерия.

— Что случилось? — еле ворочая языком, спросил ничего не понимающий Поляковский, после того как его в очередной раз вывернуло над тазом.

— Что, что... Старших надо слушать... — проворчал Аристарх, заставляя его выпить ещё стакан воды. — Сказал же, будем пить вино...

В этот момент в дверь позвонили. Аристарх вздрогнул, мягко опустил голову Валерия на пол и приложил палец к губам, давая понять, чтобы тот не шумел. После этого Магулия на цыпочках прошёл в коридор, осмотрелся, взял тяжёлый подсвечник, стоявший на тумбочке рядом с зеркалом, почти не дыша, посмотрел в глазок, выдохнул, спрятал подсвечник за спину и открыл дверь.

Переступив порог, молодая женщина-доктор коротко поздоровалась, быстро прошла в комнату и, увидев на столе открытый коньяк, а на полу таз с рвотными массажами, чайник с водой, мокрые полотенца и белого как полотно Валерия, без сомнений определила у него отравление палёным коньяком.

— Вы бы сдали эту бутылочку куда следует, — сказала она Магулии, — быстро бы этот магазин закрыли...

— Вы, доктор, довезите его до Склифосовского или другой приличной больницы и сообщите мне, куда его определили, — попросил Аристарх и поставил подсвечник на стол, чем вызвал удивлённый взгляд доктора.

Магулия, следуя за санитарями чуть ли не шаг в шаг, внимательно проследил за тем, как они помогли еле передвигавшему ноги Валерию дойти до лифта и спуститься на первый этаж — лечь на носилки тот категорически отказался, — и как его погрузили в машину.

— А вы, пожалуйста, перезвоните: куда он попадёт, — напомнил он доктору, протягивая ей бумажку со своим номером, под которой мелькнула солидная купюра. — Я его единственный близкий человек. А коньяк этот я обязательно завтра отнесу... Именно туда, куда следует...

— Не волнуйтесь, всё будет хорошо, — ответила доктор, закрыла дверь, взревела сирена, и скорая резко стартовала, унося с собой чуть не угробленного капитана спецслужб.

Вернувшись в квартиру Валерия, прежде всего Аристарх вылил в унитаз содержимое таза, за ним туда же отправился в «благодарность» подаренный генералом «армянский» коньяк, выкинул в мусор все открытые продукты. Затем, подумав, собрал и все оставшиеся запечатанные продукты и тоже их выбросил. Чем чёрт не шутит, пока генерал-майор читает себе дифирамбы.

— Грубо работают, — грозно приговаривал при этом Аристарх. — Из-за таких вот долбаных «палачей» разваливается страна. Ладно, переживём и это... Видимо, мы ещё нужны Господу Богу...

Внимательно оглядев комнату и кухню — ничего лишнего не оставил? — Аристарх взял собранные пакеты, вышел на площадку и опустил их в мусоропровод. «Пусть бомжи разговеются», — бросил он туда на прощание.

Закрыв дверь квартиры Поляковского, он вернулся в свою однушку, так и стоявшую всё это время с распахнутой входной дверью, не глядя прошёл по залитому вином коридору на кухню, взял из шкафчика бутылку вина, открыл, присел за стол, налил полный стакан и выпил его залпом.

«Вот говорил же ему, засранцу, что пить будем вино, — так нет ведь...» — подумал он и замер с перекосенным от страха лицом.

Так получается, если бы они выпили вино и разошлись, то Валерий наверняка решил бы продегустировать коньяк, и... копец котёнку.

Значит, Бог специально определил им обоим жить, но мучаясь! Ведь шанс был один на тысячу, а может быть, на миллион: яд действует самое большее в течение 30 минут, и после спасти человека невозможно.

«Куда мы к бесам катимся...» — подумал Аристарх, в изнеможении опустил голову на руки и заснул прямо за столом.

Валерий спал.

Во сне он снова увидел высокого Старика в чёрной рясе. Они стояли вдвоём в красивом месте где-то в горах: вокруг, куда хватало взгляда, высились горы, постепенно сливаясь с небом. От красоты захватывало дух, и Валерий наслаждался окружающим их великолепием. Они оба молчали.

Но вот Старик повернулся к Поляковскому и показал ему свою кисть, на которой были выпрямлены три пальца. Пристально смотря в глаза Валере, Старик медленно загнул один палец, так что выпрямленных осталось только два. После этого он исчез, а Валерий проснулся.

Какое-то время он лежал с открытыми глазами и наблюдал, как рядом с ним одна за одной беззвучно падают золотые звёздочки. Рядом слышались чьи-то мягкие шаги, он услышал лёгкий скрип открывающейся двери, и к нему подошла медсестра в белом халате со шприцем.

— Ну что, очухался? Вот и молодец, — улыбнулась она ему. — Сейчас я тебе сделаю ещё один укольчик.

— Звёздочки падают... — медленно и тихо проговорил Валерий, продолжая следить за маленькими искорками.

— А это капельница, солнышко светит в окно, вот они, золотистые, и лечат тебя, — засмеялась сестричка.

«Значит, капельница...» — про себя повторил Поляковский, закрыл глаза и снова отключился. Через час очнулся вновь — убрали капельницу.

— Где я? — спросил он.

— В центре отравления института Склифосовского, — сообщила пожилая медсестра. — Ты не беспокойся, уже всё хорошо, но мы тебе ещё одну капельницу поставим, отдыхай пока.

«Ну ладно, раз так — можно и поспать», — решил Поляковский и мягко провалился «в омут».

— ...Ну как он? — спросил подъехавший через пару часов Аристарх у дежурного врача.

— Всё нормально, жить будет. Главное — ему вовремя первую помощь оказали, и скорая подъехала вовремя. А иначе... Концентрированный фенобарбитал плюс кое-какие добавки ещё — мощное отравление. Повезло парню.

— Ясно! — резюмировал Аристарх. — Ну что же, как только придёт в себя, позвоните на этот номер, — и он протянул врачу бумажку со своим номером. — Засим прощаюсь, — пожал он руку врачу и вышел,

незаметно оставив на столе белый без подписи конверт с внушительной суммой внутри.

В следующий раз Валерий пришёл в себя поздно вечером. Он медленно сел на кровати, посидел пару минут, прислушиваясь к своим ощущениям, потом потихоньку встал и вышел в коридор — искать туалет.

— Ты куда это собрался? — налетела на него дежурная медсестра.

— Мне нужно в туалет, — стесняясь ответил ей Валерий.

— У тебя же отдельная палата, милый, там есть и туалет, — мягко разворачивая и направляя его обратно, объяснила та.

— Спасибо, запомню. — Поляковского штормило, ему казалось, что пол под ногами качается, но он справился.

Он быстро устал, вернулся в постель и тут же уснул.

Медсестра тихо прикрыла дверь в палату, сходила в ординаторскую и оповестила врача, что Поляковский поднимался с постели. Доктор вытащил из кармана бумажку с номером Аристарха и набрал генерала.

— Здравствуйте, это из больницы. Ваш подопечный в порядке: он вставал, а сейчас снова спит, это хорошо. Дальше всё пойдёт по плану, организм крепкий, не волнуйтесь, — сообщил он Магулии, ответившему на звонок после первого же гудка.

— Спасибо, доктор, может быть, что-то нужно? — в голосе генерала чувствовалось облегчение.

— Ничего не нужно, да и конверт оставили напрасно!

— А я не вам, это для бедных, чтобы было что надеть после выписки, да и подкормиться.

— Ну тогда спасибо, — с улыбкой ответил врач. — Я ничего не забыл и позвоню, как только ваш подопечный проснётся.

— Спасибо, доктор. Всего доброго.

— Всего доброго.

«Ну что же, — думал Аристарх, — будем пока включать память, просчитывать будущее и делать защиту от прошлого... Пора забрасывать нашего Кузнечика в Вашингтон Ди-Си, а там двигать всё в своём направлении или зажигать импровиз, как Бог на душу положит, не первый и не последний раз...»

Поляковский пришёл в себя быстро. Прошло всего несколько коротких дней, и уже вполне бодрый, хоть ещё и бледный Валерий дожидался Аристарха, который должен был заехать за ним и забрать из больницы.

Магулия приехал вовремя, изъял все больничные документы и историю болезни Поляковского. Они вместе вышли на крыльцо больницы под мелкий, лениво накрапывающий дождик. Метрах в десяти от входа их ждало такси.

— Ничему не удивляйся, — когда они отошли от больницы и ещё не дошагали до машины, предупредил Аристарх, — едем туда, куда надо, в один частный симпатичный дом отдыха.

Приехав на речной вокзал, они прошли на пароход, следующий через несколько городов Золотого кольца.

— Отдохнём, рыбки половим, на красоту полюбуемся, — весело тараторил генерал. — Тебе нужно отдохнуть и выслушать меня на нейтральной полосе, где нет прослушки и соглядатаев, — добавил он, понизив голос. — Ой, ну как же всё хорошо, как всё удобно! — снова бодрым тоном на повышенной громкости заговорил Аристарх.

Теплоход мягко тронулся в путь.

— Ну что, Валер, пойдём отпразднуем твоё второе рождение, а сколько их впереди будет, одному Богу известно, да и будет ли ещё... — предложил Аристарх, после того как они устроились в каюте.

Поляковский не возражал, он быстро привёл себя в порядок и был готов, наверное, к любому повороту событий. Валерий сейчас был в состоянии, близком к созерцательности: он смотрел на происходящее, фиксировал то, как ведёт себя Аристарх, не мешал ему делать и говорить то, что он считает нужным, и при этом — выстраивал свою цепочку понимания сложившейся ситуации, в основном опираясь на анализ уже произошедшего. Он понимал, что без помощи Магулии сейчас не выживет, но и полностью полагаться на вдруг обрётённого отца он не мог.

Заняв столик в ресторане на палубе, они сделали заказ и блаженно принялись за еду. Окружающая обстановка расслабляла: погода была чудесной, солнце стояло в зените, встречный тёплый ветерок освежал их лица, вдоль берегов проплывали великолепные пейзажи, еда была вкусной, лёгкое белое вино располагало к приятному путешествию.

— А ты знаешь, Валер, давай мы ведь с тобой завтра порыбачим, глядишь — что-нибудь и наловим, — предположил Аристарх. — А на экскурсии успеем ещё. Ты как на это сморишь?

— Положительно, — ровно ответил Поляковский. Он понял, что Магулия затеял свой очередной карамболь, но, помня о возможных наблюдателях или прослушке, расспрашивать не стал.

На следующий день, когда теплоход причалил к первому месту остановки, Магулия и Поляковский взяли удочки и отправились к ближайшему затону, с одной стороны густо поросшему камышами.

Рыбка клевала так себе, но зато разговоры никто не слушал.

— Наши сотовые — это конкретные жучки-микрофоны, — внушал Солист Кузнечик, — а в камышах одни комары, а мы им интересны только в качестве пищи. Слушай внимательно, что ты сейчас делаешь. На теплоход ты уже не возвращаешься. Дуй на автобусный вокзал, — продолжил Магулия, не обращая внимания на вскинутые в удивлении брови Поляковского. — Доедешь на автобусе до Питера, оттуда на финском поезде до Хельсинки, там в аэропорт... Документы, виза, билеты, деньги и финский сотовый — всё здесь, — он передал небольшой неприметный рюкзак, который прихватил с собой с теплохода — Валерий думал, что там тоже какие-то рыболовные прикормки. — Внимательно изучи документы, чтобы не ошибиться ненароком, когда тебе будут задавать вопросы. Разговаривать ни о чём лишнем не надо, встретимся в аэропорту Хельсинки. Рюкзак не потеряй, раззява. Вот и всё пока, выполняй.

— А вы останетесь на теплоходе? — всё же уточнил Валерий.

— Да, — коротко ответил генерал. — Нельзя исключить, что за нами есть «хвост», поэтому мы оба не можем вернуться на теплоход. А так я покажусь и буду путать следы. Да и когда я теперь ещё порыбачу, — как-то грустно улыбнулся он.

Они пожали друг другу руки, Поляковский пошёл по тропинке в город, а Магулия остался в затоне с видом заправского рыболова.

Небольшой, уютный аэропорт Хельсинки встретил Поляковского полупустым холлом.

У Валерия с собой, кроме небольшого рюкзака, которым его снабдил Магулия, вещей больше не было. Это сэкономило ему немного времени — ничего не нужно было сдавать в багаж.

Он подошёл к барной стойке, присел на мягкий табурет и заказал чашку кофе.

Сейчас, когда он достиг точки, предваряющей выход «на финишную прямую» его перемещения на «ту сторону», на Поляковского нахлынули воспоминания о том, как он сюда добирался.

...Как он изучал свои новые документы — испытывая внутреннее возмущение и отторжение от прочтения своих новых имени и фамилии, места рождения, — и как он давил в себе эти чувства, понимая, что от его спокойствия и естественного поведения зависит его жизнь.

...Как он обнаружил в рюкзаке светлый парик, но надеть на себя чьи-то чужие мёртвые волосы побрезговал и зашёл в маленькую, пустую парикмахерскую сменить причёску и цвет волос, чтобы больше походить на человека в своём новом паспорте. О том,

каким образом Магулии удалось за такое короткое время сделать ему новые документы (а может, генерал к этому готовился загодя?), Валерий не думал — его это не волновало.

...Как уже в новом облике он сел в поезд, уносивший его всё дальше от себя прежнего, приближая к себе новому.

...Как, продолжая изучать содержимое рюкзака, нашёл письмо, зашитое в подкладке так, чтобы он обязательно обратил на него внимание, и когда он вытащил белый, слегка помятый конверт и прочёл хранившееся в нём письмо, дальше уже перестал обращать внимание на то, что происходило «во внешнем мире». Он настолько погрузился в себя, что даже переход границы для него прошёл почти незаметно.

Сейчас, сидя в аэропорту в ожидании Аристарха и их рейса, Поляковский вытащил из внутреннего кармана ветровки и снова перечитал письмо матери.

«Здравствуй, мой любимый Валерочка! Надеюсь, что у тебя всё хорошо. Валера, ты уже знаешь, что я умерла. Меня убили. Прости меня за то, что это произошло. Прости, что я оставила тебя намного раньше, чем мне хотелось.

Много лет назад я сделала то, что, возможно, не нужно было делать. Возможно, тогда я бы осталась жива и сейчас ты бы не читал это письмо в одиночестве, а мы бы с тобой проводили наш вечер в тепле

и нежности друг к другу. Вместе. Но — произошло то, что произошло.

Сейчас у тебя на Земле остался только один человек, на которого ты можешь положиться — не полностью, но хотя бы во многом. Это Аристарх Лаврентьевич Магулия. Ты его знаешь как нашего соседа. Он твой отец.

Прости, что не рассказывала тебе о нём раньше. Спасибо, что ты не задавал мне вопросов о том, кто твой отец и где он, как обычно это делают дети. Ты всегда был чутким и понимающим ребёнком.

Но сейчас мне приходится доверить тебя заботе твоего отца. Он сотрудник спецслужб. Я — тоже.

Когда мы познакомились, я была намного моложе Аристарха, мне было всего 18 лет. Магулия меня привёл на службу: у меня оказался талант к работе с финансами, он как раз искал такого специалиста и обратил внимание на мой реферат, который я написала на первом курсе института на сложную экономическую тему, и решил со мной познакомиться.

Мои родители рано умерли, мне было одиноко, и Аристарху не сложно было заставить меня сделать то, что он хотел. Ты наверняка уже понял, насколько он может быть обаятельным, когда захочет. Я влюбилась с первого взгляда. Казалось, он в меня — тоже. Но, как выяснилось позже, он меня не любил. Я была его очередным увлечением, «проектом», и даже твоё рождение не вызвало в нём отцовских чувств, что он

дал мне ясно понять: «У разведчиков семей не бывает...»

Но — жизнь нас всё равно связала, и не только через тебя. Магулия определил меня в спецслужбу, хоть по документам я числилась скромным бухгалтером заштатного НИИ. На самом деле я обучалась у лучших специалистов, получила великолепное экономическое образование, и когда пришло время — я сделала то, о чём он меня попросил, ради чего он завязал со мной отношения.

Если захочешь — расспроси его подробнее о «золоте партии». Да, на эту тему ходит много мифов и баек. Но если ты его расспросишь — сможешь узнать то, как это было на самом деле.

Что касается моего, нашего с ним участия в этом процессе.

Проверяя одну из организаций (в мои обязанности входила проверка отчётности организаций, к которым хотя бы косвенно имели отношение спецслужбы или партийная номенклатура), я наткнулась на интересную информацию: на счетах небольшой, недавно образованной Ассоциации художественного искусства (её точное название тебе ничего не скажет), внезапно появилась огромная сумма в долларах.

Это было настолько невозможно в СССР, что прежде, чем сдать отчёт начальству, я решила рассказать об этом Аристарху — мне не хотелось из-за своей

ошибки или недопонимания устроить людям неприятности.

Аристарх быстро связался с руководителями этой Ассоциации, и оказалось, они — родственники крупных партийных функционеров — смогли «откусить» от того самого «золота партии» огромную сумму и, пытаясь отмыть эти деньги, решили делать это через «культурную деятельность» и международное сотрудничество в направлении художественного искусства.

Именно в этот роковой момент они попали мне на глаза — в момент, когда им на счёт пришёл очередной транш, который они планировали вывести за рубеж в самое ближайшее время.

Внимание Магулии, уже тогда занимавшего серьёзное положение в спецслужбах, для этих «предпринимателей» было смерти подобно, в буквальном смысле. Если бы эта миллиардная афера была раскрыта, никого бы из них просто не осталось в живых. И они договорились.

Я тебе рассказывала, что мои родители были выдающимися учёными, их круг знакомств был очень широким, в него входили и зарубежные специалисты. Я связалась с одним из них и попросила открыть счёт в банке в Вашингтоне. Руководители Ассоциации дали мне доступ в их бухгалтерию, и я перевела все эти деньги, всю эту сумасшедшую сумму в долларах, на указанный счёт. Я сделала это, Валера.

Только не так, как попросил меня это сделать Аристарх. Он рассчитывал, что счёт будет открыт на его имя и он сможет полностью контролировать эти деньги в США. Но я поступила иначе. И считаю, что у меня было право так поступить в отношении человека, предавшего меня, — но это Бог с ним, главное — он предал тебя, своего собственного сына.

Счёт открыт на твоё имя, Валера, на имя в твоём новом паспорте. Номер счёта... Пароль доступа... Ты сейчас владелец огромной суммы. Распорядись ею во благо. Помогай людям, попавшим в беду. Я уверена, что ты сделаешь это, я знаю — у тебя доброе сердце, как у твоего любимого киношного персонажа — Сани Григорьева из «Двух капитанов». А когда придёт время и ты захочешь жениться — сделай это только по любви.

Передаю это письмо тебе через Магулию: в последнее время у меня появились дурные предчувствия, и, раз ты его читаешь, они подтвердились. Магулия сведёт тебя с нужным человеком в Вашингтоне и поможет там адаптироваться. Но помни: он азартный, беспринципный игрок, и его игры не за карточным столом. Может быть, со временем его характер смягчился, но будь осторожен с ним, полностью доверяй только себе, своей интуиции. Делай свой выбор!

Будь счастлив, сынок!

Люблю тебя, целую, мама».

«Мама, мама... Да не нужны мне эти миллиарды... Лишь бы ты была жива... — думал Поляковский, сворачивая и убирая письмо в нагрудный карман. — Так вот к чему была вся эта подготовка: английский с репетитором до совершенства, экономика, финансы, химия, искусство, спорт... Обо всём мама позаботилась...»

Валерия кто-то хлопнул по плечу:

— Здесь свободно? — рядом с ним на стул опустился пожилой бритый американец, также заказал кофе и повернулся к Поляковскому:

— Ну что, будем знакомиться?

Голос явно принадлежал Аристарху.

— Без бороды вас не узнать, — искренне удивился Валерий.

— Не только без бороды, но и без седины тоже. Ну что, летим в столицу мирового бизнеса Вашингтон Ди-Си? — улыбнулся Аристарх.

— Да, если у вас снова резко планы не поменялись... И что дальше? — уточнил Валерий.

— Дальше «Чейз Сити Банк», — резюмировал Аристарх. — С депозитарной суммой в полтора миллиарда долларов, а также набежавшими процентами за последние двадцать лет. Вижу по глазам — письмо ты прочитал, так что в курсе всего. И я абсолютно уверен — погибла она неслучайно. Странно только, что за это время нам невероятно везло — мы оба остались живы. Видно, помогает нам кто-то там, на самом Верху, — добавил Магулия.

Поляковский вздохнул и промолчал. Вся эта ситуация до сих пор не уложилась у него в сознании, все эти события были для него нереальными: мама — скромный бухгалтер — оказалась сотрудником спецслужб, сосед-отставник — оказался его отцом, сам он — владелец зашибись какой огромной суммы в долларах, сейчас он за границей по фальшивому паспорту и под чужой фамилией, и — он до сих пор жив.

— И правда, кто-то нас бережёт, — наконец отозвался он, в этот момент у Валерия как-то потеплело на душе.

— На тебе висит тяжкий груз, ты владелец запрительно огромной суммы, которая наверняка выросла до гигантских размеров за это время, — продолжил Магулия, не обращая внимания на состояние собеседника. — Вот это и главная проблема, — он замолчал и отпил кофе.

— В чём главная проблема? — эти слова донеслись до сознания Валерия, и он переспросил.

— Да в том, что с такими деньгами долго не живут, — в своей обычной манере ответил Аристарх. — Новые олигархи и политики сейчас воюют между собой за новые переделы, дивиденды и власть. Ты думаешь, они выпустят из рук такой лакомый кусок? Так это пока он лежал на счёте и «молчал». А теперь...

Объявили посадку на самолёт, Валерий расположился у окна, Аристарх на проходе — сам так захотел:

— Знаешь, Валер, это привычка за долгие годы — прикрывать «ведомого», — пояснил он.

Самолёт тронулся, побежал и, разогнавшись, оторвался от бетонной полосы, набирая высоту и увеличивая перегрузки. Стюардессы покатали по проходу тележки с бесплатными напитками. Расстояние между двумя континентами сокращалось.

За окном неожиданно забушевала гроза. «Боинг» набрал 11 000 метров. В зоне турбулентности, на середине Атлантического океана, самолёт затрясло. Стюардессы в истерике кричали, чтобы пассажиры пристегнули ремни безопасности, кто молился, кто требовал спиртного.

Магулия сидел с закрытыми глазами и делал вид, что спит, а Поляковский достал из кармана письмо и снова стал его перечитывать — ему казалось, что с тонких страниц ему слышится любящий мамин голос.

Самолёт резко терял высоту. До поверхности океана оставалось всего три с половиной тысячи метров...

Опустившись ниже грозы, самолёту всё же удалось вырваться на свободное пространство, и он, хоть и тяжело, стал снова набирать высоту. Пассажиры вздохнули с облегчением, но не всё было идеально. Командир «Боинга» объявил о необходимости сделать вынужденную посадку в Нью-Йорке в аэропорту JFK, где уже ждут потрепанный грозой самолёт.

Пассажирам разнесли обеды, но многие от них отказались: у людей после такой встряски пропал аппетит. Аристарха это не коснулось — он активно двигал челюстями, с шутками-прибаутками поедая предложенный перекус, и посоветовал то же самое Валерию — кто знает, когда им удастся поесть.

Наконец «Боинг» приземлился на выделенной ему запасной полосе. Пассажиры зааплодировали, благодаря экипаж, и не мешкая — всем хотелось побыстрее ощутить под ногами твёрдую поверхность и почувствовать себя в полной безопасности, — поспешили на выход через длинный «рукав». В аэропорту было объявлено, что пассажиров перевезут на автобусах в аэропорт Ла Гуардия, а оттуда в Вашингтон Ди-Си на специально предоставленном самолёте. На что Аристарх заметил:

— Лучше ничего не придумашь, остановимся где-нибудь на Манхэттене, ознакомимся с местными достопримечательностями. А если кто нас дожидается в Вашингтоне, то, к своему разочарованию, останется с носом.

Поляковский был с ним согласен.

Получив свои вещи и взяв такси, они отправились в отель на 47-й стрит на Манхэттене. Двухместный номер с видом на Гудзон выглядел вполне прилично. Сеть разноцветных ресторанчиков — китайские, тайские, итальянские и американские — на любой вкус и кошелёк — зазывала в свои кулинарные объятия.

— Ну, куда же мы пойдём поужинать? — задал Аристарх Валерию в общем-то риторический, хотя и с подковыркой, вопрос — он знал, что Поляковский здесь никогда не был и посоветовать ресторан был не в состоянии.

— Даже не знаю, — ожидаемо ответил Валерий.

— А пойдём-ка мы в местный русский ресторан с названием «Самовар»! — снисходительно-покровительственно предложил Магулия. — Там собирается вся местная манхэттенская богема, кого только не встретишь. И, как это бывает, вполне ожидаемо-неожиданно — наверняка там будет и кто-нибудь из русского консулата, — пояснил он свой выбор.

Когда они приехали в ресторан, Аристарх по-барски проследовал до дальнего столика, Валерий едва

поспевал за ним. Усевшись поудобнее, Аристарх дал сигнал официанту.

— Ну-с, с чего начнём? — обратился он к Валере, но не стал дожидаться его ответа и продолжил: — Эх, ладно, Кузнечик... Так и быть! Командовать парадом буду я!..

Застолье по-купечески растянулось до позднего вечера. Скорее, это было не просто застолье, а восстановление и отладка канала под названием «сарафанное радио».

С некоторыми старыми знакомыми у Аристарха получилось «вспомнить былое» сразу же: они обедали здесь же и при виде человека из прошлого подходили поздороваться и поинтересоваться планами. И «сарафанное радио» начало работать — те, кто уже подходил к Магулии, начали звонить своим друзьям, сообщая о появлении в Нью-Йорке «старого друга». Вот так и получилось, что в течение нескольких часов в «Самовар» прибывали всё новые посетители и многие из них сразу подходили к их столику.

На вопросы, какими судьбами и надолго ли их занесло, Аристарх отвечал однозначно: исключительно по делам и на смотрины невесты, — какой? Пока секрет...

— Не волнуйтесь, друзья, — выводил Аристарх свою «генеральную» линию, — все будут приглашены, а пока потерпите. Вот зайдём в ближайшее время в наш храм, отметимся, причастимся, а там

и благословение получим... Так что всё впереди, увидимся ещё не раз, господа, всему своё время!

Отобедав и отужинав одновременно, Аристарх с Валерием вышли из ресторана и взяли такси: по плану Магулии им было необходимо посетить Чайнатаун.

На месте, войдя в китайский ресторанчик, куда его целенаправленно привёл Аристарх, Валерий взмолился:

— Я и так уже переел! Сколько можно!

— Ничего, у нас ещё Брайтон Бич впереди, — ответил Магулия и, глядя на расширившиеся глаза Поляковского, добавил: — Не пугайся, Кузнечик, мы его оприходуем завтра в ресторане «Одесса» и только после этого займёмся с понедельника нашими делами. Никто из местной публики и заинтересованных лиц не предугадает, как долго продлится наш загул в городе «золотого тельца», — пояснил он.

В отель Аристарх с Валерием вернулись только под утро, когда на Бродвее начали гаснуть золотые огни реклам.

Поляковский считал, что первый день в Америке прошёл вполне благополучно, и пребывал в благодушном настроении, Аристарх же, наоборот, глубоко погрузился в свои мысли. Старый разведчик размышлял — поднимать ли свою «гвардию» из прошлой жизни и все ли войдут в группу его поддержки. Решив, что утро всё же мудренее вечера, он с чистой совестью отправился на боковую.

— Подъём! — коротко и властно объявил Аристарх. — У нас не более пятнадцати минут, забирай свои бабихи и следуй за мной.

Валерию показалось, что он только что закрыл глаза. Но — делать было нечего, он встал, потянулся и начал собираться.

Через четверть часа они сели в вертолёт, стоящий на крыше отеля. Пилот резко поднял машину, вертолёт взял курс на запад в Нью-Джерси. Перелетев через Гудзон, пилот приземлил машину на частном аэродроме, где их дожидалась четырёхместная «Цессна». На ней Магулия и Поляковский с комфортом долетели до частного аэродрома в Вашингтоне Ди-Си. «Цессна» осталась в ангаре, а Магулия и Поляковский пересели в такси и выехали дальше по маршруту.

— Вот видишь, Валера, как мы с тобой здесь шикарно челночим, а вот если бы ты был здесь один или с кем-то без меня, то увы... И ах! Я бы не поставил на тебя даже ржавого пятака из советских медных денег! — ткнул Поляковского носом в очевидное Магулия.

— Хорошенькая фигня — сами втянули, а теперь сами же и угробить хотят, — отреагировал Валерий.

— Не унывай, Валерка, мы опережаем врагов на два хода, и за эти два хода мы обязаны выиграть свою партию! О-бя-за-ны! — серьёзно посмотрел Поляковскому в глаза Магулия и надавил на болезненное место: — Хотя бы ради твоей мамы.

Поляковский промолчал, ему не нравилось, что Магулия пытается манипулировать им при помощи самого дорогого — памяти матери.

— У тебя есть полная защита, и более того — американский паспорт с новым именем, — продолжал подсмеиваться над Валерием его сэнсэй Аристарх. — Да ладно, не унывай, скорее всего, запустят тебя с двумя астронавтами в космос на несколько лет, а там тебя никто уже не обидит, — не унимался Магулия, хотя и видел, что Поляковскому его шутки уже порядком надоели. — И если ты будешь не против, то и я на старости лет составлю вам компанию. Глядишь, и на Марсе с тобой отметимся, а там деньги не нужны, как и в гробу карманы...

— Да хватит вам уже насмеяться надо мной, товарищ генерал! — решительно, хоть и пытаясь сохранить остатки вежливости, отрезал Валерий, надеясь, что Аристарх отстанет от него хоть на какое-то время. Но не тут-то было.

— Ничего, сынок, привыкай, мы с тобой ещё след оставим и на нашей планете тоже, поверь мне, будет праздник! — Аристарху было важно оставить последнее слово за собой, и он его за собой всё-таки оставил.

Когда они подъехали к нужному банку, охрана, которую Поляковский про себя назвал «почётным караулом», провела их прямо в кабинет управляющего: как оказалось, их там ждал человек.

Первым в кабинет вошёл Магулия, за ним Поляковский. Взгляд Валерия сразу упёрся в пожилого седовласого мужчину, сидевшего с чашкой кофе в удобном кресле у окна; на поднявшегося из-за стола и подошедшего для приветствия управляющего банком он даже не обратил внимания. К счастью, Магулия замял эту неловкость — широко улыбаясь и энергично пожимая управляющему руку, он сразу завалил того вопросами.

Поляковский с улыбкой подошёл к мужчине, который отставил чашку на стоявший рядом журнальный столик и поднялся ему навстречу, даже не замечая катившихся по щекам слёз.

— Здравствуйте, я Валерий Поляковский, — почему-то представился он своим настоящим именем и протянул ему руку.

— Ты так на неё похож, Валерий, — наконец проговорил тот, вытаскивая платок и вытирая лицо. — У тебя её взгляд, её манера держать голову, улыбка,

голос... Я так рад тебя видеть, — и мужчина вместо рукопожатия обнял Поляковского.

Валерий не любил обниматься с незнакомыми людьми, тем более с мужчинами, но этого человека он с готовностью обнял в ответ: Поляковский почувствовал, что через него протянулась ниточка к матери.

Позади деликатно кашлянули, и им пришлось обернуться: Магулия и управляющий смотрели на них, ожидая пояснений.

— Извините, я не представился, — мужчина откашлялся и снова провёл платком по щекам. — Меня зовут Питер Линк. Это я открыл счёт в этом банке, посчитав его самым надёжным, тем более что им управляет мой хороший друг, — он сделал короткий поклон в сторону управляющего. — А сделал я это по просьбе мамы вот этого молодого человека, — он тепло улыбнулся Валерию. — Одной из наших с ней договорённостей было также то, что я буду присутствовать при его первом появлении в банке и прослежу, чтобы всё было в порядке. Вы не возражаете, господин Поляковски? — он на американский манер произнёс фамилию Валерия и вопросительно посмотрел на него.

— Буду очень вам благодарен, господин Линк, и, пожалуйста, называйте меня по имени, просто Валерий, без «господинов», — ответил Поляковский.

— Я очень рад, что смогу выполнить волю женщины, к родителям которой и к ней самой отношусь

с огромным уважением и... — Линк запнулся и продолжил только через пару секунд. — И, пожалуйста, просто Питер, мне будет приятно.

— Разрешите представиться, — встрял в разговор Магулия. — Генерал в отставке Аристарх Лаврентьевич Магулия, отец этого молодого человека. Называйте меня так, как вам будет удобно, — он осклабился и протянул руку Линку.

— Очень рад, я знаю, кто вы, Нина мне всё рассказала, — сухо ответил ему Линк, пожимая руку.

— Ну что ж, господа, — отвлѣк их внимание управляющий банком, всё это время с интересом наблюдавший за происходящим. — Может быть, перейдѣм к делу? Что вы хотите сегодня предпринять? — и он жестом пригласил всех присесть за стол. — Вода? Кофе? Чай?

Все трое хором попросили минеральной воды, переглянулись и разулыбались. Напряжение первых минут встречи стало спадать.

Когда им принесли минералку, высокие хрустальные стаканы и все утолили жажду, управляющий снова задал вопрос:

— Итак, господин Поляковски, что вы намерены сделать сегодня?

— Я бы хотел узнать, сколько денег сейчас на счету? — ответил Поляковский, не дав заговорить Магулии, уже открывшему рот.

Это не укрылось от Линка, и он тихонько усмехнулся.

— Что ж, хорошо. Тогда я прошу вас предъявить документы и назвать номер счёта и пароль доступа, — попросил управляющий.

— Конечно, — вот тут уже Валерий обернулся к Магулии. — Доставайте всё, что есть, Аристарх Лаврентьевич, — а сам полез за паспортом и письмом матери, которое с тех пор, как впервые прочитал, носил в нагрудном кармане, ближе к сердцу.

Управляющий внимательно просмотрел документы и письмо, в котором был указан номер счёта и пароль доступа.

— Господин Поляковски, вы понимаете, что есть нюанс, — проговорил он, глядя в глаза Валерию. — Сейчас присутствующие обращаются к вам как к Валерию Поляковскому, — проговорил он медленно русские имя и фамилию. — Но счёт открыт на другую фамилию, совпадающую с данными паспорта, который вы мне сейчас предъявили. Я не спрашиваю вас, почему это так, это не моё дело, я всего лишь управляющий банком. Не волнуйся, Питер, — обратился он к своему заёрзавшему другу. — Ты меня об этом предупреждал много лет назад, открывая этот счёт. — И управляющий снова обратился к Валерию: — Но есть нечто, что вы должны знать кроме номера счёта и доступа к нему. Вы знаете что-то кроме того, что сейчас предъявили мне, Валерий? Что-

то вроде второго пароля? — и управляющий замолчал в ожидании ответа.

Магулия тихо ахнул и побледнел.

Линк хранил молчание и ободряюще смотрел на Валерия.

Поляковский задумался. Он был уверен, что мама сообщила ему в письме всё, что было нужно для того, чтобы он получил доступ к счёту и начал распоряжаться деньгами. Но написать обо всём открыто она точно не могла: мама понимала, что Магулия обязательно вскрыет конверт и прочтёт письмо, а значит — получит полный доступ к деньгам, чего она категорически не хотела.

«Что же ты зашифровала в письме, мамочка... — размышлял он. — Что-то такое, что известно нам обоим...»

Молчание затягивалось, и управляющий начал встревоженно коситься в сторону своего друга.

— Ты иди, не сверни и не падай! Упадёшь — поднимись! И будет тебе наградой цели заветной высь! — Поляковский уверенно начал цитировать строчки песни из фильма «Два капитана».

Трое мужчин с облегчением выдохнули — но у каждого была своя причина.

Магулия — оттого, что его цель, на которую он сделал ставку и пошёл ва-банк, будет достигнута.

Линк — оттого, что Валерий смог понять, что зашифровала в письме Нина Поляковская, и её сын получит всё, что она для него оставила.

А управляющий — оттого, что всё хорошо сложилось, личность владельца подтверждена и ему не придётся ссориться со старым другом, а его банк получил VIP-клиента — осталось его только удержать. Но уж тут-то он постарается...

— Мне до конца дочитать или достаточно первого куплета? Это текст песни из фильма «Два капитана», мы с мамой очень любили и сам фильм, и эту песню, — улыбнулся Поляковский управляющему.

— Вполне достаточно, — улыбнулся тот в ответ. — Ваша личность подтверждена. Вы хотите лично посмотреть состояние счёта или эта информация также и для этих двух присутствующих господ?

— Да, и для них тоже, — без колебаний отозвался Валерий.

— Хорошо, — и управляющий шустро застучал пальцами по клавиатуре.

Через пару минут он повернул к Поляковскому, к которому присоединился и Магулия, монитор компьютера, на котором замелькали цифры, а в правом верхнем углу была обозначена итоговая сумма на сегодняшний день.

И снова в кабине управляющего повисла тишина. На этот раз по причине увиденного.

Сумма на счёте была настолько велика, что осознать её в один момент было невозможно, даже для управляющего банком это было непросто.

— Нет ли у вас чего-нибудь покрепче? — нарушил молчание Магулия.

— Виски? Коньяк? — предложил управляющий.

— Извините, Аристарх Лаврентьевич, предлагаю ограничиться минералкой или кофе, — перехватил инициативу Поляковский. — У нас ещё есть вопросы, которые требуют трезвой головы. Согласны?

Аристарх нехотя кивнул, а Линк улыбнулся.

Управляющий распорядился о кофе, и когда секретарь поставила перед ними чашки с кофе и сахарницу и вышла, Поляковский продолжил:

— Думаю, нам потребуются банковские карточки, а также я бы хотел приобрести здесь квартиру в удобном районе, — поразмыслив пару минут, сказал Поляковский. — Что вы думаете по этому поводу, Аристарх Лаврентьевич? — обратился он к Магулии.

— Согласен, — коротко ответил тот.

— Вот и славно, — отозвался Валерий. — Пожалуйста, оформите нам с Аристархом Лаврентьевичем банковские карты с лимитом в 300 000 долларов каждая, — попросил он управляющего. — Это на текущие расходы, — пояснил он. — А что касается недвижимости и прочих наших планов — то мы над этим подумаем и свяжемся с вами. Надеюсь, что и Питер нам поможет советом, — улыбнулся он Линку.

— Конечно, и не только в этом вопросе, — ответил тот.

Через несколько дней Поляковский и Магулия сидели в просторном кабинете на 86-м этаже в Южной башне гигантов-близнецов на Манхэттене.

Стоящий в центре кабинета внушительный стол из чёрного дерева, которого хватило бы более чем на 20 человек, сейчас был пуст — за ним глава корпорации проводил совещания с начальниками филиалов и подразделений.

Но сегодня в кабинете было только три человека, и они с комфортом расположились у окна в удобных креслах за небольшим столиком также из чёрного дерева, на котором стояли фарфоровые чашки с кофе и сахарница с маленькими квадратными кусочками жёлтого сахара и щипчиками.

За дверью кабинета было тихо: огромная корпорация вела дела во многих сферах бизнеса, но сегодня, в воскресенье, в помещениях царила тишина.

А вот в кабинете её владельца и главы, наоборот, работа кипела.

Аристарх и Питер, хозяин корпорации и этого кабинета, вели очень серьёзные переговоры. Хотя ключевой фигурой был Валерий, он доверил в первую очередь — Питеру, и во вторую — Аристарху быть ведущими в поиске отраслей по развитию бизнеса, справедливо рассудив, что Линк — как выяснилось, глава огромной корпорации — прекрасно ориентируется в экономике и сможет подсказать, куда выгоднее вложить деньги, а Магулия — мог со своей

колокольни проанализировать предложения Линка и сказать своё слово.

Поляковский же выслушивал аргументы «за» и «против» и принимал окончательное решение, ставя свою подпись как владелец всех денег на счёте.

Кроме того, Валерий для себя определил, почему он решил оставить при себе и Линка, и Магулию.

Питер Линк вызывал у Валерия тёплые человеческие чувства, и с его стороны сам Поляковский также ощущал искреннее сердечное отношение. И это было для него главным. А то, что Линк когда-то открыл счёт в банке, а теперь мог давать полезные советы и стать надёжным бизнес-партнёром, для Поляковского было на втором, а то и на третьем месте.

Что касается Магулии, то, несмотря на то, что когда-то он отказался и от его матери, и от него самого, Поляковский считал, что многим ему обязан, в том числе тем, что сейчас он живым и здоровым сидел в небоскрёбе на Манхэттене.

Учитывая всё это и желая сохранить добрые отношения, Поляковский и принял решение о совместном ведении бизнеса.

Первым его предложением стало то, что проценты, набежавшие за время, пока главная сумма лежала на счёту, и составившие около полумиллиарда, будут сняты, поделены на три части и вложены в дело. Треть от всей прибыли с этих вложений будет получать Линк, которого Валерий попросил не только

быть их бизнес-советником, но и проводить их сделки через свои компании.

Магулия сразу согласно кивнул, а вот Линк заартачился — он считал, что ничего особенного не сделал, да и сам являлся весьма богатым человеком и был готов оказывать помощь безвозмездно.

— Валерий, дорогой, я предоставляю тебе все свои ресурсы и возможности, всех своих юристов, агентов, финансистов, и никаких денег мне за это не нужно, — пытался отказаться он. — В память о...

— Питер, я всё понимаю, но не могу так поступить. Пожалуйста, прими моё предложение, — настаивал Поляковский. — Мама учила меня быть благодарным за помощь.

Этот аргумент решил всё.

Теперь, когда они обсудили возможные направления для вложений, их роли стали понятны: каждый выбрал для себя то, что ему ближе.

Магулия предложил треть от суммы процентов вложить в большое строительство коттеджей вдоль атлантического побережья океана.

— Я сам с удовольствием буду этим заниматься. Я понимаю этот бизнес, в нём есть перспектива, зуб даю, — в своей обычной манере обосновал он это решение.

Линк поддержал его предложение, и Поляковский согласился.

Вторую треть от процентов Валерий предложил вложить в искусство.

— Что, картинки будешь покупать? — съязвил Аристарх.

— А хоть бы и картинки... И не только их... — отозвался Поляковский.

— Ты прав, Валерий, ты абсолютно прав. Достоянные предметы искусства всегда растут в цене, — поддержал его Линк, на что Магулия только хмыкнул.

Но уже следующие 33,33% Аристарх почти силой таки навязал вложить в золотые килограммовые и более тяжёлые слитки 99,99% пробы золота, а также необработанные чистые крупные, более чем 20-каратные, алмазы...

На этом «они определились окончательно».

— А может, позже мы вообще купим алмазные копи где-нибудь в Латинской Америке, — хитро глядя на собеседников, обронил Магулия.

— Почему нет? Хорошее дело, — поддержал Линк теперь Аристарха.

Он подошёл к шкафу, вынул из него бутылку коньяка, бокалы и принёс их на столик.

— Отметим этот славный момент? — предложил Питер.

— Ох, — поморщился Поляковский и побледнел так, что это стало заметно невооружённым глазом. — Может, есть что-то другое?

— Есть виски... Но этот коньяк я держал для особого случая... — в замешательстве ответил Линк.

— Ты, Петя, не обращай внимания. Его как-то коньяком отравили, еле откачали. С тех пор он коньяк не пьёт, — пояснил Магулия.

— Какой кошмар! — всплеснул руками Линк. — Валера, прости, я ведь не знал... Есть хороший виски.

— Тащи свой вискарь, Петя, — снова встрял Магулия. — Грех не отметить начало такого предприятия.

Линк посмотрел на Поляковского, и тот согласнo кивнул.

— За нас! — поднимая стакан с виски, провозгласил Поляковский.

— За то, чтобы у нас всё было, а нам за это ничего не было! — поддержал Магулия.

— Я не совсем понял, что ты сказал, Аристарх, но всё равно поддерживаю, — отозвался Линк. — Да сопутствует нам удача!

И работа закипела.

Питер активно подключился к общему делу: в распоряжение Поляковского и Магулии он предоставил всё, что обещал, — своих юристов и экспертов; возможность проводить сделки через компании, входящие в его корпорацию; свои связи, через которые получались необходимые разрешения; и — он контролировал все эти процессы, давая возможность своим партнёрам свободно заниматься тем, что они для себя выбрали.

Аристарх, как и хотел, взял на себя строительство домов, и сделал это с размахом: от Род-Айленда до Коннектикута и Лонг-Айленда по направлению на юг вдоль 90-й дороги вплоть до Флориды. Это была его стихия, и он развернулся по полной программе, наслаждаясь и процессом, и — главное — проверкой счетов, на которые падала баснословная прибыль.

Строительство шло активно: и построенные дома, и даже те, что ещё находились на стадии строительства, уходили, как горячие пирожки, — Магулии везло просто феерически.

Налоги платились, открывались новые счета в различных банках, доллары стекались на них полноводной рекой.

По предложению Магулии, при согласии Поляковского и при поддержке Линка, на Юконе в Канаде были приобретены про запас участки земли с не тронутыми до сих пор старателями золотоносными жилами.

— Это на верхосытку, — приговаривал старый «крендель» при каждом удобном случае и одобрительно гладил себя по голове — мол, вот какой я умный.

Валерий же пропадавал на аукционах. Его первой покупкой стала коллекция из трёх картин малоизвестной американской художницы итальянского происхождения Марселлы Нельсон начала 70-х годов XX столетия. Поляковский приобрёл её не раздумывая: его настолько поразили сочность красок и какой-то пасторально-умиляющий стиль этих полотен — смешные, милые коты среди луговых цветов, изображённые с такой нежной, трогательной любовью, — что он не устоял.

«Зачем мне коты в цветочках? Что в них особенного? Я взрослый мужик — и вдруг коты... Но уж больно милые... Куплю...» — подумал Поляковский, купил и повесил у себя в кабинете, в пентхаусе на Манхэттене.

И — понеслась.

В каких-то аукционах он участвовал сам: это происходило в тех случаях, если за просмотром каталога у него внутри что-то начинало «зудеть» при виде какого-то лота. Если же это ощущение его не посещало, то этот аукцион Валерий пропускал без сожалений.

Работал он и с арт-дилерами — постепенно вокруг него сложился оазис специалистов и просто любителей искусства, с которыми Поляковский был на одной волне, совпадая в мировоззрении и взглядах на искусство. К тому же на деньги он не скупился, и работали на него с удовольствием.

В хранилищах новых банков, снятых им специально для своих приобретений, хватало места для замечательных редких и дорогих произведений.

Часть приобретений он перепродавал — умножая капитал, но был и НЗ — неприкосновенный запас, картины, старинные книги-артефакты, которые он держал только для себя.

Были и такие приобретения, которые явно не хотели потом продаваться, чётко выражая желание остаться у него — возможно, для какого-то особого случая. Этих «строптивцев» Поляковский быстро научился отличать: при попытке продажи такого предмета складывались безусловно препятствующие этому обстоятельства, не позволяющие уйти картине или книге в другие руки.

Поляковскому нравилось то, чем он занимается, и в этом его поддерживал Линк.

И только Магулия его время от времени подначивал:

— Кто приумножает наше богатство? Аристарх Лаврентьевич. А кто картинки покупает? Кузнечик. Ну ладно, сына, пока батька жив-здоров, ты не пропадёшь. Так что — занимайся своими раскрасками.

Поляковскому было что ответить на подобные речи человека, которого он так и не смог полностью принять как своего отца. Но ему просто не хотелось тратить на это свою энергию. Тем более — от слов Магулии ничего не зависело.

Валерий был уверен: то, что он делает, — необходимо. И время это ещё докажет. А денег у них и так хватает, к тому же — в гробу и правда карманов нет.

Их бизнес продолжал набирать обороты. Открывались новые офисы по продаже недвижимости, нанятые люди, в основном из бывшего Советского Союза, хорошо справлялись со своими риелторскими обязанностями. Открытые офисы были с утра и до вечера заполнены покупателями земельных участков и недвижимости, строящейся на них, — Аристарху «пёрло» в бизнесе просто сказочно.

Их благосостояние росло: покупались квартиры в элитных районах главных деловых столиц мира — чтобы не останавливаться в гостиницах, приезжая на переговоры; приобретена вила на побережье тёплого моря — чтобы можно было спокойно отдохнуть; пополнялся автомобильный парк — у Аристарха прорезался вкус к машинам «с историей», да и охраны требовалось всё больше; был куплен самолёт «Цессна» на четырёх человек с двумя винтами и нанят профессиональный пилот — они жили в постоянном цейтноте и «свои крылья» давали им необходимую мобильность.

Всё шло удачно.

Всё действительно шло удачно.

Но Поляковского не оставляла тревога. Он не понимал, что его беспокоит, не мог выразить свои ощущения словами.

А когда Валерий попытался заговорить об этом с Аристархом, тот просто отмахнулся и посоветовал ему пить валерьянку.

— У нас прекрасные американские паспорта — это раз, — ответил ему Магулия и загнул один палец. — У нас денег куры не клюют, а богатых людей в Америке защищают, это — два, — загнул он второй палец. — Пей валерьянку — это три, — и Аристарх загнул третий палец. — Что-то ещё?

— Вопросов больше нет, — ответил Валерий и окончательно понял, что Магулия ему сейчас уже не советчик.

И Валерий попытался проанализировать ситуацию со стороны.

Практически главный вопрос был один: помнят ли их или забыли?

Но у него было недостаточно данных, чтобы провести полноценный анализ, связей Аристарха у него не имелось. Всё, что мог Поляковский, — следить за ситуацией в России по сообщениям прессы. А это просто капля в море, на этой информации невозможно было провести корректный анализ. И он отступил.

Ведь он не знал, что первого «напряжения» со стороны ушедших в отставку и осевших в Штатах комитетчиков, гонявшихся за ним и Магулией, уже не

было. Однако это не значило, что за ними из-за океана перестали наблюдать. Наоборот: их бывшие кураторы видели, что два ловких «мошенника» смогли за короткое время увеличить почти полуторамиллиардный счёт ещё почти на миллиард.

Пока что, глядя на этот лакомый кусище, они только подбирали слюни — ситуация всё же изменилась: обычный «гоп-стоп» уже не проходил.

Что возмущало их больше всего: как волшебно прёт этим авантюристам! Куда бы ни вложились эти два «сучка» — везде им доллары, почёт и уважение! Скоро эта парочка войдёт в сотню богачей по Форбсу!

«Ну ничего, мы ещё встретимся с вами, ребята. А пока гуляйте, заработайте нам побольше долларов...» — думали их бывшие кураторы.

Поляковский этого знать не мог, как и о том, что происходило за кулисами большой политики.

Но внутренняя, безотчётная тревога его не отпускала. В один из таких дней, когда стало совсем плохо, ему захотелось воздуха: он шагнул из своего пентхауса на крышу, сел в один из стоявших там шезлонгов, засмотрелся в звёздное небо и не заметил, как задремал.

Валере снова приснился Старик. Они снова стояли где-то в горах. И он загнул на своей руке ещё один палец.

Сентябрьское небо над Нью-Йорком было безоблачным и чистым. Люди спешили в офисы — начинался обычный рабочий день.

Переговоры были назначены на 08:30 утра по нью-йоркскому времени на 86-м этаже в Южной башне «братьев-близнецов». С одной стороны выступал Магулия. В «другом углу ринга» находились представители его бывшей альма-матер, и даже генерал-майор не поленился прилететь.

«Весь курятник он, что ли, с собой приволок — вон сколько народа. Плохо, когда в одной команде никто друг другу не доверяет. Потому, видно, всем кагалом и прилетели», — думал Магулия, осматривая делегацию, возглавляемую его бывшим начальником.

Суть дела заключалась в том, что бывшие кураторы захотели получить кусок пирога и решили для начала цивилизованно провести переговоры.

«Ладно, перетрём, а там посмотрим», — на этой мысли Аристарх расслабился и даже начал улыбаться «высоким гостям».

Хозяин офиса Питер Линк обеспечивал юридическую поддержку. Поляковский опаздывал.

— Не опаздывает ли Валерий на наш замечательный брифинг? — с иронией поинтересовался Линк у Магулии.

— Он несколько рассеян, — сказал Аристарх, — но чутьё у него невероятное, просто гений! Если вы позволите, я выйду на пять минут, гляну, где он, может, по ошибке его понесло в соседний «близнец». Я мигом туда и обратно на лифте!

И Аристарх заспешил к лифтам, на часах было 08:37.

В 08:40 он вышел из лифта на первом этаже, оглянулся по сторонам — Валерия не увидел.

В 08:45 Аристарх зашёл в закусочную соседнего обычного 6-этажного дома, на первом этаже которого разместилось небольшое кафе, где они часто перекусывали. Валерия там не было.

Магулия направился к кассиру спросить, не заходил ли сегодня сюда Поляковский, и... окна вместе с входной дверью влетели в закусочную. Аристарха круто развернуло на 145 градусов, и он, поднятый кем-то невидимым, влетел с мощной взрывной волной в далёкий туалет.

Чуть придя в себя, он выскочил на другую сторону дома через запасной выход и попал в ад: кто-то истошно визжал за его спиной, на земле лежали люди в крови, в воздухе стояла стена пыли — он закашлялся и прикрыл рот согнутой в локте рукой.

Северная башня горела, как гигантская зажжённая спичка, сверху падала дымовая завеса с едкими химическими примесями.

«Ну всё, Армагеддон, писец котёнку... Эх, Валерка, Валерка. Лучше бы ты сюда не ехал вообще...» —

подумал Аристарх, согнувшись в очередном приступе кашля.

«Бля**! А вдруг я его пропустил и он уже там!» — охнул Аристарх и рванул с места, как спринтер стометровку. Но он не успел: взрыв потряс Южную башню. Магулия становился, и в этот момент у него в кармане зазвонил телефон.

— Это кто?! — рывкнул Магулия в трубку на бегу, от волнения у него всё плыло перед глазами и он был не в состоянии рассмотреть, что за абонент его вызывает.

— Я! — в трубке прозвучал знакомый голос.

— Валерка, ты что, из морга звонишь? — Аристарх резко затормозил и остановился прямо посреди тротуара, чувствуя, как волнение его отпускает, а ноги становятся ватными. Люди, заполошно бегущие в обоих направлениях, толкали его, и он огляделся вокруг, ища место, куда бы приткнуться, — увидел дверь какой-то забегаловки и зашёл внутрь.

— Нет, я только вышел от одного коллекционера! Ты не поверишь, какая удача: я смог его убедить продать мне два рисунка Леонардо к «Тайной вечере», набросок Брейгеля к «Поклонению волхвов» и ещё, это просто невероятно — книгу «Деяния Святых Апостолов» 1798 года! Это... Это... У меня слов нет! Я уговаривал его всю ночь! Ой, а который час?

Ответ Аристарх выдал неопровержимую аксиому:

— Ты мудака, и я тоже, вот поэтому мы и выжили с тобой! Апокалипсис, Валерка, апокалипсис!

Гигантские толпы людей стремились как можно дальше удалиться от эпицентра трагедии.

В этой людской бурлящей лавине Поляковский и Аристарх шли каждый своим маршрутом в сторону Квинс Бриджа — моста, соединяющего Манхэттен с Квинсом, по 2-й авеню на расстоянии полумили друг от друга.

У Валерия зазвонил телефон, ответив на звонок, он услышал голос Аристарха:

— Выходи на Парк Авеню и иди по ней на север до 97-й стрит, там, на углу увидишь красное кирпичное здание — это Синод, центральный храм Русской зарубежной церкви.

— Хорошо, — коротко ответил Валерий и двинулся к месту встречи.

Магулия первым добрался до места встречи, вскоре появился и Поляковский, бережно прижимая к себе объёмный свёрток из жёсткой бумаги, почти полностью перемотанный широким скотчем — в нём были надёжно укрыты его новые приобретения.

— Извини, Аристарх, я не стал оставлять рисунки и книгу до следующего раза, ибо уже сообщили, что рухнули ещё два «Боинга» и наверняка они

не последние... Питер мне позвонил, — голос Поляковского дрогнул, а по щеке покатились слеза. — Он передал нам свой прощальный привет и добрые пожелания. Он сказал, что стоит на подоконнике в проёме выбитых стёкол и размахивает шторой и что люди бросаются вниз — на его глазах девушка и парень, обнявшись, ринулись вниз из окна прямо над ним. — Валерий снова замолчал, собираясь с силами. — И ещё он попросил позаботиться о его похоронах, если его тело будет найдено, — и Поляковский отвернулся к стене — он не смог остановить рыдания.

— Мне он тоже успел позвонить, — ответил Аристарх, — но это был деловой звонок. Он сказал, что мы молодцы, что успели полностью завершить накануне несколько крупных сделок, которые готовили последние полгода. Что касается похорон — конечно, мы всё сделаем. Кстати, так как у него не было наследников, он оставил все свои деньги и активы тебе. Так что наше... в смысле... твоё состояние увеличилось более чем в два раза.

— Да не нужны мне эти деньги! Зачем они мне! Лучше бы он был жив! И лучше бы мама была жива! — Поляковский не заметил, как повернулся к Магулии и прокричал эти слова на всю улицу.

— Ну... нужны или не нужны тебе эти деньги — это уже не важно. Важно, что теперь они у тебя есть, — пробормотал Аристарх. — Мне бы кто вот так состояние оставил...

— А что с другими? У него ведь в кабинете были люди? У нас ведь на утро была встреча назначена? — спохватился Валерий.

— Да, люди были и сплыли, — неожиданно весело рассмеялся Аристарх. — Целая делегация во главе с моим бывшим шефом приехала у нас деньги отжимать. А вот как всё повернулось... Нет их теперь... Питер успел рассказать, что они побежали на лестницу — хотели попасть на крышу, надеялись, что их там вертолёт заберёт. Да вот лестница не выдержала после взрыва — и они все упали вниз. Так что некому теперь рот на наш кусок разезать.

— Ты рад тому, что они погибли? — Валерий с каким-то странным, самому непонятным чувством смотрел на Аристарха.

— Да, я этому рад, — Магулия жёстко посмотрел Поляковскому в глаза. — Лучше они, чем мы, тем более — руки марасть не пришлось. А вот Петю жалко — хороший был человек. Да простит Господь душу погибшего раба Своего Питера, и да простятся ему грехи вольные и невольные... — завершил Аристарх и перекрестился.

Войдя в храм, Аристарх и Валерий поднялись на второй этаж в главный большой зал, где молилось много людей и где митрополит Илларион вёл со слезами на глазах заупокойную службу, и не было в тот день во всех храмах страны не скорбящих...

Последний, пятый, самолёт взорвался при взлёте в аэропорту JFK через несколько дней после больших терактов. Нью-Йорк, как и вся Америка, был в трауре.

Цены на недвижимость за пределами города подскочили почти в два раза, в Нью-Йорке же пошли вниз. В страхе перед террористами американские обыватели раскошеливались по полной программе и кинулись раскупать частные дома за чертой больших городов, Аристарх держал нос по ветру и строил дома уже во Флориде.

Деньги делали деньги, цены на золото поднялись.

На Юконе проверили в нескольких местах землю на золото, и его процент показал, что с хорошими глубинными мощными драгами и необходимым оборудованием можно было выколачивать много рассыпного золотого песка. Более крупные слитки попадались реже.

Деятельный Аристарх, которого Валерий не ограничивал в деньгах, не остановился на домах и золоте, а выстроил сеть заправочных станций с закусочными и ремонтным сервисом обслуживания.

Поляковский и Магулия время от времени вместе обедали в ресторане на Манхэттене, и даже за едой генерал предпочитал говорить о деньгах:

— Это моя «лебединая песня» — пока я занят делом, пока есть силы и азарт, я буду жить... А ты, Валера, всё профукаешь игрой в оловянные солдатики, как когда-то всё потерял император Пётр III, вплоть до своей жизни, — язвил Аристарх, намекая на то, что увлечение Поляковского искусством и артефактами не приносит столько прибыли, как строительство и золото, которыми занимался сам Магулия. — Валер, я вот что думаю: а не женить ли тебя на молодой подавальщице пива — будешь помогать ей разносить чипсы на подносе?

— Мне некогда заниматься подобными делами, — огрызнулся Валерий: подколки Аристарха ему уже давно надоели.

— Ладно, ладно, я шучу, — снизил «градус» Аристарх. — Не хочешь жениться — слетай в Квебек и сравни их золото с нашим, может, и объединимся с французами...

— Хорошо, слетаю, но позже, — отозвался Валерий. — Это ведь не срочно? Я занят сейчас.

— Чем же ты таким важным занят? — с показным удивлением спросил Аристарх.

— Веду переговоры о покупке рисунков Босха, — глаза Поляковского заблестели: так всегда бывало, когда он говорил об искусстве. — Надеюсь, смогу убедить коллекционера продать мне наброски к «Саду земных наслаждений». Это будет огромным...

— Ой, вот всё ты со своими картинками да с книжками, — с досадой перебил его Магулия. — Всё покупаешь, продаёшь мало. Прибыли нет: хорошо, если то на то выходит, — скривился он.

— Вам мало денег, Аристарх Лаврентьевич? — в голосе Поляковского звякнул металл.

— Нет, ну что ты... — Магулия уже пошёл на попятную. — Только зачем это всё, не понимаю...

— Ничем помочь не могу, — сухо ответил Валерий. Он быстро поднялся, положил на стол крупную купюру. — Всего доброго, — он коротко попрощался и вышел из ресторана, оставив за столом недоумевающего Аристарха.

Поляковский шёл через парк. Водить машину он не любил и после встречи с Магулией собирался вызвать такси, но сейчас ему захотелось пройтись и подышать воздухом. Поэтому он решил пройти по парку до ближайшей станции метро, предпочитая его скорость пробкам, и добраться до своего пентхауса на общественном транспорте.

«Не понимает он, зачем это всё... Вот как объяснить, что это красота, мудрость, вечность? Сколько раз я пытался это сделать — не понимает...» — в раздражении вспоминал он слова Аристарха.

В задумчивости он и не заметил, как спустился под землю, как доехал до своей станции и поднялся на поверхность, как почти дошёл...

«Кто-то плачет?» — Поляковский остановился и огляделся.

В нескольких шагах от него на скамейке сидела молодая женщина лет тридцати, в джинсах, футболке, куртке и кроссовках — самая обычная, каких миллионы в этой стране, и плакала. Люди шли мимо, спеша по своим делам, никто не обращал на неё внимания.

Поляковский подошёл к ней и присел рядом.

— У вас что-то случилось? — негромко спросил он её. — Я могу чем-то помочь?

Незнакомка вздрогнула и посмотрела на него так, словно только заметила его и вообще только осознала, где находится.

— Помочь? — повторила она осипшим от слёз голосом, полезла в карман, вытащила бумажный платочек и начала вытирать глаза.

— Да, — кивнул Поляковский. — Я шёл мимо, увидел, что вы плачете, и подошёл спросить — вам нужна помощь? У вас что-то случилось?

— Да, случилось, моя малышка больна, а доктора только руками разводят, — быстро заговорила женщина, вцепившись в рукав куртки Поляковского и глядя ему в глаза. — Я не знаю, что делать: показывала её разным специалистам, но никто не смог помочь. Вот и сейчас я была у ещё одного врача — он даже посмотреть её отказался!

— Я не доктор, к сожалению, — мягко ответил ей Валерий. — Но расскажите, что произошло с вашей девочкой?

— Моей Эйли девять лет. Одиннадцатого сентября мы шли на её первый урок пения — у неё очень приятный голос — и были рядом с башнями. Взрывы произошли у нас на глазах. Я закрыла её собой, но всё равно в мою малышку попало несколько осколков стекла. Эти порезы, к счастью, оказались неглубокими и уже затянулись. Но она перестала ходить и говорить! Понимаете?! Моя птичка перестала ходить и говорить! — казалось, женщина прокричала эти слова своим сердцем. — А доктора не знают... они не знают... сможет ли она... снова... когда-нибудь... — она зарыдала и уткнулась лицом в плечо Поляковского.

«Боже мой... Это страшное эхо терактов... Как же мне ей помочь... — тоскливо подумалось Валерию. — Господи, помоги, надоумь!»

— Простите, если я дал вам ложную надежду, — тихо проговорил он, когда женщина немного успокоилась. — Как я сказал, я не доктор. Но, прошу вас, посидите здесь, не уходите. Я скоро вернусь. Подождите меня, хорошо?

— Хорошо, — женщина кивнула. Поляковский не был уверен, что она точно его услышала, и побежал к дому.

Он быстро поднялся к себе в пентхаус, скорым шагом прошёл в кабинет, снял со стены одну картину

с теми самыми котами в цветах, быстро упаковал её в плотную бумагу и аккуратно обмотал скотчем. Двинулся к выходу, остановился, пару секунд подумал, осторожно положил картину на стол, решительно подошёл к сейфу, достал из него «Деяния Святых Апостолов», хранившуюся в специальной шкатулке. Осторожно уложил эту ценность в неприметный рюкзак, вызвал по телефону водителя, подхватил картину и спустился вниз.

Когда сверкающий на поздне-осеннем солнце чёрный «Крайслер», мягко шурша шинами, подъехал и остановился напротив неё, женщина, погружённая в свои невесёлые мысли, даже не подняла голову.

— Спасибо, что подождали, — Поляковский снова присел рядом с ней. — Извините, я не представился. Меня зовут Валерий Поляковский, я хочу сделать вашей Эйли подарок, если вы не против.

— Эйли? — в замешательстве ответила женщина, среагировавшая скорее на имя дочери, чем на все остальные его слова.

— Да, Эйли. Ей ведь всего девять лет? Она любит котиков? У меня есть картина с милыми котами, и я бы хотел её подарить вашей дочери. Можно?

— Можно, — так же автоматически ответила женщина.

— И ещё. — Поляковский замялся. — У меня есть книга со священными текстами. Подарить я её не

могу, но, если вы не возражаете, я бы хотел прочитать вашей девочке одну главу из неё.

Женщина, оторопев, смотрела ему в глаза не мигая.

«Сейчас она подумает, что я сумасшедший или ма-
ньяк», — тревожно подумалось Валерию.

— Я согласна, — вдруг сказала она, и Поляковский тихо и с облегчением выдохнул.

— Тогда поедемте? Вот моя машина, — указал он на «Крайслер». — Не хочется тащить картину и книгу через метро, — пояснил он.

— Поедемте, — женщина поднялась со скамейки, медленно подошла к автомобилю, заглянула в переднее окно, машинально помахала рукой в ответ на приветствие водителя и забралась на заднее сиденье, куда Валерий аккуратно положил и картину, а сам сел рядом с водителем.

— Куда вас отвезти, леди? — с приветливой улыбкой обернулся к ней шофёр.

Женщина назвала адрес. Ехать было недалеко, и вскоре они оказались рядом с домом, расположившимся в уютном дворе с лужайкой, на которой живописным ковром росли цветы.

«Что-то мне это напоминает», — подумал Поляковский, но поймать за хвост ускользящее ощущение он не успел: женщина поспешила выйти из машины и направилась к дому. Входную дверь она оставила открытой.

Поляковский аккуратно подхватил рюкзак, который всю дорогу держал на коленях, вылез из машины и повесил его на плечо. Водитель осторожно вытащил из машины картину и донёс её до входа в дом.

На крыльце Поляковский забрал её у водителя — он решил, что сразу двое незнакомых мужчин в доме могут напугать девочку, и вошёл внутрь.

В прихожей его встретила пожилая женщина.

— Здравствуйте, мы приехали вместе с... мамой девочки, — тихо сказал он, поняв, что не знает даже имени женщины, в чьём доме сейчас находится.

— Да, она мне сказала, проходите. Эйли заснула, — так же тихо ответила женщина и пошла вперёд, показывая дорогу.

Когда Поляковский прошёл в комнату, женщина сидела у постели дочери.

Валерий быстро осмотрелся: комната была чудесной — настоящей спальней принцессы. Эйли любили в этом доме, это чувствовалось в каждой мелочи.

Девочка спала. Поляковский вышел из комнаты и подошёл к встретившей его женщине с вопросом:

— Нужно распаковать картину, где это можно сделать, чтобы не разбудить ребёнка?

— Проходите сюда, — она указала на открытую дверь в соседнюю комнату. — Я сейчас принесу ножницы.

Картина была распакована быстро, и Валерий вернулся в комнату Эйли.

— Вот, смотрите, — обратился он к матери, продолжавшей сидеть у постели малышки. — Надеюсь, она понравится вашей дочери. — И он поставил картину на комод так, чтобы девочка её сразу увидела.

Женщина обернулась, посмотрела на картину и улыбнулась впервые за долгое время.

— А теперь, если вы не против, я хотел бы зачитать главу вот из этой книги, — и Поляковский расстегнул рюкзак, вытащил из него шкатулку, поставил её рядом на стул и аккуратно вынул из неё «Деяния Святых Апостолов».

Мать ребёнка внимательно наблюдала за его действиями и, когда он достал книгу, тихо подошла к ней посмотреть.

— Это «Деяния Святых Апостолов», 1798 год, — пояснил Валерий. — Можно?

Женщина кивнула и вернулась к постели дочери.

Поляковский некоторое время помолчал, сосредотачиваясь, дожидаясь, когда внутри него наступит тишина, и шёпотом прочёл:

«1. Пётр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый.

2. И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм.

3. Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни.

4. Пётр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас.

5. И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь.

6. Но Пётр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.

7. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени,

8. и, вскочив, стал, и начал ходить, и вошёл с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога».

Дочитав главу, Валерий подумал: «Хоть бы Эйли снова начала ходить и говорить, и пусть у неё всё будет хорошо! Она ведь ещё совсем маленькая! Она ни в чём не виновата!»

На этом он вернул книгу в рюкзак и тихо вышел: он увидел, что на подушку к спящей девочке склонилась головой её заснувшая мать.

У входной двери Поляковского ждала та же пожилая женщина. Она остановила его и спросила:

— На каком языке вы читали молитву?

— На русском, — ответил Поляковский.

— Храни тебя Господь, — по-русски сказала женщина и перекрестила его.

Поляковский летел в Канаду. Магулия его просто «запилит» своими просьбами побывать на Юконе, взять там на их приисках золотого песка и полететь в Квебек — провести экспертизу и постараться активизировать и расширить деловые связи.

— Аристархушка уже старенький, — ныл он, гладя себя по голове. — Ему уже тяжело далеко летать. А ты, Валерий, молодой, ну полети, поработай, оторвись от своих картинок.

Эта «песня» начиналась при каждом удобном случае и так обрыдла Поляковскому, что он начал менять свой график, чтобы слетать в Канаду.

Но последней «соломинкой, которая сломала спину верблюда», стала неожиданная истерика Аристарха. Он ворвался в пентхаус Валерия, потрясая газетой:

— Что это, Кузнечик?! — он кричал, брызгая слюной, и разве что не топал ногами. — Что это, я тебя спрашиваю?! Не зарабатываешь — ладно, я заработаю! Но ты ещё и раздаривать начал?! — и он в ярости швырнул газету в лицо опешившего Валерия: что бы ни происходило, он ещё никогда не видел генерала в таком состоянии и даже испугался, что того сейчас хватит удар.

Поляковский успел подхватить падающую газету: со страниц *The Wall Street Journal* на него смотрела улыбающаяся девочка на фоне картины с котами в цветах. Заголовок «Эйли начала ходить и говорить» заставил его счастливо улыбнуться.

«Дорогой наш благодетель! Прости меня — я была в таком состоянии, что не запомнила ни твоего имени, ни номера машины, чтобы лично поблагодарить за то счастье, которое ты подарил нам: моя дочь Эйли снова говорит и ходит.

Чудо произошло после того, как ты прочитал молитву, а подаренная тобой картина теперь всегда стоит рядом с кроваткой Эйли и помогает моей птичке быстрее восстанавливаться.

Ты спас не только её, но и меня. Благодарим тебя! Я, Эйли и наша няня Светлана каждый вечер молимся о тебе. Хотя я и не запомнила твоего имени, я уверена, Господь знает, для кого мы просим здоровья и счастья, кого просим спасти и сохранить!

Не знаю, читаешь ли ты эту газету, поэтому дам это сообщение в нескольких — надеюсь, ты сможешь его прочитать и узнать, как много ты сделал и как мы благодарны тебе!

Эйли передаёт тебе привет! Если захочешь нас навестить — мои контакты есть в редакциях газет. Мы всегда, всегда будем тебе рады!

С искренней благодарностью Джулия, Эйли, Светлана.

Р. С. Эйли дала котам имена, приходи, она тебя с ними познакомит».

— Ну что, рад? Это ведь твои чёртовы коты? — Магулия еле дотерпел, пока Поляковский дочитает заметку, и указал на две оставшиеся картины, висевшие на стене.

— Да, я рад, что смог помочь, и коты мои, — спокойно ответил тот. На душе Валерия разливалось такое тёплое, такое бескрайнее чувство счастья, что испортить ему настроение своими воплями генерал не смог.

— Дурак ты, Кузнечик. Тебя найдут быстро — это ведь не трудно, — продолжил Магулия. — И потянется к тебе нескончаемым потоком, как к Мавзолею, очередь страждущих. И раздашь ты им всё, что нажито...

— ...непосильным трудом, — Поляковский попытался перевести этот разговор в шутку — лицо Аристарха стало уже багрового цвета и Валерий начал всерьёз опасаться за его здоровье.

— Ох, Валерка... — генерал как-то разом сдулся. — Кто тебе эти люди? Никто. Какое тебе до них дело? Всем не поможешь, всех не утетишь. Подумай о себе. А иначе — останешься ни с чем. У разбитого корыта останешься!

«Вообще-то у Пушкина мораль была в другом», — подумал Поляковский, но не стал уже возражать генералу — ему хотелось как можно быстрее закончить этот неприятный ему разговор:

— Конечно, Аристарх Лаврентьевич, конечно.

— Когда в Канаду полетишь? — тут же воспользовался ситуацией Магулия.

— Да вот прямо через пару дней и полечу, — пообещал Поляковский, с сожалением глядя на Аристарха: его ужаснула степень цинизма и... пустоты... да, именно внутренней пустоты этого человека.

И вот теперь, сидя в комфортабельном самолёте, Поляковский направлялся расширять географию их бизнеса. В общем-то, ему и самому вдруг захотелось ненадолго сменить обстановку — так почему бы и не Канада? Поэтому Валерий для начала посетил их банковское хранилище, взял несколько золотых слитков, затем побывал на принадлежавших им золотоносных участках на Юконе и в начале зимы полетел в Квебек.

Сидя в мягком кресле, Валерий просматривал деловые бумаги, лететь нужно было порядочно, документы его утомили, и незаметно для себя он задремал.

...Сон, который ему приснился, показался ему знакомым: Старик, Аристарх и Валерий сидели за столом. Перед Магулией и Поляковским стояли прозрачные чаши, а Старик из прозрачного же кувшина наливал в них воду.

Вот только на этот раз в чаше генерала вода не просто поменяла цвет — она превратилась в пепел. Магулия увидел это, поднял чашу и демонстративно высыпал из неё пепел — развеял его по ветру.

Вода в чаше Поляковского осталась такой же прозрачной, как и была в кувшине, и — засияла золотистым светом.

Старик встал и указал генералу рукой на дверь, ниоткуда появившуюся за спиной Магулии. Тот злобно ухмыльнулся, встал, открыл дверь и молча шагнул в клубящуюся за ней темноту.

— Извините, господин Поляковский, мы идём на посадку, — стюардесса легко потрясла его за плечо. — Погода портится, нам нужно переждать.

— Хорошо, спасибо, — Валерий потянулся, посмотрел в иллюминатор и удивился: снег валил стеной, видимость была практически нулевая.

Им повезло: на пути их лётного маршрута оказался небольшой частный аэродром, видимо, кто-то из крупных владельцев местного прииска устроил пару посадочных полос для своего удобства.

Приземлились они, несмотря на сложные метеоусловия, удачно, и Поляковский, пилот и стюардесса направились в небольшую гостиницу при аэродроме и предварительно зашли в бар выпить кофе.

— Есть ли здесь три номера, чтобы переночевать? — поинтересовался Поляковский у бармена.

— Боюсь, что нет — транзитные пассажиры заняли все свободные места. Прилетевшие, как вы, на частном самолёте люди вынуждены искать где-то приют сами, — огорчил его бармен. — Насколько мне известно, остался один двухместный номер.

— Хорошо, — кивнул Поляковский и обратился к пилоту и стюардессе: — Вы остаётесь и ночуете здесь, можете идти. — Проследив, как пилот и стюардесса вышли из бара и отправились к стойке портье, Валерий снова обратился к бармену и протянул ему стодолларовую банкноту. — А мне вы что посоветуете?

— У нас нет особенно шикарных заведений, да и они тоже из-за непогоды все забиты, — задумчиво глядя на Поляковского, начал бармен. — Но есть один приватный клуб, который почти не закрывается.

— Там можно переночевать? — уточнил Поляковский.

— Вариант есть: если клиент застрял в такую погоду в клубе и играет долго, проигрывая или поднимая куш в Блэк Джэк или рулетку, покер или Баккара с «однорукими бандитами», и играет не полчаса, а значительно дольше, менеджер заведения сам предложит вам отдохнуть, — пояснил бармен.

— Ну что ж, годится! — Валерий хлопнул ладонью по барной стойке. — А как долго будет сыпать этот долбаный снег?

— Не могу вам сказать, сэр. Но не меньше суток, а то и двух, — не смог его порадовать бармен.

— И как мне найти этот ваш притон?

— Вас отведёт туда за 20 долларов местный парнишка, а вот дойти обратно будет стоить дешевле,

только 10 долларов, — ответил бармен и призывно махнул кому-то рукой. Через секунду рядом со стойкой нарисовался юный индеец.

— Скажите вашему юному падавану, что я даю ему 50 долларов, но он не только меня проводит, но и донесёт мою поклажу до места, — и указал пареньку на свою сумку.

— Он хорошо вас понимает, сэр, всё будет в порядке, — отозвался бармен.

— Спасибо за помощь, — попрощался с ним Поляковский и, сделав знак проводнику-носильщику, двинулся к выходу.

Подняв дорожную сумку и немного изогнувшись от её тяжести, парень засмеялся:

— Нам идти мало-мало. А что такой тяжёлый твой «дорожник»? У нас так его зовут, а что там?

— Так, мелочи! — улыбнулся Валерий. — Капканы на волков, медведя и лося.

— На лося нельзя, охоты нет, телята будут, — не понял шутки индеец.

Пройдя метров двадцать, они уселись в нарты, и весёлые собачки побежали цугом, взлаивая и радуясь командам каюра.

Поездка оказалась недолгой: минут через пятнадцать они подъехали к двухэтажному, с виду самому обычному, из сосновых брёвен, зданию с висящими при входе американским и канадским флагами.

Валерий рассчитался с «таксистом», взял свой багаж и вошёл в помещение, быстро осмотрелся и, безошибочно определив администратора сего заведения, дал ему знак рукой, и уже через минуту служащий с полупоклоном слушал пожелания нового и, по-видимому, дорогого клиента.

— Я останусь у вас на ночлег до конца бурана, — поставил его в известность Поляковский. — Мне нужен отдельный номер, виски, классический бекон с не пережаренными яйцами и парой поджаренных булочек.

Администратор глубоко вздохнул, видимо, для того, чтобы предупредить о чём-то клиента, но Валерий не дал ему этого сделать.

— Сейчас мне нужно поужинать и немного отдохнуть, — сказал он непререкаемым тоном. — Ну а потом я буду играть на всех ваших «инструментах», а расплачиваться буду наличными или кредитной картой.

Выслушав эту краткую тираду, администратор передумал делать замечание этому странному посетителю

и так же, с полупоклоном, отступил на пару шагов, сообщив как бы между прочим, что в заведении работают «девушки»...

— К сведенью принял, — буркнул Валерий, получая из кармана служащего ключ от комнаты.

Портье проводил Валерия до номера на втором этаже, поднеся увесистый багаж и получив за это 50 долларов.

Переодевшись, Валерий спустился в холл, где его уже дожидалась в баре яичница с беконом, булочки и полбокала канадского виски со льдом.

Закусив и выпив виски, он отправился в игровой зал. Баккара и автоматы не интересовали его, а вот черед рулетки и покера давала возможность не заигрывать и всегда иметь свежий взгляд.

Взяв ещё полбокала виски со льдом, Валерий направился в центр зала, где вовсю шумела рулетка. Он вычислил из игроков постоянных катал, работающих на заведение. Было видно, как они фальшиво играют сами с собой, но это их бизнес и они затягивают прибывших сначала мелкой фишкой, а уже затем более крупными ставками. Новые пассажиры угощались бесплатными сигаретами и дешёвым игристым вином у девушек с подносами.

Поляковский поменял трэвел чек на сумму в 5 000 долларов и затем обменял все деньги на фишки разного достоинства.

Постояв и приглядевшись, Валерий сел на освободившееся кресло якобы «уставшего» игрока.

Поляковский поставил на пять разных номеров, на определённые числа, и не выиграл ни одного номера. Другие игроки посмотрели на него с сочувствием.

«Так и планировалось, не нужно меня жалеть», — про себя улыбнулся Валерий. Затем он поставил сотню на чёрный цвет и снова проиграл. Следующие 100 долларов он равнодушно поставил на красный и в этот раз отыграл сотню, которую зарядил на zero, — и снова проиграл. Его фишки таяли, как прошлогодний снег, и со стороны казалось, будто новый игрок всем доволен, алкоголь он больше не пил и совсем не курил. Почти проиграв свои пять тысяч, Валерий поинтересовался у крупье:

— Можно ли в критической ситуации сделать ставку за наличные?

— В нашем заведении нет проблем, порой люди с приисков играют на золотой песок, оценивая его на вес, — с улыбкой ответил тот.

— Даже так! — «удивился» Валерий. — И если бы у меня был золотой песок, то вы были бы не против золотоносной ставки?

— Конечно, нет, у нас тут демократия, хочешь — выигрывай, никто вас за это не упрекнёт.

— И на золото можно получить золото?

— Конечно, у нас так бывает порой! — сказал крупье и закрутил очередной шар.

Валерий пропустил два раунда — он ненадолго поднялся к себе и вернулся с тяжёлым пакетом в руках.

И вдруг, делая ставку в следующем раунде, на удивление всех он выложил четыре килограммовых банковских золотых бруска. Шарик ещё крутился, а бруски уже стояли на 1-м квадрате с числами от 1 до 12 и от 25 до 36 — так называемой вилкой, а также золотой брусок на красном цвете и последний брусок на нечете.

Шарик остановился на нечете и красном цвете. А также на первом квадрате. Третий квадрат золотым брусочком в 1 кг ушёл к крупье. На первом квадрате стоял куш с выигрышем в три килограмма золотого песка, а также возврат брусков на красный цвет два и два бруска на нечете.

Получилось, что 4 золотых бруска вернулись хозяину и три килограмма золотого песка Валерий чисто выиграл.

Итого 7 условных золотых брусков с чистой золотой прибылью в 3 килограмма. И хотя песок был дешевле, чем золото 999-й пробы, Валерий, забрав свои бруски и золотой песок, решил на время прекратить игру — он был доволен своим выигрышем.

Хозяин, как ни странно, своим проигрышем отчасти также был доволен — ибо, если бы казино расплачивалось с клиентом по цене банка, пришлось бы заплатить больше, а уж если бы пришлось отдавать чистым золотом (которого нет), потери бы были намного тяжелей.

Свой выигрыш Поляковский оставил в сейфе клуба — решил, что так будет надёжнее. Хотя особого интереса к нему никто не проявлял, и он подумал, что подобные выигрыши и расчёты золотом здесь не в новинку.

За то, что он останется без наличных, он не волновался: дорожные чеки можно было разменять в любом обменном пункте, вплоть до почты.

«Как всё удачно сложилось, — подумал он, укладывая “добычу” в сейф. — Золотые слитки — это капитал. Ну а намытый золотой песок — это тоже валюта, только дешевле. Нужно сравнить этот песок с нашим, с приисков: качество, цену и всевозможные добавки. Тогда можно будет понять — продавать свою маленькую империю или приобретать соседнюю, и тогда в случае расширения бизнеса золото из Канады переправлять в Америку».

Это был интересный бизнес-вопрос. Разница непосредственно в цене этого товара была небольшая, как между американским и канадским долларом — 10%. Но вот налоги в этих «братских» странах значительно отличаются, на чём было можно и нужно сыграть.

Завершив свои дела, Валерий решил снова спуститься в казино. Он не стал больше «рушить» рулетку, а выбрал компьютерный вариант покера. Постепенно игра его увлекла, и вдруг, в разгар «битвы», он почувствовал, что тёплая ладонь ласково погладила его сзади по волосам. Он резко обернулся — позади него никого не было. Он только отметил, что девушка, разносившая сигареты на другом конце зала, вроде бы смотрела в его сторону и резко отвернулась, как только он посмотрел на неё.

«Хм, что это было? — подумал Поляковский. — Ну не глюки же, в самом деле... Пил я не много и чувствую себя вполне бодро».

Он вернулся к игре, незаметно наблюдая за девушками, работавшими в зале подавальщицами-разносчицами. Зал был не очень большой, и их было всего три.

Первые две были старше и опытнее, настоящие матёрые оторвы, которые заняты только подсчётами: на чём и сколько можно выжать из клиента. Третья была намного моложе своих коллег и непохожая на них: тлен разврата ещё не коснулся её, но было заметно, что кое-что она уже повидала в жизни — взгляд был слишком взрослым для юного лица. Из трёх женщин именно она в тот момент смотрела на Валерия: невысокого роста, тоненькая, с точёной фигуркой, смуглокожая, кареглазая брюнетка с длинными волосами, опускавшимися ниже пояса.

«Она похожа на статуэтку из керамики — утончённую, изысканную и хрупкую... И ещё — на бабочку... Вот сейчас взмахнёт руками-крылышками и улетит...» — подумал он, глядя на девушку.

Поляковский поменял дислокацию — он пересел к автомату и сделал это специально: так он расположился немного в стороне от центральной рулетки главного зала, и девушка, перемещаясь по залу с подносом сигарет и алкоголя, часто попадала в зону его видимости.

Нет, он не ошибся — юная подавальщица время от времени поглядывала на него, бросая в его сторону короткие взгляды, проявляя интерес.

Чем дольше Поляковский смотрел на неё, тем всё большей несуразицей ему казалось то, что она здесь находится, а поднос с сигаретами и алкогольными напитками был настолько чужеродным в её руках, что всё это казалось ему не просто неправильным, а ужасающе неправильным, странным, неуместным — до такой степени, что у него сжалось сердце.

Посетителей в зале становилось всё меньше, из них большинство были подставными «клиентами». Когда Поляковский это понял, ему стало смешно наблюдать, как они проигрывают хозяйские фишки ему же: каждый ставил на свои варианты, и обязательно хоть один «выигрывал» много.

Садиться играть в покер за деревянным столом с этими «посетителями» он не стал, а скромно поменял 100 долларов на жетоны, подошёл к автомату и выбрал тот же покер, но один на один: он хорошо знал эту программу — всё было просто, нужно было играть против себя вместо противника. Опробовав несколько жетонов, он увидел, что находится на правильном пути.

Игра велась практически без поражений, жетоны сыпались, как из рога изобилия, в одни ворота. Поляковскому они не были нужны: он незаметно оглядывал зал в казино, наблюдая за девушкой-подавальщицей.

Некоторые девушки ловили его мимолётный взгляд, но он делал вид, что не замечает их, а просто увлёкся игрой у автомата. В какой-то миг при выигрышной для себя комбинации он сыграл ва-банк за

условного противника, поставив на того огромную кучу жетонов.

Через пару секунд наблюдающие за ним подумали, что автомат сломался — жетоны хлынули через край золотистым звенящим потоком. Оглянувшись, он увидел ту юную подавальщицу и знаками просил её подойти и оказать ему помощь.

Девушка подошла и рассмеялась, увидев корытце автомата, полное однодолларовыми металлическими под золото фишками. Мало того, на полу у него под ногами валялись рассыпанные фишки, а рядом в ведёрке для фишек уже лежало около половины выигрыша.

— Помогите мне, пожалуйста, пристроить эти жетоны куда-нибудь, — с улыбкой попросил её Поляковский.

Она засмеялась ещё громче:

— Не волнуйтесь, я возьму ещё одно ведёрко, и мы заполним его...

— Пиастрами? — подсказал ей Валерий, девушка рассмеялась в третий раз.

— Не прозвучит и трижды крик петуха, как вы меня предадите! — вдруг вырвалось у него, и Поляковский сам не понял — зачем он это вообще сказал, тем более — незнакомому человеку.

— Извините, мистер, это не про меня! Мы, тлинкиты, не предатели! — её весёлый взгляд моментально изменился: карие глаза засверкали гневом и гордостью.

— Простите, — поднял руки в примиряющем жесте Поляковский. — Я просто неудачно пошутил, простите меня! Я больше не буду! Но если вдруг по глупости я ещё раз вас обижу — можете меня побить, — он сморщил умильную рожицу и подтверждающе закивал.

«Вот я баран, — думал он, глядя на девушку. — Что на меня нашло? Сейчас обидится и уйдёт», — и у него вдруг тоскливо заныло где-то внутри, кажется, там, где должна быть душа.

Девушка ещё какое-то время гневно смотрела ему в глаза, потом её взгляд смягчился.

— Ладно, прощаю. Пойду схожу за ведёрком, скоро вернусь.

Поляковский смотрел ей вслед и понимал, что с этого момента его жизнь изменится навсегда: в неё вошёл родной человек.

«Странно, я её вижу впервые в жизни, а кажется — что всю жизнь её знаю, что ближе её у меня никого нет, — пронеслось у него в голове. — А вдруг она не вернётся? — он мгновенно похолодел. — Нет, этого нельзя допустить!» — и Валерий чуть было не рванул за девушкой.

К счастью, она уже возвращалась.

— Как вас зовут? — сразу же спросил он у подошедшей девушки.

— Роза! — улыбаясь, ответила она. — Вообще-то моё имя Рэйен, но можете называть меня Роза.

— Рэйен, — медленно произнёс Валерий. — Нет, я не буду называть вас «Роза». Я буду называть вас именем, которым назвали при рождении родители — а не его заменой, — Поляковский не стал объяснять девушке, что с именем «Роза» у него связаны неприятные воспоминания. А кроме того, ему действительно понравилось её настоящее имя. — Имя «Рэйен» звучит очень красиво и нежно. А что оно значит? — поинтересовался он.

— Оно значит «цветок», — мило смутилась она.

— О! Это восхитительно! — искренне сказал Поляковский. — Это имя вам очень подходит — у вас очень нежная красота, как и у роз. — Видя, что девушка смутилась окончательно, он сменил тему. — Что ж, Рэйен, давайте я буду держать ведёрко, а вы будете пересыпать туда пиастры, — он искренне и открыто улыбнулся ей.

— Хорошо! — улыбнулась она в ответ.

Закончив сбор «урожая», Валерий попросил девушку отнести жетоны менеджеру и поменять их на деньги.

— Извините меня, мне неловко менять это железо на бумагу после того, как три часа назад я «надрылся», вынося отсюда золото...

Она понимающе хмыкнула, взяла ведёрки с жетонами, поменяла их на деньги и принесла ему 650 долларов.

— Возьми их себе, — сказал Валерий. — Не думай ничего плохого, — быстро заговорил он, увидев, как нахмурились её стрелы-брови. — Я вполне обеспеченный человек, эта сумма для меня ничего не значит. Я просто хочу сделать для тебя что-нибудь приятное, вот и всё...

— Нам нельзя брать такие суммы, можно взять не более 20 долларов, а остальные отдают крупье, — расслабившись, пояснила девушка.

— Но это же нечестно! — возмутился Валерий.

— Но с этим ничего не поделаешь.

— Тогда... — задумчиво протянул Поляковский, — можно я приглашу тебя в кафе? Здесь ведь есть кафе или приличный бар? Когда ты заканчиваешь работу?

— Что ж, я не против, тем более — здесь есть хороший бар, — согласилась Рэйн, и у Поляковского словно камень с души упал. — Моя смена уже заканчивается. Кстати, как вас зовут? — спросила она.

— Вот я балда! — воскликнул Поляковский и хлопнул ладонью себя по лбу. — Извини, Рэйен, меня зовут Валерий, Валерий Поляковский.

«Интересно, я живу под чужим именем, представляюсь партнёрам этим чужим именем, на него оформлены мои счета: я вынужден это делать, — но оно осталось для меня чужим... О себе я думаю только как о Валерии Поляковском, и вот этой девушке я представился своим настоящим именем... Почему?» — подумал он.

Бар работал круглосуточно, они прошли за уютный столик и заказали для начала пирожные и кофе со взбитыми сливками. Валерий достал принесённые Рэйен деньги.

— Возьми их, здесь уже можно, — сказал он.

Девушка отрицательно-решительно замотала головой.

— Ну ладно, — не стал настаивать Валерий: он искренне хотел сделать ей что-то приятное, но и то, что Рэйен отказывалась брать у него деньги, ему нравилось. — Тогда давай закажем бутылочку «Клико». Ты любишь шампанское?

— Я не против выпить немного шампанского, но вдруг здесь нет «Клико»? — лукаво улыбнулась девушка.

— Со мной так не бывает, — подмигнул ей Валерий и пошёл за шампанским.

Ему и правда повезло: в баре была единственная бутылка «Клико». Валерий попросил ещё на вынос упаковать фруктов, рассчитался за всё и вернулся к спутнице.

— Рэйен, у нас есть шампанское и фрукты. Я предлагаю перейти ко мне в номер: здесь сидеть не очень

комфортно, гулять мы точно не пойдём — на улице метель. Давай посидим у меня: будем пить шампанское, есть фрукты и разговаривать о жизни.

— Я согласна, если только мадам Клико не будет нас подслушивать, — пошутила Рэйен.

— Я полагаю, она не осмелится собственной персональной проникнуть к нам в номер, — заверил её Валерий.

— Но долго я не смогу с тобой разговаривать — мне нужно выспаться, — сказала Рэйен. — У меня в 6 вечера снова обход казино с подносом, и так почти каждый день.

— А когда же тебе отдыхать? — Поляковский был неприятно удивлён распорядком, в котором приходилось работать юной девушке.

— Иногда в понедельник, если клиентов нет.

— Сколько они тебе платят? — продолжал расспрашивать он.

— Сто долларов в неделю, но еда бесплатная и здесь есть комната для персонала, я живу в ней вместе с девушкой, которая тоже работает в клубе.

— А родственники помочь не могут?

— У меня никого нет.

— Давно ты здесь?

— Да нет, полгода всего...

«Это кошмар какой-то. Жить вот так — в ужасных условиях, без поддержки. Нужно забирать её отсюда — решено, лишь бы Рэйен согласилась», — всю дорогу повторял про себя Валерий.

Они поднялись в номер Поляковского. Он открыл дверь и пропустил вперёд Рэйен.

— Располагайся, где тебе нравится.

На столике Валерий разложил фрукты, достал фужеры и открыл шампанское. Хлопок «Клико» вызвал у них взаимную улыбку. Валерий радовался девушке так, как не радовался уже давно. Они сели рядом на диванчик и чокнулись.

— Чтобы всё у нас было хорошо! — провозгласил тот Поляковский.

«Мне не было так счастливо... уже сколько... Да, с тех пор, как мама умерла», — в какой-то момент понял он, и его сердце затопило волной тепла.

Стараясь произвести благоприятное впечатление на Рэйен, он рассказывал, что мог, о своей жизни, вспоминал забавные истории, делился впечатлениями о любимых картинах, книгах.

— У тебя интересная жизнь, — сказала она.

— Хочешь работать в моём офисе? — без перехода озвучил он мысль «забрать, не отпускать», мучившую его последние несколько часов и вылившуюся в это предложение. У Поляковского не было офиса — он работал из дома, но ради Рэйен был готов его организовать.

— А что нужно делать? — с удивлением спросила девушка.

— Выполнять обязанности секретаря, докладывать о посетителях, принимать звонки и, если это

мне нужно, соединять с теми, кто нужен мне. Или, наоборот, говорить, что я очень занят. Ну и прочие офисные дела.

— Это не трудно? У меня скромное образование, — уточнила она.

— Легче, чем продавать сигареты и общаться с подвыпившими мужчинами.

— И сколько ты мне будешь платить?

— Три тысячи долларов в месяц, как и предыдущей секретарше. В воскресенье выходной. — У Поляковского и секретаря никогда не было — он вёл свои дела самостоятельно, но — зачем это знать Рэйн?

— Ты меня не обманешь? — помолчав, всё же спросила Рэйн и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Нет, никогда. Ты можешь на меня рассчитывать. Всегда и во всём, — Поляковский с трудом подобрал слова: они все сейчас казались ему недостаточно весомыми — и он ответил как смог.

— Тогда согласна. А когда я смогу начать работу в твоём офисе? — поинтересовалась Рэйн.

— С завтрашнего дня, если кончится нелётная погода, — не задумываясь ответил Поляковский.

Позвонил факс и оставил сообщение, но Валерию сейчас было так хорошо, что он не хотел допускать в это своё состояние что-то или кого-то из внешнего мира — и решил посмотреть сообщение позже.

Шампанское было допито, фрукты съедены.

Валерий и Рэйен сидели на диване, голова девушки лежала у него на плече: после трудного дня, переживаний, неожиданных новостей, шампанского — усталость сморила её, и она доверчиво склонилась к нему.

Для него это стало высшим проявлением доверия. Несмотря на жгучее желание обнять, раздеть и покрыть всё её тело поцелуями, Поляковский постарался взять себя в руки и сохранить нежность этого момента.

Через некоторое время он и сам задремал.

Старик стоял на уже знакомой горе и смотрел вдаль — туда, где в небесной высоте сияло солнце. Он уже был ближе к нему. Но сколько ещё было необходимо пройти, чтобы приблизиться к Источнику Света? Путь ещё был далёк от завершения... Но это его не пугало. Он знал, что и ради чего он делает, и это приносило ему радость. И сегодня он сделает ещё один шаг на Пути.

Старик ждал. Шаги, прозвучавшие у него за спиной, были лёгкими.

— Приветствую, Хранитель Павел, — прозвучал глубокий голос, и рядом со Стариком в чёрной рясе

православного священника встал индейский шаман в яркой одежде с пышным венцом из орлиных перьев на голове, на его плече трепетала крылышками бабочка.

— Приветствую, Хранитель Амитола, — ответил Павел. — Рад видеть тебя.

— И я тебе тоже рад, — отозвался вождь.

— У нас получилось. Нам удалось сохранить их жизни, и наши потомки, наши преемники встретились.

— Да, это победа. И Валерий, и Рэйен остались живы — хотя опасность погибнуть не раз подстерегала их обоих. Но мы обязаны сохранить последнюю надежду наших родов. Я вижу, что в их сердцах зажглись искры любви, — важно кивнул вождь, подтверждая свои слова.

— Я тоже их вижу, — согласился Павел. — Надеюсь, что они смогут пронести этот свет через всю жизнь и будут счастливы.

— В этом мы не сможем им помочь — это будет их выбор. Так же, как они делали этот выбор до сих пор. Но я верю в них...

— И я верю в них... — эхом проговорил Павел. — Мы не можем действовать за них, только помогать их намерениям и чувствам становиться живыми. Они стали такими по велению своих сердец, их души трудились, и то, что я вижу сейчас, меня радует. Теперь наша задача сохранить их для будущего.

— Ты прав, — согласился вождь. — Мы — их Хранители. Мы будем с ними.

Священник и вождь пожали друг другу руки и растворились в воздухе.

Поляковский открыл глаза и посмотрел на часы: оказалось, что спал он недолго, но чувствовал себя вполне отдохнувшим. Рядом завопилась Рэйен, она тоже проснулась, стыдливо высвободилась из его объятий и потянулась.

— Знаешь, — девушка повернулась к Валерию, — кажется, мне приснился какой-то удивительный сон, но я его не запомнила.

— Мне тоже снилось что-то хорошее, — отозвался Валерий, любясь её красотой. — И я тоже не помню — что именно. Но у меня сейчас такое чувство, что всё, что с нами происходит, — неслучайно. Я точно получил награду — встретил тебя. Вот только за что мне такое счастье — не знаю. Знаю только, что уже никогда тебя не отпущу и никому не отдам.

— О! Так ты собственник? — в шутовском ужасе она схватилась за голову.

— Никогда им не был, — серьёзно ответил Валерий. — Но когда я тебя увидел, я понял, что ты родной мне человек. А сейчас просто уверен, что не смогу без тебя жить.

— Не знаю, как это возможно, но я чувствую то же самое, — прошептала девушка.

— Рэйен, мне нужно рассказать тебе несколько важных вещей. Давай ты пока уймешься, а я закажу нам завтрак, — предложил Валерий.

Пока девушка плескалась в ванной, он сделал звонок на ресепшен, заказал кофе и свежей выпечки, а потом связался с «администрацией» клуба и договорился о встрече с владельцем: нужно было сообщить, что Рэйен больше в казино не работает.

В номер вскоре постучали: это принесли завтрак.

— Сэр, приходил ваш пилот, интересовался, всё ли у вас в порядке. Я ему сказал, что у вас всё хорошо и вас сейчас лучше не беспокоить, — сообщил ему официант. — Надеюсь, я правильно поступил?

— Да, всё правильно, спасибо, — ответил Валерий, сунул ему несколько долларов и поскорее выпроводил за дверь.

Рэйен вышла из ванной комнаты, и Валерий сразу усадил её за стол.

— Ешь, не жди меня, — он налил ей кофе, пододвинул ближе блюдо с умопомрачительно пахнущей сдобой, быстро чмокнул её в макушку и пошёл умываться.

Но девушка решила его дожидаться, и когда он вышел из ванной, она так и сидела за столом, не приронувшись к еде, и только чашка с кофе опустела наполовину.

— Упрямый ребёнок... — проворчал Поляковский, присаживаясь за стол и наливая себе кофе. — Пока не поешь — ничего не расскажу, — и он долил ей кофе в чашку.

— Не только собственник, но ещё тиран... — вздохнула она и принялась есть.

Когда первый голод был утолён, Поляковский отодвинул чашку, собрался с мыслями и начал:

— Рэйен, прежде чем ты сделаешь шаг, после которого уже не будет возврата, я должен рассказать тебе следующее. Я русский, из-за обстоятельств, которые не зависели от меня, мне пришлось бежать из страны. К сожалению, не я сам принял это решение: меня вынудили обстоятельства и другие люди. Я очень богат. Очень — это не то слово. Я баснословно богат. И это очень опасно и для меня, и для моих близких людей. Поэтому я не могу сейчас на тебе официально жениться: как моя жена ты тоже будешь в постоянной опасности. Именно по этой причине я предлагаю тебе числиться моим секретарём, обычным нанятым сотрудником. Для тебя это будет гарантией безопасности. Пусть перед людьми мы будем только начальник и секретарь, но на Небе знают, что ты моя жена. Ты понимаешь меня? — в ожидании ответа Валерий затаил дыхание.

— Я понимаю, — тихо сказала девушка. Всё время, пока Поляковский говорил, она смотрела ему в глаза, и сейчас она их тоже не отвела, не опустила. Её взгляд оставался таким же прямым и ясным.

— Может быть, ты этого не хочешь? — так же тихо спросил Валерий. — Может быть, у тебя есть вопросы?

— Вопрос есть, — она кивнула. — Если у нас будет ребёнок?

— Я буду только счастлив. Он будет жить с нами, — сразу ответил Поляковский. — И мне не важно, кто родится, мальчик или девочка. Я буду нашему ребёнку хорошим, любящим отцом, оформлю его на себя, и если что-то со мной произойдёт, то в 21 год он унаследует всё моё состояние, как я от своей матери, и ты тоже будешь полностью обеспечена.

Звякнул факс. Поляковский поморщился — ему не хотелось прерывать разговор, но всё же он подошёл посмотреть, кто и что ему прислал. На листке было всего три слова: «Срочно возвращайся обратно!»

Валерий с удивлением обнаружил, что за последние несколько часов у аппарата скопилось уже шесть одинаковых сообщений от Аристарха: «Срочно возвращайся обратно!»

«Зачем он шлёт мне факсы? Не мог позвонить?» — подумал Валерий и обомлел. Он прошёл в коридор, вынул из кармана куртки свой сотовый — телефон был разряжен. Валерий про себя чертыхнулся и поспешил поставить его на зарядку: через минуту тот начал пиликать, сообщая о доставке информации о звонках и сообщениях — за это время до Поляковского безуспешно пытался дозвониться Магулия и был один звонок от пилота.

Последнее смс на телефоне и последний факс, пришедший в номер, были одинаковыми: *014#.

Валерий задумался: это что-то новенькое... Озарение пришло через секунду, и его словно ударило током: это тот же сигнал, что SOS, что-то произошло с Аристархом! Валерий несколько раз набрал его номер — телефон Магулии не отвечал.

Поляковский посмотрел в окно: буран стих.

— Рэйн, — он повернулся к девушке, которая сидела молча, дожидаясь, пока Валерий не объяснит,

что происходит. — Я получил сообщение от моего отца, что мне нужно срочно возвращаться в Нью-Йорк. Что конкретно произошло — я не знаю, он не написал.

— Ты улетаешь? — ровно спросила девушка.

— Мы. Мы улетаем, — Поляковский подошёл к ней, присел рядом и осторожно обнял. — Теперь мы вместе, если ты не передумала...

— Я не передумала. И, пожалуйста, больше не задавай мне таких вопросов, — её голос был тёплым, а интонация — строгой.

— Прости, — Поляковский чмокнул её в макушку. — Тогда беги за документами, возьми самое необходимое и возвращайся сюда. А я пока отдам распоряжения по подготовке самолёта к вылету и переговорю с твоим начальником... бывшим начальником о твоём увольнении.

— Хорошо, — Рэйн легко поцеловала его в щёку и выпорхнула из номера.

— Господи, дай сил продержаться, — пробормотал Поляковский, глядя ей вслед. — Так, Валера, включи мозги и займись делами.

Он набрал номер пилота и поинтересовался возможностью вылета.

— Да, босс, всё в порядке, — бодро ответил тот. — Метель утихла, полосу чистят — я проверял. Самолёт заправлен, к вылету готов. Можем вылетать через пару часов: к этому времени полосу окончательно

дочистят, а к вечеру снова обещают метель. Так что — необходимо воспользоваться окном.

— Хорошо, — Поляковский был вполне этим доволен. — Закажи нашей стюардессе обратные билеты, я всё оплачу. С нами полетит пассажир, и я не хочу, чтобы с нами на борту был ещё кто-то.

— Понял, босс, — в голосе пилота послышалась улыбка. — Всё сделаю.

— Не забудь хорошо пообедать перед вылетом, не садись за штурвал голодным. Всё, на связи, — и Поляковский дал отбой.

— Мой босс — лучший босс в мире, — пробормотал пилот и побежал заниматься делами.

А Поляковский направился к владельцу клуба: ему было нужно предупредить, что Рэйен уезжает с ним, а также забрать своё золото из клубного сейфа.

Охранник, стоявший перед дверью кабинета начальника, коротко сообщил шефу о приходе посетителя и открыл Валерию дверь.

— Пожалуйста, проходите, — радушно пригласил его хозяин, вставая из-за стола навстречу Валерию и коротко пожимая ему руку.

— Спасибо, — Поляковский присел за стол и сразу перешёл к делу. — Я забираю с собой Рэйен Ирвинг и хотел лично вам об этом сообщить. Может быть, за ней есть какие-то долги? Я готов их погасить.

— Вот как... — хозяин клуба внимательно посмотрел на гостя. — Вы производите впечатление

приличного человека, хотя и несколько... беспечно-го. Показать в незнакомом месте, в котором вы находитесь практически без защиты, какое огромное количество золота у вас с собой, — что это? Беспечность? Глупость? Или Ангел-Хранитель с вами всегда на прямой связи? — мужчина сделал паузу и снова заговорил: — Что касается Рэйн... Если она согласна с вами уехать — она вольна это сделать, она здесь не в рабстве, и долгов на ней нет. Но у меня к вам есть просьба. Настоятельная просьба. Если ваши отношения не сложатся — по любой причине, неважно какой — если вы решите расстаться с ней, дайте мне знать, вот моя визитка с прямым номером.

— Спасибо, — Поляковский принял визитку и в ответ дал свою. — А с чем связана ваша просьба в отношении Рэйн?

— Видите ли... — владелец клуба на мгновение замялся, собираясь с мыслями. — Думаю, что вы оценили, насколько Рэйн отличается от других моих сотрудниц, — мужчина дождался от Поляковского утвердительного кивка и продолжил: — Я тоже это оценил, и не я один. Но ни я сам, ни один из моих сотрудников-мужчин не позволяли себе в её отношении делать какие-то шаги по одной причине: она ни разу ни в чей адрес не выказала симпатии или желания завязать хотя бы ни к чему не обязывающие отношения. И мы все её решение уважали. И берегли — и от себя, и от навязчивых посетителей. Но

вас она выделила из толпы. И, будьте уверены, не за то, что у вас есть золото. Одно её слово — и ситуация уже давно бы изменилась, но ей важны не деньги. И за это мы все также её уважаем. Поэтому, если вы захотите с ней расстаться, позвоните мне, я лично прилечу и заберу её, чтобы ей не пришлось мыкаться в одиночку, у неё и так жизнь была не сладкая. А здесь — у неё есть люди, которые её поддержат.

— Благодарю. Этого никогда не случится. Но — благодарю за всё, что вы сделали для Рэйен, — Поляковский поднялся и подошёл к владельцу клуба, протянув ему руку. Тот встал, и мужчины подтвердили рукопожатием взаимное уважение.

— Вы улетаете сегодня?

— Да, я уже дал распоряжение пилоту готовить самолёт к вылету, — ответил Поляковский. — Рэйен сейчас соберётся, мы пообедаем, заберём золото из вашего сейфа и — в путь.

— Что ж, нужно пользоваться затишьем, — согласно кивнул хозяин. — К самолёту вас доставят, и дам двух сопровождающих в охрану. Счастливого пути! И не показывайте больше вот так беспечно в незнакомых местах своё золото!

Когда Поляковский подошёл к своему номеру, Рэйен уже стояла у двери, в её руках была небольшая сумка.

— Почему не вошла? Я специально не стал его закрывать, — спросил Валерий и толкнул дверь, пропуская девушку внутрь.

— Ну... — пробормотала она. — Мне было неловко войти в номер в отсутствие его хозяина.

— Рэйен, запомни — ты мой родной человек, — Поляковский её обнял. — Предлагаю сейчас пообедать, и можно выдвигаться на аэродром.

— Хорошо, как скажешь.

Они так и поступили: пообедали, Поляковский забрал сумку из номера, погрузил в неё своё золото плюс выигрыш, и на внедорожнике, предоставленном владельцем клуба, в сопровождении пары охранников они быстро прибыли на аэродром.

И уже без четверти два пополудни «Цессна» с пассажирами набирала скорость на взлёт. Оторвавшись от ослепительного снега взлётной полосы, пилот и пассажиры облегчённо вздохнули. Небо было чистым, но встречный ветер создал проблему: лететь становилось всё труднее, мало того, ветер усиливался.

Количество горючего было рассчитано на 200 миль, до ближайшего аэропорта оставалось сто тридцать миль, но из-за встречного ветра расход топлива увеличился, и им потребовалось сделать промежуточную посадку.

Пилот не волновался:

— Всё в порядке, сэр, до нашей армейской базы вам осталось лететь 70 миль. Всё будет хорошо! — и он связался с базой, запрашивая посадку.

Как только пилот благополучно посадил «Цессну» на бетонную полосу, вычищенную почти идеально и освещённую наземным электричеством, — разыгрался буран.

Подошедшие капитан и техник представились по-военному. Пилот и хозяин самолёта тоже назвали себя, Рэйен представил Валерий как свою сотрудницу по бизнесу.

Капитан предложил зайти и выпить кофе в уютный кафетерий для гражданских лиц. Молодой капрал лет двадцати был единственным представителем за барной стойкой. Недалеко от бара за маленьким столиком сидел, курил и не спеша пил пиво диспетчер.

— Это вы с ним разговаривали, — сообщил капитан, — а сейчас он сдал дежурство и сутки будет отдыхать. Через полчаса наше кафе закрывается, но есть гостиница для приезжих, правда, она не бесплатная.

— Нам бы хотелось как можно скорее добраться до своего аэродрома, но, видимо, буран до утра не стихнет, — пояснил Поляковский.

— А вы знаете, у вас есть шанс: буквально через несколько минут отправляется на свою базу грузовой

вертолёт. И если это вам по пути, вы можете им воспользоваться, а ваш пилот наверняка дожждётся завтра хорошей погоды, частные заправки у нас тоже есть. Вы не против полёта на вертолёте? — он покопился на девушку.

— Вы нас очень выручили, капитан, мы, пожалуй, воспользуемся вашим советом, спасибо, — поблагодарил Валерий.

— Я помогу вам отнести часть вашего багажа. Что посоветуете взять из поклажи, сеньорита?

— Вот эту сумку, — посоветовала капитану Рэйен.

— Ого, а она увесистая! Что там у вас, если не секрет? Книги? — предположил капитан.

— Золото, — ответил Поляковский. — Мы направлялись в Квебек сделать химический и коммерческий анализ для себя и старателей. К сожалению, договорённый полёт сорвался не по нашей вине. Впрочем, через пару дней мы опять отправимся туда без пересадок, «Боингом», — пояснил Поляковский.

Вскоре они дошли до вертолёта.

— Вот и ваша «карета», — пошутил капитан и передал Поляковскому сумку. — Счастливого пути!

Хотя их немного укачало, перелёт можно было назвать вполне удачным.

После приземления на военном аэродроме вблизи Нью-Йорка Поляковский поблагодарил лётчика за помощь, они тепло попрощались, он вызвал машину, и вскоре Валерий и Рэйен уже подъезжали

к коттеджу Магулии в уютном пригороде. Телефон Аристарха всё так же молчал.

Вся прилегающая к коттеджу территория была оклеена полицейскими лентами. Дом был погружён в темноту...

Это был шок! Поляковский позвонил в полицию, назвал, сообщил о своём приезде и уточнил, может ли он зайти в свой дом или нет.

— Мы вас ожидали, спасибо, что позвонили. Полицейская машина скоро будет, — ответил ему вежливый голос.

— Скажите, человек, который живёт в этом коттедже, — он жив? — волнуясь, спросил Валерий.

— Не волнуйтесь, сэр, вам подробно всё расскажут.

Поляковский понял, что большего от диспетчера он не добьётся, и дал отбой.

В ожидании полиции Поляковский вышел из машины.

— Посиди в машине, на улице холодно, да и незачем тебе смотреть на эти страсти, — попросил он Рэйен.

А сам он подошёл к воротам, тронул калитку — с тихим скрипом она медленно открылась, он прошёл на территорию коттеджа. Обходя вокруг дома, у запасного выхода Поляковский заметил на двери и ручке кровавые отпечатки ладоней, остальное было занесено снегом. Валерий не стал оставаться во дворе дольше, а вышел обратно к машине.

На повороте с мигающими фарами показалась полицейская машина. Рэйен по совету Валерия продолжала оставаться в машине, тонированные стёкла хорошо её укрывали. Подъехавшей полиции Валерий предъявил свои документы, и все вопросы сразу были сняты: в коттедже жил Аристарх, но в собственности он был оформлен на Поляковского.

Когда формальности были соблюдены, оба офицера прошли на территорию коттеджа, сняли с двери жёлтые ограждающие ленты и вошли в дом.

В прихожей не было ничего напоминающего разгром сопротивления.

— Видимо, жилец знал вошедших? — спросил Валерий.

— Всё значительно хуже, — сказал коп, — теперь это уже не секрет. Дело в том, что в дом вошли два человека в полицейской форме соседнего участка. Третий — водитель — остался за рулём. В доме эти двое, видимо, стали угрожать вашему другу.

— Это был мой отец, — сказал Валерий. — Что с ним? Он жив?

— О! Простите! У вас разные фамилии... Да, он жив, сейчас в больнице, — ответил полицейский.

У Поляковского отлегло от сердца, и он снова стал вслушиваться в то, что рассказывал коп.

— Итак, лжеполицейские угрожали ему оружием, и один из них выстрелил в потолок для острастки. По словам потерпевшего, он дал согласие выдать всё

ценное, лишь бы они уехали. Он вынул из ящичка настольного бюро две пачки 100-долларовых купюр и кинул одну «полицейскому». Второму он кинул вторую пачку, но банковская лента, видимо, была повреждена, второй «коп» её не поймал, и деньги рассыпались веером. В этот момент ваш отец выхватил из того же ящичка пистолет и стал стрелять в нападавших. Первого он уложил на месте, второго ранил в руку — видимо, тот закрывался ладонью. Водитель, услышав выстрелы, влетел в прихожую и сделал два выстрела в грудь и плечо вашему отцу из своего пистолета.

— ...Ваш отец переложил пистолет в левую руку, сделал один выстрел в сторону водителя и, скорее всего, не попал. Видя, что их жертва продолжает стрелять, двое грабителей скрылись из помещения разными путями: раненый нападавший сбежал через заднюю дверь, это нам ясно по следам крови. Водитель же ретировался обратно к машине, следов крови за ним не было, подобрал своего подельника и успел уехать до появления полиции. Однако их сумели перехватить через несколько кварталов, завязалась перестрелка, грабители ликвидированы, ранения получили двое полицейских.

«Жаль, что грабители погибли, было бы интересно с ними поговорить», — подумал Поляковский, а вслух сказал:

— Грабителям так и надо, а полицейским я очень благодарен и готов помочь всем, что необходимо. Дайте мне знать, что понадобится. А что с отцом?

— Вызванная местная полиция и скорая помощь прибыли вовремя. У потерпевшего обнаружили сквозное ранение правого плеча и инфаркт от попадания в грудь пули 38-го калибра, но надетый под свитером незаметный бронежилет полицейского образца спас

жизнь пострадавшему — поразительная предусмотрительность, — у полицейского, видимо, на языке вертелся вопрос, зачем на пострадавшем был бронезилет, да ещё и в доме, но он не решился его задать.

— Где мой отец сейчас? — этот вопрос интересовал Поляковского в первую очередь.

— Сейчас он в реанимации, шансы выжить хорошие, но с инфарктом нужно его наблюдать, и возможна в ближайшее время операция, чтобы поставить датчик на несколько лет. Вообще ваш отец вплоть до больничной палаты всё время шутил и просил, чтобы вы приехали к нему сразу по возвращении, — рассказал полицейский.

— Да, я обязательно буду, и, возможно, с родственницей, его крёстной.

— Это не она ли сидит в вашей машине? — вопросительно поднял бровь полицейский.

— Да, именно она будет ухаживать за крёстным отцом в больнице. А пока у неё небольшой шок от происшедшего, а кроме того, она боится чужой крови. Мы заедем в больницу завтра: она успокоится и придёт в себя, а я приведу дом в порядок, — обрисовал Поляковский ближайшие планы.

— Как вы думаете, много ли преступники захватили у вас денег или ценностей? — уточнил коп.

— Вы же сами сказали, что вторая пачка рассыпалась, а хозяин первой был убит, значит, ничего, — ответил Поляковский. — Даже жаль его, отдал жизнь

за пустяк — за мыльный пузырь. Подождал бы пару дней да и встретил меня с семью килограммами золота, которое я должен был в Квебеке проверить у экспертов. Да мне и не жалко бы было. Оставил бы себе только бумаги с решениями специалистов. Не зря Христос говорил: «Сними рубаху и отдай грабителю всё».

— Сейчас не те разбойники, — улыбнулся полицейский. — Мародёры, никогда заранее не знаешь, то ли это грабители, то ли наёмные убийцы! Ваш отец говорил, что они произнесли всего несколько фраз, скорее всего, на украинском языке, английский был с тем же акцентом.

— Я позвоню в больницу и попрошу, чтобы отца предупредили, что завтра мы его навестим. Что ж, спасибо за помощь, всего доброго! — пожал Валерий полицейскому руку.

— Да! Чуть не забыл, — полицейский остановился, — рассыпанные деньги вместе с пачкой мы временно увезли в участок, где их пересчитали и зафиксировали.

— Спасибо вам! — ответил Валерий. — Передайте их в Фонд полиции Нью-Йорка.

И они крепко пожали руки и расстались. Валерий взглядом проследил, как задние габариты полицейской машины мигнули и скрылись за поворотом. Потом подошёл к автомобилю, в котором так и сидела Рэйн, открыл дверь и помог ей выбраться.

Водителя с машиной он отпустил: в гараже стояло два автомобиля и Поляковский при необходимости сам мог сесть за руль.

— Не хотел, чтобы ты вошла в мою семью при таких обстоятельствах, — сказал Поляковский Рэйен, убирая с её лица локон, выбившийся из-под шапки. — Если хочешь, мы уедем сейчас отсюда и переночуем у меня в пентхаусе.

— Мне не страшно, я ведь с тобой, — улыбнулась ему девушка. — А ты, я думаю, хочешь осмотреть место, где всё произошло.

— Я очень тебе благодарен, за понимание, за поддержку... Просто за то, что ты есть...

И они вошли в дом.

В просторной прихожей было всё нормально, а вот в гостиной, в которой всё и произошло, был беспорядок, в стенах виднелось несколько дырок от пуль.

— Тебе точно здесь не страшно? Или, может быть, неприятно здесь находиться? — спросил Валерий — ему было важно, чтобы Рэйен чувствовала себя хорошо.

— Не переживай, всё в порядке, — отозвалась она. — А где здесь кухня? Может, я сварю кофе?

— Кухня вот здесь, — Валерий указал направление. — Посмотри в холодильнике — там должна быть еда, отец всегда делает большие запасы. И кофе там тоже наверняка есть, а я бы от чая не отказался.

Девушка прошла на кухню, и до Поляковского донеслись обычные домашние звуки — звяканье посуды, мягкий хлопок дверки холодильника, шум воды, лёгкий стук турки о плиту — и у него на сердце вдруг стало легко, и появилась уверенность, что всё будет хорошо.

Он глубоко вздохнул и огляделся — уборки, в общем-то, немного, больше времени придётся потратить на ремонт — следы от пуль интерьер не украшают.

Взгляд Валерия наткнулся на старый, большой фотоальбом, которого он раньше не замечал: увесистый фолиант, явно старинный, в потёртом кожаном переплёте лежал на полу. Видимо, падая, кто-то из грабителей его задел, и тяжёлый альбом упал да так и остался лежать, дожидаясь, пока вернётся хозяин и позаботится о нём.

Поляковский поднял альбом и автоматически начал его просматривать. Со старинных, чёрно-белых фотографий на него смотрели очень разные люди — мужчины, женщины, старики, дети. Здесь были и сольные портреты, и семейные фотографии, и по ним Поляковский понял, что эти люди — родственники по линии Магулии: на семейных портретах в нескольких поколениях прослеживались явные фамильные черты.

Валерий медленно перелистывал потемневшие от времени альбомные страницы, заморожённо

всматриваясь в незнакомые и одновременно чем-то притягательные лица.

Кем были эти люди? Как они прожили свои жизни? Что любили, что ненавидели? Были они счастливы или несчастны?

Перелистнув последнюю, он застыл, не веря своим глазам, словно провалившись из реальности в другое измерение: прямо ему в глаза со старой, пожелтевшей фотографии строгим и понимающим взглядом смотрел Старик.

Валерий и Рэйен приехали в больницу Святой Девы Марии. Аристарх, находившийся в отдельной палате, несмотря на тяжёлые ранения, встретил их вполне бодрым. С перевязанным плечом и рукой на «косынке», весёлый и шустрый, в больничной пижаме и шлёпанцах не по размеру, глядя на серьёзного Валерия и улыбающуюся Рэйен, он расспрашивал их:

— Видите, «жив курилка» и радуется, что живой. Рассказывайте о своих похождениях, мои вам уже известны...

— Ты лучше скажи честно — как себя чувствуешь? — спросил Поляковский, раскладывая на тумбочке рядом с кроватью апельсины — любимые фрукты Магулии.

— Сначала, на адреналине, когда отстреливался, почти ничего и не почувствовал, — посерьёзnel генерал. — Потом только уже, когда эти олухи сбежали, сознание потерял. Хорошо, что соседи быстро вызвали полицию и скорую. А что с...

— Грабители погибли в перестрелке с полицией, — ответил Поляковский, поняв, о чём спрашивает Магулия.

— Жаль... жаль... А так хотелось понять: это просто ограбление, или не просто... — пробормотал Аристарх.

— Ладно, Бог даст — всё выяснится. Главное — ты живой, — Поляковский усадил Рэйен на диванчик, а сам присел на стул у кровати Магулии. — У меня к тебе серьёзный вопрос. И мне нужно, чтобы ты ответил мне как можно честнее и точнее.

«Что это с ним? Что за тон? — заметались мысли в голове генерала. — Он никогда вот так меня ни о чём не спрашивал! Неужели он узнал, что я потихоньку выводил деньги на свой личный счёт?» — у Магулии на лбу выступил холодный пот.

— Что с тобой? — встревожился Поляковский. — Тебе плохо?

— Нет, я в порядке, — слабым голосом отозвался Магулия. — О чём ты хотел спросить?

— Вот, я нашёл у тебя в коттедже, — Поляковский достал из внутреннего кармана старую фотографию и протянул её генералу. — Кто этот человек?

У Магулии отлегло от сердца. Он взял фотографию, всмотрелся в лицо запечатлённого на ней человека, и его губы злобно скривились.

— Итак? — поторопил его Поляковский.

— А это, Валерка, наш с тобой предок, — Аристарх вдруг перешёл на русский и с такой неожиданной злостью сжал фото, что Поляковский счёл за благо взять его обратно, собственно, Магулия не возражал. —

Это Павел Авалиани, бывший князь, мой прапра... в общем, предок по отцовской линии. Богатейший был человек! Богатейший! Мерзавец...

— Чем же он плох? — уточнил Поляковский.

— Чем? Да всем! — Магулия перешёл чуть ли не на крик. — Этот, с позволения сказать, родственничек пожил в своё удовольствие, а потом вдруг прозрел: решил, что такое богатство в одни руки — грех, раздал всё состояние церквям, приютам, университетам. Детям своим — шиш, — Магулия вдруг скрутил фигу и ткнул её под нос Поляковскому. — Нет, ну им тоже остались крохи на первое время. Сказал: я сам своё состояние создал и приумножил, вам дал прекрасное образование и денег для начала оставил — дальше сами. И ушёл.

— Куда ушёл? — не понял Поляковский.

— В священники! Ты представляешь?! Грехи замазывать! Праведником заделался! А то, что его дети и внуки, и другие потомки, и я в том числе, без гроша остались, его не волновало! Я всю жизнь промыкался на этой собачьей службе! А всё из-за него! Все мои беды из-за него! Из-за этого... — тут Магулия увидел, что на него в изумлении смотрит Рэйн, и взял себя в руки. — Ладно, извините, — он снова перешёл на английский. — Что-то я разволновался, — он через силу улыбнулся девушке. — Ты, цветочек, не волнуйся: в нашей семье только я такой... сумасшедший... А Валерка — он в мать пошёл, спокойный,

рассудительный, тюфяк, в общем. Не переживай! Совет вам да любовь! А денег вам дед Аристарх зарабатывает! Если Валерка не разбазарит — то всё у вас будет хорошо! — он рассмеялся и откинулся на подушки.

В это время в палату заглянула медсестра: её привлёк шум, да и капельницу пора было ставить.

— Ну-с, уважаемые посетители, вам пора, — улыbnулась она и шутливо указала Валерию, который до сих пор сидел у кровати Аристарха в состоянии, близком к шоку, на дверь — он очнулся, только когда к нему подошла Рэйен и положила ему на плечо ладонь.

— Да-да, мы уходим, — проговорил Валерий. — Выздоровливай поскорее, — пожелал он Магулии.

На прощанье Аристарх снова на русском крикнул им вдогонку:

— До вашей свадьбы заживёт!..

— Что он сказал тебе? — спросила Рэйен.

— Что, выйдя из госпиталя, собирается жениться, но строгая медсестра считает, что они не пара, сорок лет большой разрыв, — пошутил Валерий.

«Как странно, раньше у Аристарха глаза были яркие, голубые, почти синие... А сейчас, кажется, стали блёкло-серыми, почти прозрачными, как тонкий лёд на лужах...» — мелькнула мысль у Валерия.

— Для любви возраст не помеха, — задумчиво отозвалась Рэйен. — У нас с тобой тоже большая разница.

— Тебя это пугает? — заглянул ей в глаза Поляковский.

— Нет. Мужчина должен быть старше, опытнее. Главное — чтобы в семье была любовь, — без тени кокетства ответила девушка.

«Ты мой подарок Судьбы», — подумал Поляковский.

«Это правда, — глядя им вслед, подумал Павел, незримо присутствовавший в палате всё это время. — А вот ты, Аристарх, — он повернулся к Магулии, глядя, как тому ставят капельницу, — не смог оценить того, что тебе давала Судьба, не смог оценить помощи и защиты... ни Любви, ни искренности. Главным для тебя всегда были деньги ради денег. Что ж... Это твой выбор, и ты его сделал».

Павел горько вздохнул.

«Прощай, Аристарх. Ты так ничего и не понял — или не захотел понять. Теперь — ты сам за себя. Я отнимаю от тебя свою руку: больше над тобой нет моей защиты. Прощай».

И невидимый обычному глазу Павел вышел из палаты: у него была надежда — Валерий и Рэйн.

Как и планировал, Валерий в срочном порядке организовал для себя офис — небольшой и элегантный. Две картины с котами перекочевали из пентхауса в него: одну картину разместили в приёмной — у Рэйен, а вторую — в кабинете Поляковского. Появление офиса оказалось очень своевременным: и не только потому, что Рэйен должна была «по легенде» изображать его секретаря — она и сама хотела вместе с ним работать, но и потому, что его деловой график стал намного интенсивнее, чем раньше. К Поляковскому рекой стала стекаться информация о предметах искусства, лежавших в сфере его интересов, и просто удалённо работать из своего пентхауса, как он делал раньше, уже было недостаточно.

Рэйен быстро освоилась на новом для себя поприще и радовалась, помогая Валерию вести дела. Они были той счастливой парой, когда людям хорошо вместе и на работе, и дома.

Завершив рабочий день, они ехали домой: Поляковский снял для Рэйен уютную квартиру в том же доме, где жил сам. На всякий случай Рэйен придала ей жилой вид: безделушки, одежда в шкафах,

продукты в холодильнике, зубная щётка и другие мелочи в ванной, разобранный постель...

Покушение на Аристарха только добавило Поляковскому уверенности в том, что его любимую Рэйен нужно оберегать. Полицейские, расследовавшие это дело, пришли к выводу, что это была «просто попытка ограбления» богатого коттеджа. Но бережёного Бог бережёт, и Поляковский всеми силами старался придерживаться этой поговорки, признавая её мудрость.

Поэтому, возвращаясь с работы, Рэйен сначала заходила «к себе», а потом уже поднималась к Валерию. Их отношения развивались постепенно, Поляковский не спешил, хотя иногда думал, что уже не в силах противиться очарованию девушки. Но — предпочитал скрипеть зубами и принимать холодный душ, лишь бы не напугать юную девушку своей мужской горячностью. Рэйен это понимала: несмотря на свой юный возраст, она успела повидать в жизни многое и смогла оценить то, как благородно вёл себя Валерий.

Время бежало быстро, и, хотя Аристарха придерживали в больнице, он всё же выбрался на «свободу», пеняя на врачей, что те тянут с него лишние деньги, хотя «его денег хватало на всех содержащихся в госпитале больных вместе с обслугой», как он сам и говорил.

Действительно, скука разъедала ему мозги, и он не находил себе места, ворча, что «Валерка наверняка где-то напортачит».

Выйдя из больницы, он первым же делом занялся ремонтом дома, с наслаждением командуя строителями.

Валерию и Рэйен он объявил, что не собирается дважды лезть под пули гангстеров или киллеров и облегчать их участь и выставит этот дом на продажу.

— Я городской житель и поступлю так же, как и вы, куплю квартиру в доме, где вы живёте: в конце концов, будем соседями, как в Москве, чай друг к другу ходить пить.

Против никто не был, дела шли хорошо, «империя» росла как на дрожжах, набирая новых специалистов, увеличивая количество рабочих мест и платя налоги государству.

Строительная эпопея вдоль Атлантического океана близилась к своему завершению. Магулия улетел пробивать новые направления и заключал невероятно выгодные договоры. Чутьё у этого «Фокса» было идеальное, он будто бы спешил куда-то не опоздать и не упустить выгодную сделку.

Валерий, в отличие от него, подходил к делам мягко и конструктивно, он неспешно анализировал все возможные «да» и «нет» и, как правило, не ошибался.

Поляковскому пришлось на себя взять работу, которой раньше занимался погибший Питер Линк: золото и всё, что было с этим связано. Он пытался «отбодаться», но генерал настоял, и Валерий, ранее думавший, что его участие в золотом направлении ограничится только парой полётов в Квебек для экспертизы, был вынужден погрузиться с головой в это новое для себя дело. И ему это неожиданно понравилось и, что казалось ему самому совсем невероятным, — начало фантастически везти.

Золото текло рекой, и этот поток становился всё сильнее.

В один из дней, проверяя баланс счёта, на который стекалась «золотая» прибыль, Поляковский

задумался: зачем им такая прорва денег? Для чего? Эти бесконечные «нули» — вот они лежат, мёртвые. Зачем это всё?

Додумать ему не дали.

— Валерий, к тебе пришли, — Рэйен с улыбкой вошла в нему в кабинет. — Правда, этот господин пришёл без записи, без звонка.

— А кто это? — Поляковский притянул к себе девушку и поцеловал её ладошку.

— Некто господин Марио Бруно, — Рэйен наклонилась к нему и прошептала, — и с ним несколько человек охраны.

— О! — вскинул брови Поляковский. — Это даже интересно: зачем я понадобился боссу итальянской «общины» Нью-Йорка. Зови.

— Мафия? — охнула Рэйен. — Это опасно!

— Нет, не опасно, не волнуйся, — улыбнулся Валерий. — Не переживай. И пригласи нашего гостя — некрасиво держать человека так долго в приёмной. И принеси нам кофе, пожалуйста.

— Ладно, — и Рэйен пригласила посетителя в кабинет.

Вместе с высоким, аристократичного вида мужчиной средних лет вошло ещё два человека охраны: они осмотрели помещение и остановились у двери — один со стороны приёмной, второй остался в кабинете.

Поляковский выдержал паузу, достаточную для всех этих манипуляций, поднялся из-за стола и пожал гостю руку:

— Здравствуйте, господин Бруно, присаживайтесь, — он указал на удобный диван, стоявший «спиной» к входной двери кабинета, а «лицом» — к панорамному окну, из которого открывался великолепный вид.

— Благодарю, господин Поляковский, — итальянец удобно устроился на диване и восхищённо вздохнул, наслаждаясь панорамой. — Очень, очень красиво.

— Кофе? Что-то покрепче? — Валерий решил не спрашивать, откуда этот человек знает его настоящую фамилию.

— От кофе не откажусь, благодарю, — голос итальянца был звучным, но безжизненным, казалось, он говорил через силу.

Рэйен внесла на серебряном подносе в кабинет полный набор для приятного времяпрепровождения за кофе: кофейник и чашки из почти прозрачного фарфора, сахарницу, сладости. Поляковский знаком попросил её поставить поднос на столик перед диваном и взглядом указал на дверь. Рэйен отсемафорила взглядом, что она рядом, и вышла.

«Ты мой любимый цветочек, моя защитница», — с нежностью думал Поляковский, разливая кофе по чашкам.

Когда первый глоток был сделан, Марио Бруно отставил чашку, повернулся к Поляковскому и спросил:

— Это правда, что вы помогли девочке снова ходить и говорить?

Поляковский был ошеломлён — он молча смотрел на этого опасного и явно несчастного человека.

— У вас что-то случилось? — наконец спросил он.

— Да. Мой сын серьёзно ранен. Не буду напускать тумана — вы ведь знаете, кто я?

Поляковский кивнул, и итальянец продолжил:

— Стреляли в меня, но мой мальчик подбежал ко мне обнять перед уходом, и пули попали в него, он потерял много крови. Внутреннее кровотечение удалось остановить, но пробито лёгкое в двух местах, доктора дают неутешительный прогноз, — слова давались мужчине с трудом.

— Я очень, очень вам сочувствую, — тихо проговорил Поляковский. — Но я не понимаю — что же вы хотите от меня?

— Сделайте то же самое, что вы сделали для той девочки! Умоляю, заклинаю вас всем, что для вас свято, — итальянец заговорил быстро, горячо, не замечая, что схватил Поляковского за руки.

— Господин Бруно, — Валерий мягко высвободил руки. — Послушайте, я только прочитал молитву и подарил картину. Всё — я больше ничего не сделал, понимаете? Это может быть обычным совпадением! Просто совпадением!

— Прошу, умоляю! — Бруно сполз с дивана и опустился перед Поляковским на колени. — Сделайте то же самое для моего сына! Я заплачу! Любые деньги! Всё, что хотите! Возьмите мою жизнь, но спасите моего мальчика! Он ни в чём не виноват! Я, только я виноват! Мои руки в крови, не его! — силы оставили его и он зарыдал, уткнувшись лицом в сиденье дивана.

Дверь открылась, вошла Рэйен. Она быстро подошла к мужчинам, не обращая внимания на охранников, дёрнувшихся к ней, но потом переглянувшихся и вернувшихся на свои места, опустилась на колени рядом с итальянцем и обняла его, шепча слова утешения. Поляковский им не мешал.

Бруно постепенно успокоился, но с колен не поднялся, настойчиво смотря в глаза Валерию. Тот продолжал молчать.

— Валерий, сделай, как он просит, — вдруг проговорила Рэйен, присевшая рядом на диван.

— Ты ведь понимаешь, что может ничего не получиться? Я всего лишь человек, — тихо ответил ей Поляковский.

— А ты верь! — её голос окреп. — Как я в тебя! И Господь тебя услышит и поможет! Верь!

«Верь!» — вдруг прозвучал у Поляковского в голове мужской голос.

— Скажите, господин Бруно, почему в вас стреляли? — задал вопрос Валерий.

— Я сделал много зла в своей жизни, — глухо ответил тот. — Чтобы вам было понятнее, люди моей профессии в России называются «решала». Вы понимаете, о чём я говорю? Я решал любые проблемы. Как говорили раньше? Нет человека — нет проблемы... Но недавно я ощутил, что в моей жизни слишком много крови... И когда я смотрел в завтра, я понимал, что кроме крови, крови и крови меня ничто не ждёт. Мне стало страшно. Я понял, что потерялся и не знаю, зачем живу. — Итальянец помолчал и процитировал Данте: — «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Я очутился в личном аду. Вы понимаете меня?

— Да, — отозвался Поляковский.

— И тогда я решил полностью изменить свою жизнь — пусть не ради себя, а ради сына, ему всего двенадцать лет! У него есть шанс на нормальную человеческую жизнь! Кто стрелял? Думаю, что это может быть или месть кого-то, кого я сделал несчастным, или — меня попытался убрать кто-то, кто хочет занять моё место.

— Хорошо, я сделаю то, о чём вы меня просите. Но с одним условием, — поспешил сказать Поляковский. — Мне не нужны деньги, нет-нет, это не обсуждается.

— Всё, что хотите! — глаза итальянца горели решимостью.

— Я хочу, чтобы вы постарались попросить прощения у тех, кому сломали жизнь, и постарались убедить таких же, как вы, изменить свои жизни и перестать лить кровь.

— Я сделаю это! — мужчина был удивлён, но Поляковский почувствовал, что тот сделает всё, что будет в его силах.

— Хорошо! — Поляковский хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся. — Нужно заехать ко мне, то, что необходимо, находится у меня дома.

Они быстро доехали до пентхауса, Поляковскому понадобилось несколько минут, чтобы подняться к себе, достать из сейфа «Деяния Святых Апостолов», положить шкатулку с книгой в тот же скромный рюкзак. Он уже собирался закрыть сейф, но тут его взгляд упал на небольшую папку из плотного картона: в ней хранился рисунок — набросок да Винчи к картине «Иоанн Креститель». Поляковский приобрёл его совсем недавно и ещё не успел отвезти в банковское хранилище.

Валерий размышлял всего секунду, потом решительно и осторожно вынул папку с наброском из сейфа, закрыл его и быстрым шагом направился к выходу.

День рождения Рэйен они решили встретить в Сан-Франциско, в бывшей русской колонии, и затем улететь на несколько дней в Мексику. Аристарх вернулся и принял у Валерия дела по золоту, и на следующий день Поляковский и Рэйен вылетели в Сан-Франциско.

Во время полёта Валерий по привычке читал газеты.

— Посмотри, дорогая, это уже становится традицией, — и он показал Рэйен статью в *The New York Times*, размещённую на первой полосе под названием «Прошу прощения за грехи».

«Я, Марио Бруно, до 47 лет живший несправедливой жизнью, осознал свои грехи и прошу прощения у всех, кому сломал жизнь, отнял радость и счастье. Искренне прошу вас: простите меня.

Если среди вас есть кто-то, кто не будет счастлив, пока я живу на этом свете, — вы знаете, где меня найти. Сопротивляться я не буду, так как знаю, что грешен, и осознал это в полной мере.

Мои бывшие «коллеги», призываю вас: остановитесь, смягчите свои сердца, загляните в свои души и вы увидите — они страдают от того, как вы живёте.

Верните себе человеческий облик, тот, что дал нам Господь при рождении.

Я уже встал на этот Путь».

— Я очень рада, что у тебя получилось помочь его сыну, да и ему самому, — сказала девушка, откладывая газету.

— Это твоя заслуга, — ответил ей Поляковский и шёпотом добавил: — И ещё одного человека.

Он вспомнил, как в тот момент, когда он начал читать главу из «Деяний Святых Апостолов», рядом с ним зазвучал ещё один голос. Не отрываясь от чтения, Валерий скосил глаза и увидел, что рядом с ним стоит больше никому не видимый Павел и молится за мальчика вместе с ним.

— Прекрасный подарок, — добавила девушка, устраиваясь на плече Поляковского.

Рэйен исполнилось восемнадцать лет, и Валерий хотел сделать праздник незабываемым. Взявшись за руки, они бродили по Сан-Франциско, заходили в галереи, магазинчики, бродили по паркам, наслаждались вкусной едой в лучших ресторанах.

— Чего бы ты хотела? Что тебе подарить, цветок моей души? — спросил её Поляковский, когда поздним вечером они сидели на террасе своего номера, любовались на звёзды и пили «Мадам Клико» — это шампанское стало для них чем-то вроде символа начала их отношений. — Скажи, и я сделаю для тебя всё, что ты захочешь.

— У меня два желания, но сегодня я готова назвать первое, — Рэйен замолчала, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, и, услышав именно то, что ожидала, кивнула. — Подари мне себя, — прошептала она, и её щёки мило порозовели от смущения, но взгляд она не опустила.

— Я буду только счастлив, — Валерий накрыл её ладонь своей рукой. — Но ты уверена?

— Да, я уверена, — в её глазах мерцали отблески звёзд.

Поляковский помог ей встать, подхватил на руки и унёс в спальню. В их жизни начался следующий виток.

В Мексике Канкун встретил их великолепием своих пляжей. Слетевшиеся со всего мира отдыхающие круглые сутки наслаждались ласковыми водами Мексиканского залива, разнообразными аттракционами, танцплощадками и ресторанами. Валерий и Рэйен наслаждались жизнью и друг другом. Три недели пролетели как одна минута.

— Я готова озвучить своё второе желание, — в один из таких дней, когда они блаженствовали в шезлонгах на пляже, сказала Рэйен Валерию.

— Всё, что ты захочешь, любимая, — отозвался тот, с любовью глядя ей в глаза.

— Я помню, что когда мы только с тобой познакомились, ты сказал, что ради моей безопасности будешь выдавать меня за своего секретаря. Ты не

передумал? — Рэйен замолчала в ожидании ответа Поляковского.

— Ты хочешь...

— Валерий, я хочу, чтобы мы зарегистрировали наши отношения, — девушка сказала это решительно и без тени сомнения. — Мне не нужна пышная свадьба: просто регистрация брака и скромная церемония.

— Я буду любить тебя всю жизнь, я никогда тебя не предаю и не покину, ты и наши дети будут полностью обеспечены, — горячо сказал Поляковский. — И я прошу тебя подумать о своей безопасности, ведь регистрация — это просто формальность. Для меня твоя жизнь важнее штампа!

— Любимый, я чувствую, что нахожусь в полной безопасности, — мягко ответила Рэйен. — И мне не хочется объяснять нашему ребёнку, почему его родители не женаты, — и она положила ладонь на свой ещё плоский живот.

— Ты... — Поляковский замолчал, не веря своему счастью.

— Да, — подтвердила Рэйен.

— Я буду отцом! — закричал Валерий на весь пляж, вскочил с шезлонга, подхватил Рэйен на руки и закружил её, а потом приник к губам долгим поцелуем.

Свой первый и последний официальный брак, как они сказали капитану, Валерий и Рэйен зарегистрировали на теплоходе «Принцесса Амелия».

Они были счастливы. Были счастливы также Павел и Амитола, незримо стоявшие во время церемонии за спинами своих потомков. И только Валерий смог увидеть две нереальные, но такие родные фигуры и молча кивнул им — приветствуя и благодаря. Павел и Амитола кивнули ему в ответ и растворились в сияющем свете.

Узнав, что на теплоходе появились молодожёны, публика так бурно аплодировала и веселилась, что, казалось, раскачала «Аmeliю», как в шторм, хотя залив оставался спокойным, и теплоход сопровождал эскорт дельфинов. Пожелания счастья и благополучия будто витали над молодыми супругами розово-белым облаком рассыпавшихся над ними лепестков роз.

Вернувшись в «порт назначения», в свой гостиничный номер молодые супруги добрались лишь на рассвете начинающегося счастливого утра, даже не зная, что местные ТВ и радиоканалы и вся «пляжная» пресса раструбили «на всю Ивановскую» об их свадьбе как о главном и шикарном событии месяца — интернет пестрил фотографиями счастливых молодожёнов.

Подошло время прощаться с Канкуном. Рэйен не захотела лететь на самолёте — из-за беременности её тошнило, и они решили прокатиться на гигантском автобусе, знакомясь с местным ландшафтом и людьми, торгующими в своих деревнях всевозможными сувенирами.

Эти пёстрые и дешёвые поделки, которые местные делали своими руками, очень нравились Рэйен, и она с интересом разглядывала их на каждой остановке. А вот Валерия эта «наземная» поездка начала раздражать своей медлительностью.

Но, с другой стороны, их здесь никто не знал, а ехавшие с ними вместе пассажиры не проявляли особенного внимания к супружеской паре.

Автобус мчался за ускользящим солнцем к мексикано-американской границе. Не доезжая до неё несколько миль, автобус остановился на большой современной заправке с «Макдональдсом», сувенирным ларьком и площадкой заправочной станции под рекламой на испанском и американском языках.

Валерий не мешал Рэйен выбирать себе и будущему малышу игрушки. Отойдя в сторону, он любовался звёздным небом, вдыхая аромат здешних

диких и немного горьковатых трав. Послышался гудок автобуса.

Поляковский повернулся, и в этот момент в его спину упёрся ствол револьвера и полумальчишеский-полувзрослый голос что-то предъявил ему на испанском языке.

— О'кей, о'кей! — громко согласился с ним Валерий, мягким приёмом айкидо вывернул из рук подростка оружие и отбросил его подальше.

В этот момент сзади него гулко прогремел выстрел, и тяжёлая пуля ударила его в спину. Тёмная фигура в шлеме вскочила на мотоцикл и скрылась в темноте.

Обезумевшая Рэйн первой подбежала к своему мужу: Валерий лежал на боку, выбросив вперёд правую руку. Глядя на свою юную жену, он сказал всего два слова: «дети» и «Аристарх», — и, закрывая глаза, Валерий произнёс непонятное — «он...».

Через несколько минут Поляковский отключился. На грани яви и обморока ему привиделся Павел — он загнул последний из трёх пальцев и сказал «твое время пришло», позади него разлился яркий свет, а через мгновение всё исчезло.

Через четверть часа с американской территории прилетел срочный медицинский вертолёт с бригадой врачей и увёз бессознательного Поляковского и Рэйн, чтобы вновь бросить её уже на посадочной площадке рядом с госпиталем, под яркие вспышки камер фотографов и журналистов, выкрикивавших и выспрашивавших, как это всё случилось.

Но бледная как смерть Рэйн была в шоке и только молча застыла под назойливыми вспышками,

не произнося ни слова, пока её не спас от этих стервятников один из полицейских.

В госпитале после разговора с врачом Рэйен словно переродилась: её глаза горели огнём, и она никогда не подпускала к палате мужа. А спустя некоторое время, снова зайдя к врачу с увесистым пакетом в руках, она вдруг совсем успокоилась.

Через некоторое время в госпитале появился Аристарх. Его лицо посерело от волнения, он мелко трясся всем телом, и голос тоже дрожал, когда Магулия спрашивал у главного хирурга, есть ли хоть какой-то шанс...

— Меньше волнуйтесь, старина, это отражается и на вашем сердце, — напомнил ему доктор. — Примите мои соболезнования: завтра вашего сына готовят в последний путь...

— Да, да, что поделаешь, все под Богом ходим, — вздохнул Аристарх, как будто тоже успокоившись и поглядывая на Рэйен, сидевшую как часовой у палаты, где ещё лежало тело её мужа.

Магулия собирался вернуться на самолёте вместе с телом сына. При отправлении «Груза-200» он со скорбной физиономией и вздохами хотел получить гроб, но его грубо развернули: у него не было документов на отцовство.

— Ну как же так, я ведь и не думал о такой трагедии, всё осталось дома, а я же одинок, и даже попросить некого... — тараторил он.

— Не волнуйтесь, всем будет руководить его супруга.

— Кто-кто? — удивившись, переспросил Аристарх.

— Его официальная жена, теперь вдова. Вы не знали? — в свою очередь удивился врач. — Они сочетались браком в Мексике, и в новостях передавали, что выглядели счастливой парой и закатили при этом огромный пир. Вот вам и жизнь... — хлопнул по плечу старика старший врач.

— Да как же это так? — окостенел Аристарх. — Что же теперь будет?

— Ничего, старина, даст Бог — родится наследник, вдова беременна.

— Итак, на день рождения в 21 год он завладеет всем родительским капиталом и наследством. Да я

ж могу и не дожить? — бормотал в растерянности Магулия.

— Другие доживут.

— Да, да, конечно, — опомнился Аристарх и кисло улыбнулся. — Жаль будет, если не придётся погулять на этом торжестве...

В соответствии с завещанием Поляковского кремировали и прах развеяли над океаном.

Магулия пробыл в Нью-Йорке ещё несколько месяцев. Возможно, он остался бы жить в Большом яблоке и дальше: он уже начал продумывать план, как раскинуть свою «паутину» над Рэйен и взять её под свой контроль. Но в один «прекрасный» день к нему в офис пришёл мужчина итальянской внешности с двумя сопровождающими телохранителями.

— Меня зовут Марио Бруно, я должник Валерия Поляковского, — представился он.

— Чем обязан? — Магулию нервировал спокой-но-насмешливый взгляд непрошеного гостя.

— Я действую в интересах его вдовы и его будущих детей. Мои специалисты проверили состояние дел корпорации Поляковского и выяснили, что некоторое время вы выводили деньги со счетов, принадлежащих господину Поляковскому, на свой собственный счёт.

— Но я... — попытался то ли объяснить, то ли возразить Аристарх.

— Сумма не так велика, чтобы из-за неё устраивать драчку, — не дал ему заговорить гость. — К тому же вы всё же его биологический отец, да и я больше не занимаюсь подобными вещами, — улыбка итальянца была светлой.

— Так что же вы хотите от меня?! — в нетерпении вскричал Аристарх.

— Вы передадите все дела управляющему, которого назначил Валерий незадолго до отъезда в Сан-Франциско, его полномочия вполне легитимны. А сами — можете идти на все четыре стороны. Живите как хотите. Допишите свои мемуары, — хмыкнул итальянец. — Выведенных денег вам должно хватить на скромную жизнь.

— Но там крохи! Это несправедливо! — сделал попытку возмутиться Аристарх.

— Будьте ими довольны! — вдруг рявкнул итальянец. — Дети — вот самое ценное, что у нас есть. Вы не интересовались своим сыном всю его жизнь и вспомнили о нём только тогда, когда появилась возможность через него подобраться к богатству! И даже потом вы его только использовали! Вы вообще когда-нибудь его любили? Или вам только нравилось подсчитывать количество денег на счетах?

Генерал молчал.

— Вы жалкий... — итальянец глубоко вздохнул и уже спокойнее закончил: — Надеюсь, мы поняли друг друга.

Магулия молча кивнул и через некоторое время покинул США. Как позже выяснил Бруно, Аристарх уехал в Грузию и дальше его след затерялся.

Вскоре после его отъезда у Рэйен родилась двойня — девочка и мальчик.

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ...

Ранним утром на зелёном склоне горы у открытых ворот затерявшегося в горах монастыря на пледе сидела Рэйен, перед ней стояла корзинка с термосом и закусками, а рядом с ней пил кофе высокий смуглый мужчина с аккуратной бородой. Они читали газеты и смотрели на резвившихся детей — мальчика и девочку лет семи.

— Ты прочитала некролог? Убит при ограблении... Вот и завершился жизненный путь генерала, а его мемуары так и остались лишь проектом, — произнёс мужчина. — Собственно, как и вся его жизнь, от которой остались лишь несколько скупых строк некролога... — добавил он задумчиво.

— Судьба не дала ему сделать это, — ответила Рэйен.

— Судьбой управляет сам человек, ведь Господь дал людям такую свободу, — ответил мужчина. — Но есть те, кто ему помогает, и я знаю одного из них.

— Да, любимый, я помню, что ты мне рассказывал о своих видениях.

— Это не совсем видения, родная, это другая реальность. А Аристарх не придавал этому значения,

из-за чего и прожил свою жизнь неприкаянным и ушёл из неё одиноким изгоем...

— Не переживай так, — Рэйен нежно погладила мужчину по щеке. — Мы иначе проживём свою жизнь. Мы уже её живём иначе.

— Да, это так...

Они замолчали, глядя, как над Гималаями восходит солнце, и мужчина тихо проговорил:

— «Ни с чем не сравнима радость того мгновения, когда солнце восходит над Гималаями; когда синева ярче сапфиров; когда издали ледники сверкают, как несравненные драгоценные камни». Как же был прав Николай Рерих, как он был прав.

Рэйен согласно кивнула и склонилась головой ему на плечо.

Издали до них донёсся шум вертолёта, и вскоре на площадку опустился вертолёт, из которого вышел темноволосый мужчина и подошёл к ним.

— Здравствуйте! Босс, с тобой хочет поговорить управляющий вашего благотворительного Фонда поддержки нестандартных научных исследований. Когда ты сможешь его принять? — пилот опустился к ним на плед, взял опустевшую чашку, из которой до этого пил мужчина, и налил себе кофе из термоса.

— Серёжа, Настя, заканчивайте игру, полетим домой, пора заниматься, — прокричала детям Рэйен, чмокнула Валерия в щёку, поднялась, взяла детей за

руки и направилась ко второму геликоптеру, стоявшему на площадке.

— Спасибо, родная, — сказал Валерий и повернулся к пилоту. — Судя по тому, что управляющий не стал звонить и договариваться о встрече, а уже сидит в твоём геликоптере, новости, которые он хочет сообщить, должны быть феерическими, — хмыкнул мужчина. — Не будем его томить. Марио, зови его, кофе ещё есть.

Валерия Поляковского и Марио Бруно связывала настоящая дружба: именно итальянец, понимая угрожающую и Валерию, и Рэйен опасность, предложил вариант с фальшивым покушением, и сделал это очень вовремя — никто из присутствующих при этом «спектакле» не обратил внимания на то, что после того, как Поляковский упал, сражённый «выстрелом», две неприметные фигуры, направлявшиеся в его сторону, растворились в темноте, и позже в автобусе недосчитались двух пассажиров.

Бруно помог Поляковскому и с «кремацией», также он помог сделать Валерию пластическую операцию и даже изменить отпечатки пальцев; он помог вывести капитал Поляковского в другие банки и при этом оставить и даже расширить уже существующий бизнес; помог он и с новыми документами для всей семьи, и с переездом.

А в Фонде Поляковского итальянец, познавший новый вкус жизни и начавший её с чистого листа, стал работать по велению души.

Бруно улыбнулся другу и приглашающе махнул рукой — из вертолёта быстро выбрался человек и поспешил в их сторону.

Через два часа они закончили обсуждать последние наработки.

— У нас наметился потрясающий научный проект по управлению реальностью. Благодаря ему наш мир в скором времени сильно изменится, — резюмировал Валерий. — Думаю, что мы хорошо продвинулись к нашей главной цели: помочь осознанию человеком себя, своей воли. Ведь иной раз, оглянувшись назад, задумываешься: а я ли это был? Я ли это был настоящий? Рассудок, логика, расчёт говорят тебе: да, это был ты. А сердце говорит: нет, ты где-то свернул не туда. А самому разобраться бывает почти невозможно, невозможно разорвать опутавшую тебя паутину: то своих сил не хватает, то поддержки, то гордыня глаза застит. Только и есть надежда на Бога и Посланников Его — чтобы привели они человека к самому себе. Настоящему. Со свободной волей.

Валерий закрыл глаза, мысленно позвал — и увидел знакомого высокого старика: Павел улыбался ему.

Солнце поднималось всё выше над горизонтом, растворяя облака, похожие на паутину. Оно словно подсказывало, что теперь каждый осознанный человек может сам творить свою судьбу, освободившись из жёсткой паутины Мойры...

ОБ АВТОРЕ

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И. А. Бунина. Автор более двадцати книг. Председатель правления Московской областной организации Союза писателей России. Руководитель секции литературы и пропаганды знаний Российской академии естественных наук (РАЕН). Действительный член Академии Российской Словесности и Европейской Академии Естественных Наук, член Союза журналистов России. Президент Ассоциации мастеров поэтической миниатюры. Доктор философских наук.

Сергей Антипов

ПАУТИНА МОИРЫ

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Редактор: Антипов С.С.

Дизайн обложки: Антипов С.С.

Компьютерная вёрстка: Митрофанова В.А.

Отпечатано в
ООО «Издательство Серебро Слов»

E-mail: dogovor.srebro@gmail.com
Телефон: 8 (916) 964-84-64

www.tvoyakniga.ru

Интернет-магазин:
www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

